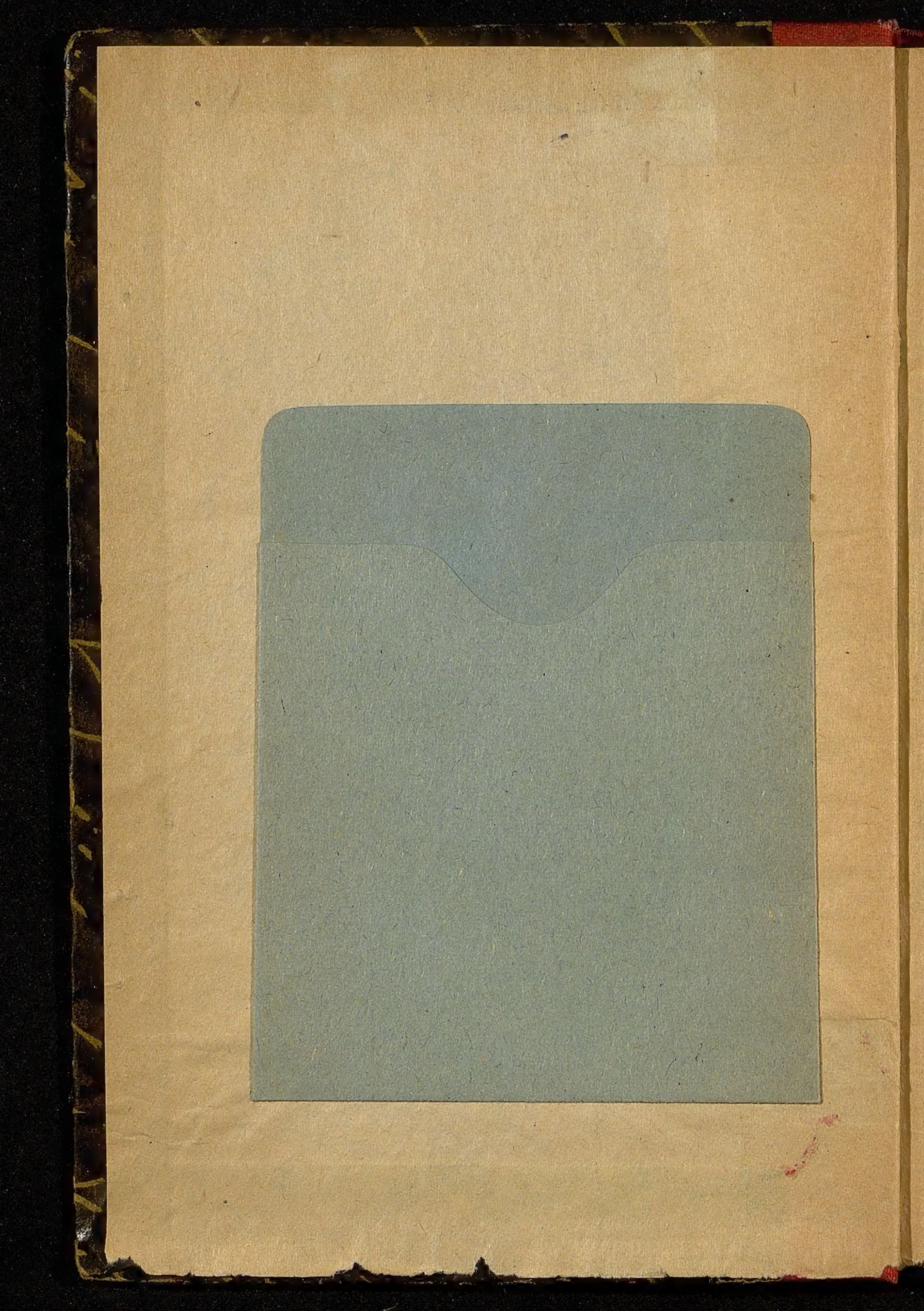
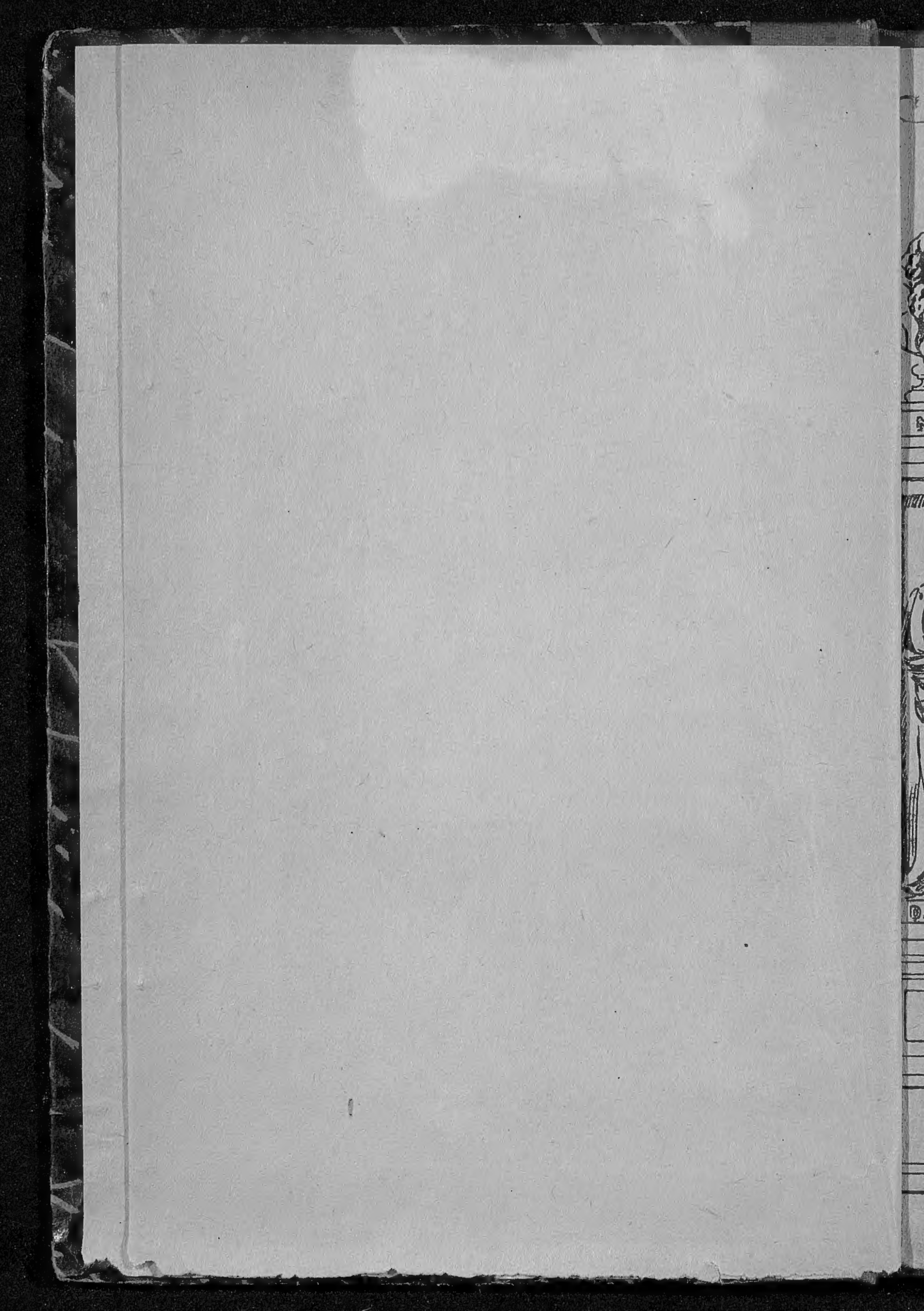

MARX MOMMSEN

В. П. Алексѣевъ.

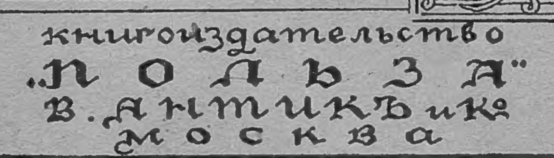
Борьба за идею законности въ Московской Руси.

DANTE

9-я серія

М. Слѣпянъ

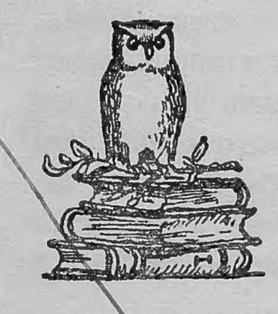
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ БИБЛІОТЕКА.

Серія II. № 8

В. П. Алексѣевъ.

БОРЬБА ЗА ИДЕЮ ЗАКОННОСТИ въ Московской Руси.

МОСКВА.

Книгоиздательство „ПОЛЬЗА"

В. Антикъ и К°.

Типо-лит. РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА. Москва
Телефоны: 18-35 и 53-95.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РОССИИ

Введенiе.

Начало законности, какъ основная потребность настоящаго времени. Всеобъемлющiй характеръ законности. Опредѣленiе понятiя законности. Законность въ узкомъ и широкомъ смыслѣ. Дайси о законности. Эволюцiя законности. Русскiй историческiй процессъ съ точки зрѣнiя законности. Задачи предлагаемыхъ очерковъ.

„Какое слово больше всего заставляетъ биться сердце современнаго русскаго человѣка? Что желалъ бы онъ видѣть осуществленнымъ? Именно законность, безъ которой нѣтъ обезпеченiя ни для правъ, ни для свободы, ни для благосостоянiя всѣхъ и каждаго“.

Эти слова, принадлежащiя проф. Градовскому, относятся къ 1880 году, а кажется, будто они написаны теперь. До такой степени они приложимы къ нашему времени. Въ самомъ дѣлѣ, едва ли когда-либо отсутствiе законности чувствовалось такъ сильно и больно русскими гражданами, какъ теперь, и несомнѣнно, потребность въ ней не была никогда настолько остра и настоятельна, какъ въ переживаемое нами время. Съ нимъ могутъ сравниться развѣ только всѣ такъ называемые смутные перiоды русской исторiи. И безъ опасенiя ошибиться можно утверждать, что около законности сосредоточиваются всѣ желанiя, всѣ помыслы современнаго русскаго человѣка, и къ водворенiю въ Россiи закономѣрнаго порядка направлены всѣ усилiя какъ отдѣльныхъ прогрессивныхъ политическихъ партiй, такъ и народнаго представительства.

Это господствующее въ настоящую минуту желаніе русскаго населенія съ виду представляется такимъ скромнымъ и незначительнымъ. На самомъ же дѣлѣ, оно огромно и всеобъемлююще. Оно, можно сказать, вмѣщаетъ въ себѣ прочія желанія и требованія отъ жизни, съ исчерпывающей полнотой покрываетъ ихъ всѣ. Ибо достаточно установить въ Россіи закономѣрный порядокъ, правовой строй, — и русскій народъ получитъ въ свои руки всѣ главнѣйшія средства для осуществленія своихъ какъ личныхъ, частныхъ, такъ и общественныхъ благъ. Передъ нимъ откроется широкая и торная дорога къ усовершенствованію, улучшенію всѣхъ сторонъ своей жизни, безпрепятственному и полному удовлетворенію своихъ потребностей, подъему своего матеріальнаго и духовнаго благосостоянія.

Таково уже свойство законности и создаваемыхъ ею условій для личной и общественной жизни. Въ этомъ легко убѣдиться изъ опредѣленія самого понятія *законности*. Законность можно понимать двояко—въ узкомъ, или формальномъ смыслѣ и въ широкомъ, внутреннемъ смыслѣ. Въ первомъ случаѣ—это простое соблюденіе существующихъ законовъ, независимо отъ ихъ качества. Хороши ли, дурны ли законы,—разъ они изданы, дѣйствуютъ, ихъ надо соблюдать. Таково требованіе первой, такъ сказать, элементарной законности. Такой законности нельзя отказать въ извѣстномъ значеніи съ государственной точки зрѣнія, въ смыслѣ обезпеченія государственнаго порядка и благъ, связанныхъ съ нимъ для народа. Во всякомъ случаѣ, самый суровый—мы готовы сказать — самый плохой законъ лучше самаго мягкаго произвола, личнаго усмотрѣнія. На сторонѣ перваго объективность и опредѣленность, на сторонѣ второго пристрастіе и разстяжимость. Законъ сообщаетъ госу-

дарственному порядку прочность и устойчивость, произволъ въ конецъ расшатываетъ его.

Законность въ широкомъ смыслѣ—это господство закона и только закона въ политической и гражданской жизни страны; закона, равно обязательнаго для всѣхъ и обезпечивающаго за каждымъ свободное осуществленіе своихъ гражданскихъ и политическихъ правъ.

Такая законность возможна лишь тамъ, гдѣ существуетъ широкое самоуправленіе населенія какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ, ибо только участіе самого населенія въ законодательствѣ и управленіи способно вызвать къ жизни законы, отвѣчающіе народнымъ интересамъ и охраняющіе права гражданъ. Но и простое соблюденіе существующихъ въ странѣ законовъ, т.-е. осуществленіе законности въ узкомъ смыслѣ, достижимо въ полной и дѣйствительной мѣрѣ точно также лишь при томъ же условіи. Правительственные органы, какъ бы они ни были поставлены идеально хорошо, во всякомъ случаѣ менѣе заинтересованы въ охраненіи силы законовъ, въ сущности для нихъ безразличныхъ, далекихъ, и вслѣдствіе этого не могутъ быть въ такой степени на стражѣ законовъ, какъ самъ народъ, интересы котораго находятся подъ охраной этихъ законовъ. Поэтому, если мы хотимъ обезпечить силу закона, мы должны привлечь къ охранѣ его прежде всего заинтересованную въ этомъ сторону, т.-е. само населеніе. Тогда нарушеніе закона будетъ одновременно и нарушеніемъ какого-либо права или интереса гражданъ и наоборотъ.

Однимъ словомъ, осуществленіе начала законности въ управленіи достижимо въ полной и дѣйствительной мѣрѣ при представительномъ образѣ правленія, при установленіи такъ называемаго народно-правового государственнаго порядка.

На конкретномъ примѣрѣ Англіи, гдѣ народно-правовой порядокъ существуетъ съ давнихъ поръ и достигъ наибольшаго развитія, лучше всего видны выгоды этого порядка въ смыслѣ гарантіи начала законности въ управленіи.

По словамъ извѣстнаго англійскаго ученаго Дайси, сущность государственнаго порядка въ Англіи составляетъ „господство права" или иначе „преобладаніе духа законности." Практически эта сущность раскрывается слѣдующимъ образомъ.

„Когда мы говоримъ, — замѣчаетъ Дайси, — что верховенство, или господство права есть характерная особенность англійской конституціи, мы обыкновенно обобщаемъ въ одномъ выраженіи три различныхъ, хотя и родственныхъ понятія.

„Этимъ терминомъ мы выражаемъ прежде всего ту мысль, что никто не можетъ быть наказанъ и поплатиться лично или своимъ состояніемъ иначе, какъ за опредѣленное нарушеніе закона, доказанное обычнымъ законнымъ способомъ передъ обыкновенными судами страны. Въ этомъ смыслѣ, господство права представляетъ контрастъ со всякой правительственной системой, основанной на примѣненіи правительственными лицами широкой и произвольной принудительной власти.

„Во-вторыхъ, говоря о „господствѣ права", какъ о характерной особенности нашей страны, мы выражаемъ не только то, что у насъ нѣтъ никого, кто былъ бы выше закона, но и нѣчто совершенно иное — именно, что у насъ всякій человѣкъ, каково бы ни было его званіе или положеніе, подчиняется обыкновеннымъ законамъ государства и подлежитъ юрисдикціи обыкновенныхъ судовъ.

„Въ Англіи идея равенства передъ закономъ или все-

общаго подчиненія всѣхъ классовъ одному закону, примѣняемому обыкновенными судами, проводится до послѣднихъ предѣловъ. У насъ всякое должностное лицо, начиная отъ перваго министра и кончая послѣднимъ констэблемъ или сборщикомъ податей, подлежитъ такой же отвѣтственности, какъ и всякій другой гражданинъ, за поступокъ, не оправдываемый закономъ.

„Остается еще третье особенное значеніе, въ которомъ „господство права“ или преобладаніе духа законности можетъ считаться отличительной особенностью англійскихъ учрежденій. Мы можемъ сказать, что конституція основана на господствѣ права потому, что общіе принципы конституціи (какъ, напримѣръ, право свободы личности или право публичныхъ собраній — митинговъ) является у насъ результатомъ судебныхъ рѣшеній, опредѣляющихъ права частныхъ лицъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, представляемыхъ на рѣшеніе судовъ; между тѣмъ, по многимъ изъ иностранныхъ конституцій, обезпеченіе правъ частныхъ лицъ (каково бы оно ни было) зависитъ, какъ кажется, отъ общихъ принциповъ конституціи“. Этимъ Дайси хочетъ указать на особенную прочность правъ англійскихъ гражданъ, поскольку они обезпечиваются не писаной конституціей, не теоретическими требованіями, а судебными рѣшеніями, прецедентами, судебной практикой.

Вотъ какова отличительная особенность народноправового государственнаго порядка, чѣмъ онъ гарантируетъ начало законности въ управленіи, и вотъ почему мы назвали достигаемую при немъ законность всеобъемлющей и способствующей всестороннему подъему благосостоянія народа.

Установившійся въ Англіи порядокъ есть результатъ вѣковой исторіи этого народа, и господствующая при

немъ сила закона является принадлежностью высшей формы государственной жизни. Но стремленіе къ законности въ такомъ широкомъ смыслѣ составляетъ какъ бы прирожденное чувство человѣка, знакомое ему и на высшей, и на низшей ступени развитія.

Свободное и безопасное существованіе, охраняемое тѣмъ или инымъ обычаемъ или закономъ, одинаково необходимо какъ дикарю, такъ и цивилизованному человѣку. Разница лишь въ формахъ, обезпечивающихъ такое существованіе. Въ извѣстное время, на извѣстной ступени, человѣкъ обезпечиваетъ себя почти исключительно смертной казнью, и кровная месть составляетъ совершенно нормальный институтъ. По мѣрѣ же успѣховъ общественной жизни, способы и средства для самоохраненія становятся менѣе грубыми, болѣе утонченными. Появляется развитое и систематизированное законодательство и, наконецъ, правовой порядокъ. Однимъ словомъ, здѣсь, какъ и въ другихъ сферахъ, наблюдается извѣстнаго рода эволюція, которая въ конечномъ итогѣ приводитъ къ установленію правового порядка. Подобную эволюцію проходили въ той или иной формѣ и степени всѣ современныя цивилизованныя государства, и всѣ они пришли къ правовому порядку.

Россія только теперь приступаетъ къ закладкѣ устоевъ правового порядка, къ осуществленію у себя законности въ полной мѣрѣ. Но стремленіе къ законности или „правдѣ“,—какъ предпочиталъ выражаться древне-русскій человѣкъ, да и теперь еще любитъ говорить народъ,—и борьба за установленіе закономѣрнаго порядка проходитъ красною нитью черезъ всю исторію русскаго народа. И если мы взглянемъ на русскій историческій процессъ съ интересующей насъ точки зрѣнія, то увидимъ, что и Россія подобно другимъ народамъ проходила здѣсь соотвѣтственную эволюцію.

Отъ господства обычая она постепенно переходитъ къ господству закона, отъ элементарныхъ формъ государственной жизни въ видѣ вотчиннаго управленія къ болѣе высокой, въ видѣ полицейскаго государства, и, наконецъ, достигаетъ порога правового строя, у котораго она стоитъ теперь. Личное начало въ управленіи постепенно уступаетъ мѣсто общественному, дѣло государево и государственное размежевываются, частный интересъ склоняется передъ общенароднымъ. Совершенствуется самая система управленія, исчезаетъ смѣшеніе властей, правительственныхъ органовъ и точнѣе опредѣляется кругъ компетенціи, законодательный хаосъ устраняется систематизаціей законовъ и устанавливается мелочная регламентація жизненныхъ отношеній закономъ. Населеніе, крѣпкое вначалѣ государству, постепенно раскрѣпощается, несвободныя отношенія смѣняются свободными, и вмѣстѣ съ тѣмъ участіе народа въ государственной жизни страны изъ пассивнаго, тяглаго, повинностнаго переходитъ въ активное: сначала — въ ограниченной формѣ мѣстнаго самоуправленія, а затѣмъ достигаетъ, пройдя промежуточныя стадіи, формы народнаго представительства.

Однимъ словомъ, медленно и своеобразно, но наравнѣ съ другими странами, Россія проходила ту же эволюцію формъ общественной жизни, постепенно вырабатывала болѣе и болѣе совершенныя условія и средства для водворенія въ управленіи начала законности, пока не дошла, наконецъ, до возможнаго въ наше время вѣнца ея, т. е. правового порядка.

Правовой порядокъ въ Россіи еще не водворенъ, но устои его уже закладываются. Полагаемъ, что прослѣдить въ такое время за эволюціей законности въ Россіи, наблюсти, какъ постепенно пробивалась въ русской жизни

идея законности, какія она принимала формы, какихъ достигала на своемъ пути успѣховъ, и какую роль здѣсь играло правительство и народъ—эти двѣ естественныя силы всякой государственной жизни, — наблюсти это, хотя бы въ общихъ чертахъ, въ главнѣйшихъ моментахъ, представляетъ большой интересъ.

Въ предлагаемыхъ очеркахъ мы и намѣрены сдѣлать такого рода попытку, но въ скромныхъ размѣрахъ. Не задаваясь столь широкой задачей, какъ наблюденіе за развитіемъ идеи законности на всемъ протяженіи русской исторіи, мы хотѣли бы остановить вниманіе читателей на XVI и XVII вѣкѣ, какъ времени, которое скорѣе всего должно быть принято за исходный, начальный пунктъ при изученіи интересующаго насъ вопроса, и познакомить читателей съ наиболѣе ранними опытами осуществленія въ Россіи закономѣрнаго и согласнаго съ интересами народа порядка.

Начинать наши наблюденія съ болѣе ранняго времени, мы не видимъ основаній.

До XVI вѣка, даже до второй половины его, пока не завершилось территоріальное и политическое объединеніе Руси и продолжалось почти безраздѣльное господство вотчинныхъ началъ, не приходится говорить не только о закономѣрномъ порядкѣ и идеѣ законности, но и вообще о государственномъ порядкѣ.

Въ объясненіе другого, конечнаго хронологическаго пункта нашихъ очерковъ, т. е. XVII вѣка, можно сказать слѣдующее. Хотя онъ не кладетъ непереходимой грани между взятымъ нами періодомъ и послѣдующимъ, тѣмъ не менѣе эпоха XVI—XVII вѣка, является болѣе или менѣе законченнымъ періодомъ, періодомъ собственно московскаго государства. Съ конца XVII и начала XVIII вѣка открывается періодъ крупныхъ преобразованій въ

русской государственной жизни, знаменующихъ въ извѣстной мѣрѣ разрывъ съ прошлымъ. И здѣсь заключается еще одна интересная сторона въ изученіи взятаго нами времени. Въ теченіе XVI—XVII вв. мы можемъ наблюдать, такъ сказать, самостоятельное и самобытное творчество русскаго народа въ политической сферѣ, по скольку, конечно, вообще можетъ быть рѣчь о самостоятельности и самобытности народа, принимающаго участіе въ международной жизни. Въ московскій періодъ русскій народъ тоже не чуждъ былъ постороннихъ вліяній—достаточно указать на Византію и татарское владычество. Но, если имѣть въ виду, что съ конца XVII в. и особенно въ началѣ XVIII в. Россія, что называется, обратилась вся лицомъ къ западной Европѣ и, руководимая Петромъ I и его сотрудниками, стала быстро и полными руками черпать изъ западно-европейскаго политическаго опыта и перестраивать свой государственный порядокъ по западно-европейскому образцу, чего не было до сихъ поръ,— то мы въ правѣ говорить о XVI—XVII вѣкахъ, какъ періодѣ наиболѣе во всякомъ случаѣ самобытнаго и самостоятельнаго политическаго творчества. Какъ бы то ни было, Россія, прежде чѣмъ обратиться за содѣйствіемъ Западной Европы въ дѣлѣ устроенія государства, сначала исчерпала всѣ собственные рессурсы, испробовала свои средства для установленія у себя закономѣрнаго и обезпечивающаго интересы народа порядка. XVI—XVII вѣка и представляютъ это время испытанія собственныхъ средствъ въ государственномъ строительствѣ.

Далеко это время, цѣлые вѣка легли между нами и нашими предками XVI—XVII вв., и однако, когда мы ближе присмотримся къ послѣднимъ, то увидимъ, что ихъ волновали тѣ же чувства, которыя волнуютъ насъ

сейчасъ, и занимали тѣ же мысли, которыя занимаютъ насъ. Они также стремились къ свободѣ, къ жизни, регулируемой закономъ, опирающейся на право, и также боролись за осуществленіе своихъ политическихъ идеаловъ, родственныхъ съ нашими.

Эту близость и родство современниковъ съ самыми отдаленными предками вскрываетъ исторія, и въ этомъ заключается интересъ историческаго изученія и получаемое въ немъ нравственное удовлетвореніе.

Такимъ образомъ, хронологическими рамками нашихъ очерковъ будутъ служить съ одной стороны вторая половина XVI вѣка, съ другой — конецъ XVII вѣка.

Въ этихъ предѣлахъ мы и прослѣдимъ развитіе идеи законности въ Россіи, поскольку она нашла себѣ отраженіе въ правительственной дѣятельности и въ желаніяхъ и требованіяхъ населенія, облеченныхъ въ ту или иную форму.

ГЛАВА I.

Право петиций въ Россіи XVI вѣка. Состояніе управленія въ XVI вѣкѣ на основаніи народныхъ челобитныхъ. Офиціальныя свѣдѣнія о томъ же. Публицистика XVI вѣка о внутреннемъ состояніи Россіи этого времени. „Переписка“ кн. Курбскаго съ Грознымъ. „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ.“ „Челобитная“ Ив. Пересвѣтова. Политическіе идеалы публицистовъ XVI вѣка. Характеристика мѣстнаго управленія въ XVI вѣкѣ съ точки зрѣнія законности. Мѣры правительства противъ злоупотребленій „кормленщиковъ“. Уставныя грамоты. Введеніе земскаго, выборнаго элемента въ коронное управленіе. Земская реформа царя Ивана IV. Несостоятельность реформы въ дѣлѣ установленія закономѣрнаго порядка. Причины этого. Центральное управленіе въ половинѣ XVI вѣка. Земскіе соборы XVI вѣка. Теорія верховной власти, выдвинутая Иваномъ IV. Опричнина. Упадокъ законности и наступленіе смуты.

1.

Въ XVI вѣкѣ за каждымъ русскимъ гражданиномъ въ отдѣльности и за всѣми вмѣстѣ признавалось право непосредственнаго обращенія къ верховной власти со своими нуждами, т.-е. существовало право, которое мы теперь называемъ „правомъ петиций“. И народъ широко пользовался этимъ правомъ. Онъ шелъ къ царю, обращался непосредственно къ верховной власти со всѣми своими нуждами. Слалъ челобитья-петиціи, въ которыхъ изливалъ свои скорби, излагалъ свои нужды, нерѣдко даже указывалъ самыя средства къ ихъ удовлетворенію.

Благодаря этому правительство всегда могло имѣть свѣдѣнія о состояніи страны, о потребностяхъ народа изъ первыхъ рукъ, отъ самого народа, и слѣдовательно, въ подлинномъ, натуральномъ видѣ, а не преломленными

въ правительственныхъ учрежденіяхъ, приказахъ, не профильтрованными въ докладахъ офиціальныхъ лицъ. Благодаря этому цѣнному праву населенія и мы теперь, черезъ сотни лѣтъ, получаемъ возможность узнать изъ первоисточника о состояніи управленія въ Россіи XVI вѣка, такъ какъ подобныя народныя челобитія-петиціи сохранились до нашего времени. Обращаясь къ этимъ челобитіямъ, мы находимъ въ нихъ правдивый и непосредственный разсказъ о томъ, что изъ себя представляла на практикѣ господствовавшая тогда система управленія, и какъ она отражалась на правовыхъ и другихъ интересахъ населенія. Въ видѣ образчика возьмемъ одну подобную челобитную, которую въ 1552 году подали царю жители отдаленнаго сѣвера, мѣстечка Ваги.

Потерявъ всякое терпѣніе и отчаявшись въ улучшеніи своего положенія какимъ-либо инымъ путемъ, важане рѣшили обратиться прямо къ царю и послали ему общее, коллективное челобитье, въ которомъ описали свое безвыходное положеніе и просили царя обратить на нихъ свое вниманіе, оборонить отъ злоупотребленія и насилій его царскихъ чиновниковъ. Вотъ наиболѣе существенныя и интересныя мѣста этой челобитной.

По словамъ челобитчиковъ, „у нихъ въ Шенкурьѣ и въ Вельмѣ въ посадахъ многіе дворы и въ станахъ и въ волостяхъ многія деревни запустѣли отъ прежнихъ... важскихъ намѣстниковъ и отъ ихъ тіуновъ (т. е. судей), и отъ доводчиковъ, и отъ обыскныхъ грамотъ, и отъ лихихъ людей, отъ татей (воровъ) и отъ разбойниковъ и отъ костарей“ (благодаря, конечно, потворству послѣднимъ со стороны властей). Вслѣдствіе этого имъ, важанамъ, своего намѣстника и пошлинныхъ людей „впредь прокормить немочно“, и отъ того — повторяютъ опять челобитчики — у нихъ въ станахъ и во-

лостяхъ многія деревни запустѣли, и крестьяне де у нихъ отъ того насильства и продажъ и татей (воровства) съ посадовъ разошлись къ инымъ городамъ, а изъ становъ и изъ волостей крестьяне разошлись въ монастыри безсрочно и безъ отказа (т. е. бѣжали), а иные де посадскіе люди и становые волостные кой-куда безвѣстно разбрелись порознь"...

Однимъ словомъ, полное разореніе и запустѣніе края отъ произвола и хищничества царскихъ чиновниковъ, которыя къ тому же неминуемо должны расти и увеличиваться, если будетъ оставаться въ силѣ такой порядокъ управленія, у власти будутъ находиться тѣ же самыя лица, такъ какъ, по словамъ важанъ, намѣстники и тіуны ихъ съ оставшейся части населенія „кормъ свой сполна емлютъ".

Въ заключеніе челобитной важане просятъ царя „пожаловать ихъ, намѣстники у нихъ на Вагѣ, въ Шенкурскомъ стану на посадѣ и въ Вельскомъ стану на посадѣ тіуна отставить, а велѣти бы... на Вагѣ въ Шенкурьѣ на посадѣ и въ Вельскомъ стану на посадѣ учинити, по ихъ челобитью, изъ ихъ посадскихъ людей выборныхъ лутчихъ людей, кого они излюбили", т. е. замѣнить приказное управленіе земскимъ самоуправленіемъ.

Такія челобитныя „разоряемаго и разгоняемаго населенія рѣкой лились въ Москву", по выраженію одного изслѣдователя. Самъ „грозный" царь говоритъ въ одной изъ своихъ грамотъ, что „намъ отъ крестьянъ челобитья великія (многочисленныя) и докука была безпрестанная". И всѣ онѣ, какъ бы сговорившись, жалуются на то, что „намѣстники и волостели... чинятъ имъ продажи и убытки великіе", отчего „на посадахъ

многіе крестьянскіе дворы запустѣли", и просятъ тѣхъ намѣстниковъ отставить и велѣть „во всѣхъ городахъ и волостяхъ учинить старостъ излюбленныхъ", т.-е. выборныхъ.

Въ такомъ видѣ представляется намъ управленіе въ XVI вѣкѣ на основаніи описаній, отзывовъ самого народа, который испыталъ невыгодныя стороны этого управленія, такъ сказать, на собственной шкурѣ.

Какъ видимъ, народъ не ограничился тѣмъ, что довелъ до свѣдѣнія царя о печальномъ состояніи мѣстнаго управленія, но и указалъ ему вполнѣ опредѣленную мѣру для улучшенія управленія, именно—замѣну приказной системы управленія системой самоуправленія.

Посмотримъ теперь для полноты картины, какимъ представлялся существовавшій тогда порядокъ управленія и зависѣвшее отъ него общее состояніе страны съ общественныхъ вершинъ, что видѣли въ немъ и какъ къ нему относились представители тѣхъ классовъ, которые въ силу своего соціальнаго положенія мало отъ него страдали и нерѣдко даже были заинтересованы въ его сохраненіи.

Для этого намъ надо обратиться тоже къ челобитьямъ, но другого рода,— облеченнымъ, въ противоположность только что разсмотрѣннымъ, въ стройную и правильную форму, написаннымъ часто красивымъ и сильнымъ языкомъ и не только грамотно, но и вполнѣ литературно. Эти челобитья исходили изъ среды образованной части тогдашняго общества, и ихъ находимъ мы въ литературныхъ памятникахъ XVI вѣка публицистическаго характера.

2.

Шестнадцатый вѣкъ въ исторіи древне-русской публицистики занимаетъ совершенно исключительное мѣсто.

Это—пора необыкновеннаго подъема и расцвѣта этого рода литературы. Очевидно, яркая и богатая содержаніемъ эпоха давала очень много матеріала для публицистовъ. И такъ какъ матеріалъ этотъ заключался, главнымъ образомъ, въ развертывавшемся передъ глазами наблюдателя разореніи и угнетеніи народа вслѣдствіе злоупотребленья власти — сначала при боярскомъ управленіи въ малолѣтствѣ царя Ивана IV, а затѣмъ въ періодъ опричнины — то изображеніе тяжелаго положенія народа, анархическаго состоянія государства, изобличеніе власти и приглашеніе ея стать на стражѣ закона и права сдѣлались излюбленными темами публицистовъ XVI вѣка, въ особенности конца первой и начала второй его половины.

Московскій престолъ въ то время занималъ молодой, полный силъ и не лишенный дарованій царь, и взоры публицистовъ естественно устремились въ эту сторону. По крайней мѣрѣ, почти всѣ наиболѣе извѣстныя изъ такого рода произведеній или непосредственно адресованы царю, даже написаны въ формѣ посланій къ нему, челобитій,— или, не будучи адресованы прямо царю, во всякомъ случаѣ имѣютъ въ виду его и въ качествѣ читателя и въ качествѣ исполнителя ихъ пожеланій, ихъ мыслей и плановъ. Молодость всегда привлекаетъ къ себѣ, съ ней какъ-то всегда связываются лучшія надежды. А Иванъ IV къ тому же обнаружилъ свою способность входить въ положеніе народа и заявилъ о своемъ твердомъ намѣреніи лично заняться дѣлами правленія, внести сюда порядокъ и законность.

Одни изъ интересующихъ насъ публицистовъ разсматриваютъ и оцѣниваютъ окружающую ихъ дѣйствительность съ религіозно-нравственной точки зрѣнія и ограничиваютъ свою роль простымъ морализированіемъ по поводу происходящаго въ московскомъ государствѣ. Таковы, на-

примѣръ, извѣстный монахъ и церковный дѣятель Максимъ Грекъ и неизвѣстный авторъ „Посланія къ царю Ивану Васильевичу“, тоже духовнаго званія.

„Богомъ возвышенный царь, государь, князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси,—обращается къ Ивану IV неизвѣстный авторъ „Посланія“,— напрязи и спѣй (успѣвай) царствуй истины ради и кротости и правды: наставитъ тя чудная десница Всевышняго. Престолъ твой правдою и крѣпостью и судомъ истинымъ утвержденъ есть, жезлъ правды—жезлъ царствія твоего“...

„Умножится слава державѣ твоей,—сулитъ авторъ царю за установленіе правды въ своемъ государствѣ,—и будеши благословенъ на престолѣ царствія твоего, судити людемъ своимъ *въ правду* и нищимъ твоимъ истиною и *судомъ праведнымъ*“...

Въ подобныхъ же выраженіяхъ обращается къ царю и Максимъ Грекъ, приглашая его „потщиться“ „другъ быть всѣхъ Царю и Владыцѣ Іисусу Христу и Богу твоему всякимъ человѣколюбіемъ и благостію и правосудіемъ“. И тоже обѣщаетъ за это воздаяніе свыше. По словамъ Максима Грека, ничѣмъ царь не можетъ такъ угодить Богу, какъ „къ подручникамъ (подданнымъ) правдою и правымъ судомъ и щедротами и кротостью ко всѣмъ вкупѣ нищенствующимъ.“

Уже та настойчивость, съ какой эти публицисты говорятъ о „правдѣ“, о величіи и богоугодности ея, необходимости ея въ каждомъ государствѣ, показываетъ, что они не видѣли „правды“ въ московскомъ государствѣ и считали существующій порядокъ, съ ихъ религіозно-нравственной точки зрѣнія, неудовлетворительнымъ.

Съ своей стороны, впрочемъ, они не предлагаютъ никакихъ конкретныхъ мѣръ для улучшенія его, не то-

ворятъ ни о какихъ опредѣленныхъ преобразованіяхъ. Они лишь указываютъ царю, что мягкое отношеніе къ подданнымъ и управленіе по правдѣ пріятно Богу, призываютъ царя въ общей формѣ стать на стражѣ правды и искоренить неправду и сулятъ ему за это высшую награду отъ царя Небеснаго.

Другіе же публицисты стоятъ исключительно на политической точкѣ зрѣнія и задачу свою понимаютъ гораздо шире. Они прежде всего даютъ полную и яркую картину современной русской дѣйствительнности, а затѣмъ, опираясь на эту реальную почву, предлагаютъ царю рядъ конкретныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ мѣропріятій, развертываютъ передъ нимъ своего рода политическія программы. Къ числу такихъ публицистовъ относятся кн. Курбскій, вступившій въ обширную переписку съ царемъ Иваномъ IV, авторъ политическаго памфлета подъ названіемъ „Бесѣда валаамскихъ чудотворцевъ“ и Ив. Сем. Пересвѣтовъ, подавшій царю „Челобитье“ съ предложеніемъ реформъ въ государственномъ строѣ.

Знаменитый оппонентъ „грознаго“ царя не щадитъ словъ для заклейменія существующаго на Руси порядка. Онъ называетъ свое время временемъ „нещаднаго пустошенія отечества воюющими въ немъ человѣкоугодниками со царемъ младымъ“. Курбскій положительно не находитъ ни одного свѣтлаго явленія въ современной ему русской дѣйствительности. Всѣ страждутъ, всѣ испытываютъ лишенія, всѣмъ тяжело жить. Власти предержащія или, какъ выражается нашъ публицистъ, „державные“ не выполняютъ своего назначенія. Будучи призваны и „на власть отъ Бога поставлены“ — „да судомъ праведнымъ подовластныхъ разсудятъ и въ кротости и милости державу управятъ“, они вмѣсто того „свирѣпѣе звѣрей кровоядцевъ обрѣтаются“. „Нерадѣніе же дер-

жавы“ и „кривизну суда“ и ненасытные грабежи нельзя описать никакимъ, самымъ искуснымъ перомъ или передать самыми краснорѣчивыми словами — „изрещи риторскими языки“. Даже „священническій чинъ“, который долженъ былъ бы служить примѣромъ, полагать „души свои за паству Христову“, оказывается—„начало и образъ всякому законопреступленію собою полагаютъ“. Гдѣ былое заступничество и представительство служителей церкви передъ сильными міра сего? Гдѣ Елисѣй, посрамившій царя израилева? Гдѣ Амвросій медіоланскій? „Ни заступающаго ни помогающаго нѣтъ кромѣ Господа“. И всѣмъ плохо живется кромѣ духовенства.

„Воинскій чинъ“ оказывается въ послѣднихъ рядахъ—многіе не имѣютъ не только „коней, къ бронямъ приготовленныхъ, или оружей ратныхъ, но и дневной пищи“. „Купецкій же чинъ и земледѣлецъ“, „сами видимъ, какъ страждутъ отъ непомѣрныхъ даней“ и отъ „немилостивыхъ приставовъ“. И отъ такихъ „нестерпимыхъ мукъ“ многіе бѣгутъ изъ отечества, отдаютъ дѣтей своихъ въ рабство, наконецъ, налагаютъ на себя руки (топятся и давятся) или лишаются разсудка.

Мрачно и тяжело настоящее, но нѣтъ утѣшенія и въ будущемъ. Курбскому представляется близкимъ часъ отмщенія, возмездія за причиняемыя народу страданія— и новое кровопролитіе.

„Горе грабящимъ и кровь проливающимъ и милости и суда не ищущимъ во властѣхъ своихъ, зане же день отмщенія близь есть!“ – восклицаетъ Курбскій.

Не менѣе мрачно смотритъ на русскую жизнь и другой современникъ, авторъ „Бесѣды“. Его тоже мучатъ тяжелыя предчувствія, охватываетъ страхъ за будущее Россіи. И онъ уже видитъ свои предчувствія оправдавшимися. Уподобившись пророку Исаіи, онъ говоритъ:

„И того ради настанутъ послѣднія времена, люди будутъ испытывать напрасныя бѣдствія, начнутся частые голода, моровыя повѣтрія, землетрясенія многія и потопы, междоусобныя брани и войны, гибель городовъ, смятенія и ужасы въ царствѣ, запустѣютъ волости, села, дома христіанскіе, люди начнутъ убывать, а земля дѣлаться пространнѣй, пустѣй, и остальнымъ людямъ на той землѣ негдѣ будетъ жить. Цари на своихъ престолахъ царскихъ не смогутъ удержаться и часто будутъ смѣняться за свою царскую простоту, за иноческіе грѣхи и за мірское невоздержаніе“.

Гдѣ же выходъ изъ такого отчаяннаго положенія, есть ли онъ вообще, по мнѣнію нашихъ публицистовъ, — или московскому государству дѣйствительно грозитъ участь греческаго?

Выходъ, по ихъ мнѣнію, есть, но только въ возвращеніи къ традиціямъ стараго добраго времени, когда князь, согласно общественному мнѣнію страны, правилъ землей вмѣстѣ съ думой.

Управленіе царя совмѣстно съ боярской думой и народными представителями, земскимъ соборомъ—таковъ выходъ изъ современнаго нестроенія, по мнѣнію князя Курбскаго.

„Царь, аще и почтенъ царствомъ,—говоритъ Курбскій,—а дарованій которыхъ отъ Бога не получилъ, долженъ искати добраго и полезнаго совѣта не токмо у совѣтниковъ (бояръ), но и у всенародныхъ человѣкъ“ (земскій сборъ). Неизвѣстный авторъ „Бесѣды“, укоряя царя Ивана IV за приближеніе къ себѣ лицъ духовнаго званія, въ качествѣ совѣтниковъ, тоже говоритъ: „а царемъ и великимъ княземъ достоитъ изъ міру всякіе доходы свои съ пощадою собирати и всякія дѣла дѣлати милосердно съ своими князи и съ боляры

и съ прочими міряны, а не съ иноки“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ еще яснѣй выражаетъ свою мысль о раздѣленіи царемъ власти съ народомъ, говоря, что ему слѣдуетъ „безпрестанно всегда держати погодно при себѣ отъ всякихъ мѣръ всякихъ людей и на всякъ день ихъ добрѣ распросити царю самому... про всякое дѣло міра“, т.-е. имѣть при себѣ постоянно представителей земли, земскій соборъ. Тогда „царю всегда будетъ вѣдомо про всѣ дѣла его самодержавства“, и онъ „скрѣпитъ отъ грѣха всѣ власти и воеводъ и приказныхъ людей“.

Политическіе идеалы первыхъ публицистовъ съ религіозно-нравственнымъ направленіемъ, при всемъ своемъ возвышенномъ характерѣ, страдаютъ извѣстной неопредѣленностью—передъ ихъ умственнымъ взоромъ носился нѣсколько сантиментальный и туманный образъ царя—поборника правды. Но проникающій ихъ произведенія духъ гуманности и ясно и настойчиво проводимая идея правды сближаетъ ихъ съ только что разсмотрѣнными двумя трактатами. И потому мы ихъ всѣ отнесемъ къ одной группѣ, которую назовемъ, примѣнительно къ современной терминологіи, прогрессивной.

Совсѣмъ особнякомъ стоитъ Иванъ Пересвѣтовъ, по своему политическому идеалу скорѣе реакціонеръ, чѣмъ прогрессистъ.

3.

Пересвѣтовъ тоже не видитъ въ московскомъ государствѣ „правды“, скорбитъ объ этомъ и страстно желаетъ водворенія ея.

„Великое, сильное и славное и всѣмъ богатое царство московское“, „вѣра христіанская (въ немъ) добра, всѣмъ сполна и красота церковная велика, а правды

нѣтъ". „Если же правды нѣтъ, то всего нѣтъ", и тому царству, въ которомъ нѣтъ правды, грозитъ участь греческаго, т. е. паденіе. Наоборотъ „въ которомъ царствѣ правда, въ томъ и Богъ пребываетъ и помощь свою святую великую даетъ и гнѣвъ Божій не воздвигается на то царство... Правда,— Богу сердечная радость, а царю великая мудрость и сила".

Но тотъ путь, которымъ хочетъ Ив. Пересвѣтовъ привести московское государство къ правдѣ, тѣ средства, при помощи которыхъ, по его мнѣнію, можно создать благополучіе народа,—иныя, чѣмъ у кн. Курбскаго или автора „Бесѣды". Тѣ видятъ спасеніе Руси въ совмѣстномъ управленіи царя, боярской думы и земскаго собора. Иванъ же Пересвѣтовъ считаетъ такой порядокъ гибельнымъ для московскаго государства. Его идеалъ — это царь самодержецъ, неограниченный властелинъ. Царь, какъ онъ выражается, долженъ быть „грозенъ и самоупрямливъ и мудръ безъ вспрашиванья", т. е. безъ совѣтовъ съ другими. Только при этомъ условіи „Богъ покоритъ недруговъ подъ ноги его и онъ будетъ обладать многими царствами", иными словами, государство будетъ могущественнымъ. Все зло въ московскомъ государствѣ, по мнѣнію Пересвѣтова, въ томъ и состоитъ, что „вельможи своимъ чародѣйствомъ привратили къ себѣ сердце царя и научили его во всемъ волю свою творити". Они считаются слугами царя. Но какіе же это слуги, когда они только что носятъ цвѣтное платье и отправляются въ походъ на конѣ, въ сопровожденіи многихъ людей, а войны не любятъ и благодаря своей трусости проигрываютъ битвы. Они цѣлуютъ крестъ и измѣняютъ. Получивъ въ кормленіе (въ управленіе) волости и города, они „отъ слезъ и отъ крови роду христіанскаго богатѣютъ", а государство оскудѣваетъ. Они поработили народъ, а „которая

земля порабощена, въ той землѣ все зло сотворяется“. Наконецъ, они разобщили царя съ народомъ, ибо „отбиваютъ отъ него міръ съ челобитными“.

Въ этихъ изліяніяхъ автора чувствуется демократическая струя, подкупающая въ его пользу, тѣмъ болѣе, что ничего нельзя возразить противъ сдѣланной имъ характеристики вельможъ и разобщенія царя съ народомъ—все это сущая правда. И тѣмъ не менѣе, здѣсь скорѣе демагогія, чѣмъ демократизмъ. Пересвѣтовъ изливается и печалится за народъ лишь для того, чтобы отдать этотъ народъ изъ рукъ вельможъ въ руки, говоря нашимъ языкомъ, чиновниковъ и потуже затянуть надъ нимъ узду царской власти. Въ самомъ дѣлѣ, казалось бы, послѣ излитой на голову вельможъ желчи и печалованія по поводу разобщенія царя съ народомъ, надо было ожидать, что авторъ выскажется за народовластіе, за совмѣстное управленіе царя съ народомъ, за единеніе царя съ народомъ на почвѣ власти. Вмѣсто этого мы находимъ нарисованный выше образъ „грознаго и самоупрямливаго“ царя-самодержца.

Съ вельможами Пересвѣтовъ предлагаетъ поступить какъ съ самыми заклятыми врагами—„огнемъ жечь ихъ и инымъ лютымъ смертямъ предавать“ и устранить отъ власти. Къ себѣ же царю слѣдуетъ приблизить людей не знатнаго происхожденія, съ которыми раздѣлить бразды правленія. Кромѣ того, набрать войско изъ молодыхъ людей, подобно турецкимъ янычарамъ, преданныхъ царю до самозабвенія. И, опираясь на эти двѣ преданныя царю силы (гражданскую и военную), править государствомъ, но не мирволя никому, наоборотъ—грозно, сурово, даже жестоко. Другого способа управленія, мягкаго, гуманнаго, на которомъ, напримѣръ, настаиваетъ Максимъ Грекъ, Ив. Пересвѣтовъ не признаетъ. „Безъ таковые

грозы, по его словамъ, правды въ царство не можно ввести". А подъ „грозой" здѣсь Пересвѣтовъ разумѣетъ „грозу" турецкаго Махметъ-салтана, который съ живыхъ людей кожу сдиралъ. На этого-то самодержца-тирана и изверга онъ и указываетъ царю Ивану IV, какъ на образецъ, достойный подражанія.

Мы познакомились съ самыми выдающимися произведеніями публицистики XVI вѣка, которыя наиболѣе полно и ярко отразили въ себѣ господствовавшія въ то время политическія теченія въ образованныхъ кругахъ.

Такимъ образомъ оказывается, что существовавшій въ XVI вѣкѣ порядокъ управленія представлялся какъ съ общественныхъ низовъ, такъ и съ общественныхъ верховъ одинаковымъ, т. е. одинаково неудовлетворительнымъ со стороны закономѣрности и соотвѣтствія народнымъ интересамъ. При этомъ и челобитчики-„христіане", какъ себя называлъ народъ въ XVI вѣкѣ, и челобитчики-публицисты сходились на мысли о самоуправленіи, какъ единственномъ средствѣ, при помощи котораго можно упорядочить управленіе и привести къ выполненію его истинныхъ задачъ. Разница между ними только въ горизонтѣ мысли и отсюда — въ масштабѣ реформы, но никакъ не въ принципѣ. Народъ, хорошо знавшій близкое къ нему мѣстное управленіе, въ своихъ челобитьяхъ и касается только его и указываетъ правительству узкую реформу, ограничивается предложеніемъ замѣнить намѣстниковъ выборными людьми. Тогда какъ публицисты, люди съ расширеннымъ благодаря образованію кругозоромъ, стоявшіе притомъ на верху соціальной лѣстницы, откуда былъ виденъ весь политическій строй въ цѣломъ, смотрѣли на дѣло шире и глубже, видѣли причину политическаго нестроенія не въ мелкихъ сошкахъ въ родѣ какого-нибудь волостеля, а въ общей

системѣ управленія, и въ соотвѣтствіи съ этимъ предлагали коренным образомъ измѣнить порядокъ управленія сверху до низу, построить его на принципѣ самоуправленія, какъ на мѣстахъ, такъ и въ центрѣ.

Только Иванъ Пересвѣтовъ со своей военно-бюрократической неограниченной монархіей, съ террористическими пріемами управленія запялъ особое мѣсто. Большинство же публицистовъ—повторяемъ—было за одно съ народомъ, какъ въ оцѣнкѣ существующаго порядка, такъ и въ способахъ его измѣненія.

Народныя челобитныя, о которыхъ шла рѣчь выше, по обыкновенію написаны черезчуръ жалобно, слезливо, авторы ихъ не щадятъ жалкихъ и страшныхъ словъ въ родѣ: „разорены до конца"... „скитаемся межъ дворъ" (нищенствуемъ), „помираемъ голодной смертью" и т. п., и можно было бы заподозрить ихъ искренность и соотвѣтствіе дѣйствительности. Точно также такихъ страстныхъ публицистовъ, какъ кн. Курбскій или Ив. Пересвѣтовъ, пожалуй, можно было бы обвинить въ сгущеніи красокъ, въ пристрастіи, и на этомъ основаніи отказать имъ въ довѣріи. Но послѣ собственныхъ заявленій царя въ 1550 году, въ которыхъ онъ изобразилъ въ яркихъ краскахъ положеніе вещей, не остается никакого сомнѣнія въ справедливости жалобъ челобитчиковъ и публицистовъ. Царь назвалъ своихъ бояръ и вельможъ „неправедными лихоимцами, хищниками, упражнявшимися во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ".

То же подтверждаетъ официальный документъ, сообщенный историкомъ Татищевымъ,—постановленіе царя по приговору бояръ объ общей реформѣ мѣстнаго управленія. Здѣсь читаемъ такія любопытныя строки.

„И вниде въ слухъ (намекъ на челобитья) благочестивому царю, что многіе грады и волости пусты учи-

нились, намѣстники и волостели изъ многихъ мѣстъ, презрѣвъ страхъ Божій и государскіе уставы, много злокозненныхъ на нихъ дѣлъ учиниша, и не быша имъ пастыри и учители на благое, но сотворились яко волцы гонители и раззорители"...

„И какъ сойдутъ намѣстники и волостели съ кормленія, и мужики (народъ) многими иски отыскиваютъ, и много въ томъ кровопролитія и осквернения душамъ содѣяша, ихъ же не подобаетъ въ христіанскомъ законѣ ни слышати; многіе намѣстники и волостели и стараго своего стяжанія лишишася, живота и отчизны избыша"—т.-е. на насиліе властей населеніе отвѣчало насиліемъ же.

Какъ же отнесся къ народнымъ челобитіямъ и совѣтамъ и проектамъ публицистовъ тотъ, къ которому они были обращены, т.-е. самъ царь Иванъ IV?

На народныя челобитія онъ отвѣтилъ извѣстной реформой мѣстнаго управленія. Что же касается публицистовъ, то они, по крайней мѣрѣ такіе, какъ кн. Курбскій или авторъ „Бесѣды", съ своими совѣтами пришли поздно, когда царь не склоненъ былъ слушать чьихъ-либо совѣтовъ вообще, и уже разогналъ всѣхъ своихъ совѣтниковъ. Можно сказать только, что въ разсматриваемое время, т.-е. послѣ 1550 года, Ивану IV больше улыбались мысли, высказанныя Ив. Пересвѣтовымъ, чѣмъ кн. Курбскимъ.

Но и челобитья народа, какъ сейчасъ увидимъ, не нашли себѣ дѣйствительнаго осуществленія въ реформахъ Ивана IV.

4.

Управленіе, на которое жалуются въ приведенной выше челобитной важане и на которое шли жалобы со

всѣхъ сторонъ, составляли такъ называемые намѣстники и волостели. И это не удивительно. Въ основѣ дѣятельности намѣстниковъ и волостелей лежало начало прямо враждебное общему благу—и отсюда закону, призванному охранять это благо. Населенiе отдавалось имъ въ управленiе, какъ отдается теперь имѣнiе или какая-нибудь другая доходная статья въ аренду. Они съ населенiя получали кормъ и всевозможныя пошлины за рѣшенiе судебныхъ дѣлъ и совершенiе всякаго рода актовъ. Въ интересахъ такихъ управителей было какъ можно жирнѣе кормиться отъ населенiя и не столько охранять общественную тишину и спокойствiе, сколько поощрять или по крайней мѣрѣ игнорировать дѣйствiя нарушителей общественной тишины и спокойствiя.

Правительство и само сознавало неудовлетворительность управленiя, построеннаго на такомъ началѣ, какъ система кормленiя, и еще до реформы Ивана IV былъ сдѣланъ рядъ попытокъ къ улучшенiю его. Мѣры, принимавшiяся въ этихъ цѣляхъ, заключались — во-первыхъ, въ болѣе или менѣе точной регламентацiи органовъ управленiя, во-вторыхъ, въ такъ называемыхъ изъятiяхъ и въ-третьихъ, въ подчиненiи управленiя общественному контролю.

Регламентацiю мы находимъ въ изданiи такъ называемыхъ „уставныхъ грамотъ“. Въ этихъ грамотахъ устанавливались предѣлы компетенцiи намѣстниковъ, волостелей и судей, т.-е. указывались дѣла, подлежащiя ихъ вѣдѣнiю, точно опредѣлялся „кормъ“, вознагражденiе за отправленiе возложенныхъ на нихъ обязанностей, и указывалась отвѣтственность ихъ за злоупотребленiя. Больше всего вниманiя удѣляютъ уставныя грамоты исчисленiю кормовъ, эта сторона въ нихъ наиболѣе разработана. Но достаточно мѣста въ нихъ отведено также су-

ду и управленію. Въ частности, напримѣръ, отъ судей требовалась закономѣрность и безпристрастіе. Они подъ присягой обязывались „судити и управы чинили по судебнику и по уставной грамотѣ“, какъ установлено „о судѣ во всей землѣ“, „обыскивая вправду... безволокитно“, и въ то же время предписывалось „другу имъ и роду своему и племени ни въ чемъ не норовити, а недругу не мстити и посуловъ и поминковъ не имати ни у кого, ни отъ чего, никоторыми дѣлы“. За невыполненіе этихъ требованій, за нарушеніе закона, пристрастіе и мздоимство уставныя грамоты грозили судьямъ жестокимъ наказаніемъ—„казнить смертною казнью безъ отпросу“, а имущество раздать истцамъ. Судей же исполнительныхъ и добросовѣстныхъ ожидала награда—освобожденіе отъ податей. „И мы съ ихъ вытей,—говорится въ уставныхъ грамотахъ относительно такихъ судей,—что за ними пашни, пошлинъ и податей всякихъ имать не велимъ да и сверхъ того пожалуемъ“.

Любопытно, что уставныя грамоты выдавались не самимъ представителямъ власти, а населенію, какъ гарантія противъ злоупотребленій власти. Правительство дѣлало это, по словамъ проф. Загоскина, „въ стремленіи установить прочныя отношенія между элементами управляемымъ и управляющимъ, въ стремленіи сгладить антагонизмъ интересовъ ихъ въ тѣхъ жизненныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ антагонизмъ этотъ угрожаетъ неблагопріятными послѣдствіями“.

Изъятіе состояло въ освобожденіи изъ-подъ вѣдомства мѣстныхъ властей. Оно издавна практиковалось въ широкихъ размѣрахъ какъ для отдѣльныхъ лицъ, такъ и для цѣлыхъ группъ населенія, сословій и мѣстностей. Обычнѣе всего, особенно въ болѣе раннее время, изъятіе дѣлалось въ пользу частныхъ лицъ и учрежденій—

помѣщиковъ, монастырей, общинъ. Чтобы избавить население отъ тяжелаго суда и расправы кормленщиковъ, царь, согласно его просьбѣ, предоставлялъ напримѣръ мѣстному землевладѣльцу вѣдать самому крестьянъ судомъ и расправой—во всѣхъ или только въ нѣкоторыхъ дѣлахъ. Подобная же передача дѣлалась также въ пользу монастырей, общинъ. Землевладѣльцы сами тоже обыкновенно освобождались отъ компетенціи мѣстныхъ властей и судились судомъ князя или его „боярина введеннаго". Изъятіе разсматривалось какъ льгота, пожалованіе, и въ знакъ полученія ея населенію или отдѣльнымъ лицамъ и учрежденіямъ выдавались „жалованныя" грамоты.

Насколько широко практиковалась система изъятій, видно изъ того, что путемъ изъятій возникло, напримѣръ, губное управленіе, т.-е. передача въ вѣдѣніе населенія уголовной юстиціи и полиціи, а впослѣдствіи и все мѣстное самоуправленіе. Получая жалобы населенія на намѣстниковъ и волостелей, правительство стало отнимать у послѣднихъ уголовно-полицейскія дѣла и передавать ихъ въ вѣдѣніе населенія. При Иванѣ IV эти отдѣльныя мѣры становятся общими, и губная реформа получаетъ повсемѣстное распространеніе.

Что же касается общественнаго контроля, то онъ устанавливался при помощи введенія въ приказный судъ и управленіе земскаго элемента, выборныхъ отъ общинъ—старостъ и цѣловальниковъ. Эта мѣра тоже сначала частная становится затѣмъ общей. Такимъ образомъ, требованіе участія земскихъ выборныхъ въ судѣ намѣстниковъ, какъ непремѣнное условіе судопроизводства, изъ уставныхъ грамотъ переходитъ въ оба судебника Ивана III и Ивана IV и благодаря этому дѣлается изъ частнаго и мѣстнаго общимъ и повсемѣстнымъ. Это тре-

бованіе весьма любопытно для того времени, какъ гарантія законности и обезпеченія личныхъ и имущественныхъ правъ населенія.

„А безъ дворскаго и безъ старосты и безъ цѣловальниковъ намѣстникомъ и ихъ тіуномъ суда не судити",—категорически говоритъ царскій судебникъ. „А гдѣ дворскаго нѣтъ, и прежъ сего не бывалъ, ино быти въ судѣ у намѣстниковъ и у ихъ тіуновъ старостѣ да цѣловальникомъ. А безъ старосты и безъ цѣловальниковъ суда не судити"...

Выборные должны были прикладывать свои руки къ „суднымъ дѣламъ" и получать копіи съ нихъ за печатью намѣстника и подписью намѣстничьго дьяка. Кромѣ того на судѣ присутствуютъ земскіе дьяки, которые „пишутъ" „судныя дѣла". Однимъ словомъ, въ цѣляхъ обезпеченія правосудія выборному элементу дана значительная доля участія въ судѣ.

При помощи тѣхъ же земскихъ людей судебникъ ограждаетъ личную неприкосновенность.

Если намѣстникамъ и волостелямъ надо кого-либо отдать на поруки, то согласно ст. 70 судебника „намѣстничимъ и волостелинымъ людемъ тѣхъ людей являти въ городѣ прикащикамъ городовымъ, да дворскому и старостѣ и цѣловальникомъ; а въ волость являти старостѣ и цѣловальникомъ, которые у намѣстниковъ и у волостелей и у ихъ тіуновъ въ судѣ сидятъ; а не явя тѣхъ людей, по коимъ поруки не будетъ, намѣстничимъ и волостелинымъ людемъ къ себѣ не сводити и у себя ихъ не ковати". Иначе говоря, никто не можетъ быть ни арестованъ, ни подвергнутъ заключенію, ни тѣмъ болѣе закованъ безъ предъявленія земскимъ, выборнымъ властямъ. Въ противномъ случаѣ, виновные подвергались денежному взысканію. Если земскіе выборные найдутъ

человѣка, положимъ, скованнымъ безъ предъявленія имъ, они освобождаютъ его, а на виновныхъ берутъ „безчестіе, посмотря по человѣку“.

Наконецъ, на земскихъ выборныхъ уставныя грамоты, а затѣмъ и судебникъ возлагали слѣдить за тѣмъ, чтобы иски не превышали имущественную состоятельность отвѣтчика, въ удостовѣреніе чего они представляли окладныя (разметныя) книги.

Однако эти отдѣльныя и разрозненныя мѣры, принимавшіяся къ тому же разновременно, оказывались безполезными палліативами и, не достигая цѣли, въ то же время вносили удивительную пестроту и какую-то чрезполосицу въ мѣстное управленіе. Здѣсь судитъ и рядитъ намѣстникъ, а рядомъ съ нимъ тѣ же функціи отправляетъ мѣстный землевладѣлецъ, далѣе же судъ и расправу вѣдаютъ земскія выборныя власти, затѣмъ опять идетъ коронный органъ въ лицѣ волостеля или тіуна. Въ концѣ концовъ получались отъ названныхъ мѣръ даже противоположные результаты, такъ какъ путаница и многообразіе въ управленіи плохой пособникъ закономѣрности.

Только въ половинѣ XVI вѣка правительство рѣшило отъ полумѣръ перейти къ коренной реформѣ мѣстнаго управленія. Мы имѣемъ въ виду реформу царя Ивана IV.

5.

Реформа мѣстнаго управленія, задуманная Иваномъ IV, имѣла всѣ преимущества передъ предпринимавшимися до сихъ поръ отдѣльными попытками внести сюда порядокъ и закономѣрность. Во первыхъ, она имѣла характеръ общей мѣры, должна была распространиться на всю территорію государства, во-вторыхъ, управленіе пере-

давалось въ руки самого заинтересованнаго въ закономѣрности населенія, и, въ третьихъ, гораздо точнѣй и подробнѣе опредѣлялась компетенція и отвѣтственность выборныхъ, земскихъ органовъ власти, чѣмъ это дѣлалось въ уставныхъ грамотахъ для короннаго управленія, гдѣ, какъ мы уже говорили, главное мѣсто занимала регламентація кормовъ. Неудивительно, что населеніе, измученное произволомъ и поборами намѣстниковъ и волостелей, съ радостью встрѣтило рѣшеніе правительства избавить его отъ кормленщиковъ и отдать въ его руки все мѣстное управленіе. „И бысть крестьяномъ,—говоритъ псковскій лѣтописецъ,—радость и льгота велика отъ лихихъ людей и отъ поклепщовъ, и отъ намѣстниковъ и отъ ихъ недѣльщиковъ, и отъ ѣздоковъ, кои по волостямъ ѣздятъ, и начаша Псковичи за государя Бога молити и Пречистую Богородицу и святыхъ чудотворцевъ о его жалованьи до своея отчины, что показа милость свою до сиротъ своихъ“. Наоборотъ, намѣстники и тіуны, заинтересованные въ сохраненіи прежняго порядка, были недовольны реформой. По словамъ того же псковскаго лѣтописца, „и бысть намѣстникамъ по городамъ нелюбка велика на христіанъ“, „и бысть намѣстникъ на Псковѣ одинъ князь великій Репнинъ Оболенскій, и была ему нелюбка до Псковичъ велика, что у нихъ, какъ зеркало, государева грамота“, т. е. грамота, вводившая самоуправленіе.

Однако радость однихъ и печаль другихъ оказались преждевременными.

Реформа не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ въ смыслѣ водворенія закономѣрности въ мѣстномъ управленіи. Введенное царемъ Иваномъ IV самоуправленіе не было похоже ни на самоуправленіе кіевской Руси, ни на самоуправленіе нашего времени. Истинное самоуправленіе

обезпечиваетъ населеніе отъ произвола администраціи и водворяетъ законность тѣмъ, что предоставляетъ населенію свободное право завѣдыванія своими мѣстными дѣлами черезъ облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ лицъ, подлежащихъ общественному контролю и дѣйствующихъ независимо отъ казенныхъ органовъ въ предѣлахъ, очерченныхъ закономъ. Это свободное право самоопредѣленія и составляетъ сильную и привлекательную сторону самоуправленія. Въ такомъ видѣ, вѣроятно, представляло себѣ самоуправленіе и населеніе XVI вѣка, моля правительство объ избавленіи его отъ кормленщиковъ. Но получило оно нѣчто иное. Оно получило не привлекательное право самоуправленія, а тяжелую обязанность отбыванія новой государственной повинности. Выборы должностныхъ лицъ производились за круговой порукой выбравшихъ, и населеніе отвѣчало за ихъ дѣятельность гражданской и уголовной отвѣтственностью. Въ царской грамотѣ на этотъ счетъ сказано: если „излюбленные головы (т. е. выборные) сами начнутъ посадскимъ людямъ или становымъ или волостнымъ крестьянамъ комунибудь силы и обиды и продажи безлѣпичныя (чрезмѣрныя) чинити, посулы и поминки имати, и тѣмъ отъ меня, царя и великаго князя, быть казненнымъ смертной казнію, а животы и статки (т. е. имущество) велѣть имати, да отдавать тѣмъ людямъ, кому отъ нихъ продажи и убытки чинятся“. То же наказаніе грозило и поручителямъ „излюбленныхъ головъ“, т. е. выбравшему ихъ населенію.

Но и при такихъ тяжелыхъ условіяхъ выборъ скоро обратился въ пустую формальность, замѣнился рекомендаціей. Правительство стало указывать своихъ кандидатовъ изъ служилыхъ людей—инвалидовъ, чтобы дать имъ возможность отдохнуть и „поправиться“ отъ военной службы.

Такимъ образомъ, вмѣсто лицъ, облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, населеніе стало получать правительственныхъ креатуръ и притомъ завѣдомо негодныхъ. Въ концѣ концовъ произошла лишь замѣна однихъ кормленщиковъ, чисто приказныхъ, другими, якобы общественными, а на дѣлѣ—такими же приказными, плюсъ тяжелая отвѣтственность за ихъ дѣйствія населенія.

Итакъ, выборныя, мірскія власти не оказались на высотѣ своего положенія (вслѣдствіе тяжелыхъ условій выборной службы лучшіе люди даже уклонялись отъ нея и на нее шли худшіе люди мѣстности) и для населенія очень скоро стали такими же насильниками и разорителями, какъ и замѣненныя ими приказныя власти. По крайней мѣрѣ, къ царю опять, какъ изъ рога изобилія, полились челобитья, въ которыхъ о новыхъ органахъ мѣстнаго управленія челобитчики говорятъ въ старыхъ выраженіяхъ. По словамъ одной челобитной, относящейся, правда, къ болѣе позднему времени (1614 году), но говорящей о выборномъ органѣ, введенномъ въ описываемое нами время, шуйскій губный староста „велитъ намъ къ себѣ носить кормъ всегда“, „началъ загонять къ себѣ на дворъ животину всякую“, и „посадскіе люди отъ его насильства разбрелись, посадскіе дворы запустѣли“. А кашинцы въ виду злоупотребленій властью со стороны губного старосты просили царя даже замѣнить его приказнымъ человѣкомъ.

Неудача реформы мѣстнаго управленія объясняется ея мотивами, и такъ какъ эти мотивы оказывали большое вліяніе и впослѣдствіи на исторію законности въ русской жизни, то мы на нихъ остановимся нѣсколько подробнѣе.

Реформа мѣстнаго управленія совпала съ реформой военной, съ введеніемъ такъ называемой помѣстной си-

стемы, и въ этомъ вся разгадка первой реформы. Правительству необходимо нужно было набрать больше служилыхъ людей для обороны страны отъ внѣшнихъ враговъ. Многіе изъ нихъ были заняты административной службой въ качествѣ намѣстниковъ и волостелей, и правительство воспользовалось просьбами населенія о выводѣ кормленщиковъ, чтобы употребить ихъ для военной службы, а управленіе передать самому населенію. Въ интересахъ правительства также было вывести кормленщиковъ и потому, что они страшно разоряли населеніе, ослабляли его платежныя средства.

Такимъ образомъ, правительствомъ руководилъ казенный интересъ, а не интересы населенія, и населеніе получило такой типъ самоуправленія, который соотвѣтствовалъ казенному интересу.

Въ сущности, казенный интересъ, правильно понимаемый, есть тотъ же общественный. Но между ними есть и разница, и правительство, преслѣдуя казенный интересъ, должно его отграничивать отъ интересовъ чисто общественныхъ и частныхъ и не приносить послѣднихъ въ жертву первому безъ крайней надобности. Въ благоустроенномъ, правовомъ государствѣ общественные и частные интересы точно отграничены отъ интереса казеннаго, государственнаго и поставлены подъ охрану закона. Русское государство XVI вѣка поступало иначе. Оно бдительно охраняло казенный интересъ и совершенно игнорировало интересы общественные и частные, больше—оно всецѣло подчиняло послѣдніе первому. Казенный интересъ требовалъ, чтобы населеніе несло на „алтарь отечества“ средства и жизнь, и правительство лишь за этимъ и слѣдило—чтобы никто въ „избылыхъ“ не былъ—и брало съ населенія, какъ имущество, такъ и людей, нисколько не сообразуясь съ

его средствами, и приспосабливало весь механизмъ управленія только къ этой главной, эксплоатаціонной цѣли, не принимая въ расчетъ другихъ потребностей населенія и другихъ интересовъ. Такая политика находитъ себѣ объясненіе, правда, въ исключительномъ положеніи Россіи XVI и XVII вѣковъ. Окруженная со всѣхъ сторонъ внѣшними врагами, она находилась все время, что называется, на военномъ положеніи и вынуждена была напрягать силы населенія на защиту слабыхъ границъ, отстаивать нерѣдко самое существованіе государства. Но во всякомъ случаѣ, отъ подчиненія казенному интересу интересовъ общественныхъ и частныхъ, населеніе страдало и прежде всего въ правовомъ отношеніи.

Впрочемъ, отрицать всякое значеніе за земскимъ самоуправленіемъ XVI вѣка въ интересующемъ насъ отношеніи невозможно. Даже обращенное своей невыгодной стороной къ населенію, оно тѣмъ не менѣе оказывало ему извѣстную услугу. Оно давало ему участіе въ государственной жизни, отдавало въ вѣдѣніе населенія мѣстныя нужды и тѣмъ самымъ открывало возможность при случаѣ оградить свой интересъ, хотя бы и въ слабой степени. При правленіи „кормленщиковъ" не было и тѣни чего-либо подобнаго, народъ совершенно оказывался въ ихъ власти и былъ безпомощенъ, безсиленъ оградить свои интересы. При благопріятныхъ условіяхъ, несомнѣнно, это несовершенное самоуправленіе развилось бы въ совершенное, изъ тягла, повинности обратилось бы въ право, преимущество. Но этихъ благопріятныхъ условій, къ сожалѣнію, не оказалось. Введеніе самоуправленія Иваномъ IV объяснялось, какъ мы видѣли, не успѣхомъ государственной жизни, какъ это бываетъ въ наше время, а наоборотъ, неразвитостью государственной жизни, ея крайней элементарностью. Государствен-

ная власть отчасти еще не сознала всѣхъ своихъ обязанностей по отношенію къ народу, отчасти же еще не располагала въ достаточномъ количествѣ собственными силами, средствами, для отправленія этихъ обязанностей. И въ силу вещей, часть такого рода обязанностей была переложена государственной властью на населеніе. Впослѣдствіи же, когда государственная власть сознала всѣ свои обязанности и обзавелось достаточнымъ штатомъ собственныхъ органовъ, она не только сняла наложенныя на населеніе обязанности въ дѣлѣ управленія и суда, но и совсѣмъ удалила народъ отъ всякаго активнаго участія въ государственной жизни, такъ что народу пришлось для возвращенія себѣ права самоуправленія, какъ средства огражденія своихъ правъ и интересовъ, вести долгую и упорную, вѣковую борьбу.

6.

Что же касается привлеченія народа къ участію въ центральномъ управленіи, то Иванъ IV сдѣлалъ въ этомъ отношеніи опытъ, т.-е. созывалъ земскіе соборы. Но опытъ этотъ, тоже какъ и въ сферѣ мѣстнаго управленія, не принесъ народу законности (судебникъ 1550 г.—единственный крупный результатъ соборной дѣятельности) и не могъ принести въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ сдѣланъ. Созывавшіеся царемъ Иваномъ IV земскіе соборы были далеко не тѣ, какихъ требовали извѣстные намъ публицисты XVI вѣка и какими стали они дѣйствительно въ XVII вѣкѣ.

Настаивая на созывѣ земскаго собора, притомъ какъ постоянно дѣйствующаго учрежденія, Курбскій и его единомышленники во всякомъ случаѣ предполагали, что соборъ будетъ состоять изъ представителей земли. При помощи такихъ представителей они хотѣли поставить

центральное управленіе подъ наблюденіе и контроль народа и въ этомъ именно видѣли гарантію законнаго порядка вещей въ странѣ. Между тѣмъ Иванъ IV созывалъ на соборы не представителей населенія, а представителей мѣстнаго гражданскаго и военнаго управленія, т. е. собственныхъ, правительственныхъ же агентовъ. Понятно, въ такомъ случаѣ отъ земскаго собора нельзя было ожидать ни контроля надъ управленіемъ, ни осуществленія въ судѣ и управленіи начала законности. При такомъ составѣ земскій соборъ могъ служить—и служилъ дѣйствительно—скорѣе, казеннымъ чѣмъ общественнымъ интересамъ, подобно органамъ мѣстнаго управленія. Центральное правительство встрѣчалось на соборѣ со своими же собственными агентами и, получая отъ нихъ свѣдѣнія по извѣстной и тогда формулѣ „все обстоитъ благополучно", укрѣплялось еще болѣе въ мысли, что существующій порядокъ есть лучшій и не нужно никакихъ реформъ.

Но и эта призрачная форма участія народа въ управленіи и единенія его съ царемъ была достояніемъ прошлаго, когда Курбскій обращался къ царю. Земскіе соборы созывались въ первую половину царствованія Ивана IV, когда онъ не прочь былъ отъ единенія съ народомъ. Во вторую же половину его царствованія получила примѣненіе другая теорія государственнаго управленія, прямо противоположная идеаламъ кн. Курбскаго, и совѣты его царю въ этомъ духѣ уже не могли разсчитывать на успѣхъ. Эту теорію, выдвинутую самимъ царемъ въ противовѣсъ теоріи Курбскаго, находимъ въ томъ же литературномъ памятникѣ, изъ котораго мы извлекли мысли Курбскаго о необходимости соучастія народа въ управленіи съ царемъ.

По мнѣнію Ивана IV, власть царя должна быть неограниченной, безусловной и безотвѣтственной.

„Русскіе самодержцы изначала сами владѣютъ всѣмъ царствомъ, а не бояре и вельможи“, — возражалъ онъ Курбскому, —и при томъ „по Божьему изволенію, а не по многомятежному человѣческому хотѣнію“, т.-е. „Божіею милостію“. Для народа царь—намѣстникъ Бога, которому онъ отданъ въ рабство. Подданные суть „повинные рабы царя“, которые „не должны отмѣтаться своего работнаго ига и владычества своего государя“, но обязаны ему безпрекословно повиноваться, какъ самому Богу. Самодержецъ же воленъ не только въ ихъ правахъ и имуществѣ, но и въ самой жизни — „доброхотныхъ своихъ жалуемъ великимъ всякимъ жалованьемъ, а иже обрящутся въ супротивныхъ, то по своей винѣ и казнь пріемлютъ“ и отвѣчаетъ за все царь лишь передъ Богомъ, т.-е. онъ безотвѣтственъ. Всякую другую форму верховной власти, кромѣ этой, Иванъ IV отвергаетъ, какъ несогласную съ достоинствомъ царя.

„Неужели хорошо, —спрашиваетъ онъ Курбскаго,— когда попы и прегордые лукавые рабы народомъ владѣютъ, а царь только предсѣдательствуетъ и царствія честью почтенъ бываетъ, властію же ничѣмъ не лучше раба?... Какой же онъ самодержецъ, когда не самъ управляетъ?“

Такимъ образомъ, представитель верховной власти того времени, царь Иванъ IV совершенно не склоненъ былъ къ раздѣленію своей власти съ кѣмъ-либо (его, какъ извѣстно, стѣснялъ даже совѣтъ близкихъ ко двору лицъ, „избранной рады“, руководимой попомъ Сильвестромъ и постельничимъ Адашевымъ, и онъ постарался избавиться отъ нихъ), къ установленію порядка, кладущаго предѣлы его личной волѣ, его личному усмотрѣнію. Усвоенное имъ пониманіе верховной власти и природныя особенности его ума и характера влекли его къ другому порядку, прямо про-

тивоположному. И, освободившись изъ „плѣна", въ которомъ его держали его совѣтники, сдерживавшіе его властолюбивые инстинкты, Иванъ IV осуществилъ этотъ порядокъ на практикѣ, провелъ въ жизнь свою теорію верховной власти и притомъ до послѣднихъ логическихъ послѣдствій, далъ полную волю всѣмъ своимъ царскимъ не только намѣреніямъ и желаніямъ, но и страстямъ и прихотямъ. Въ лицѣ Ивана IV самодержавіе, впервые получившее на Руси теоретическое обоснованіе, нашло и перваго воплотителя и было исчерпано, можно сказать, до дна. Болѣе полно и ярко трудно было бы конкретизировать идею самодержавія, чѣмъ это сдѣлалъ Иванъ IV благодаря своей необузданной натурѣ.

По началу царствованія никакъ нельзя было предвидѣть такого ужаснаго конца его. Скорѣе можно было разсчитывать на продолженіе его въ духѣ единенія царя съ народомъ и заботливости его о народныхъ нуждахъ. Принявъ въ свои руки государство, разстроенное предшествующимъ ему правленіемъ бояръ, Иванъ IV всенародно поклялся устроить его, и энергично взялся за исполненіе своего обѣщанія и достигъ даже извѣстныхъ положительныхъ результатовъ. Объ этомъ свидѣтельствуетъ первая, оставившая по себѣ добрую славу, половина его царствованія. Но затѣмъ дѣла приняли иной оборотъ. Въ душѣ царя произошелъ какой-то переломъ, изъ монарха-радѣтеля о народныхъ нуждахъ онъ обратился въ монарха-мстителя народу за невѣдомыя съ его стороны преступленія, въ жестокаго тирана, попирателя народныхъ правъ и нарушителя государственныхъ законовъ. И на потемнѣвшемъ горизонтѣ русской политической жизни появилось новое учрежденіе, прямой антиподъ земскому собору—опричнина, символъ русскаго беззаконія и попранія народныхъ правъ и интересовъ.

Опричнина возникла изъ зародившагося еще въ дѣтствѣ недовѣрія царя къ боярству, и была направлена противъ этого класса для сокрушенія честолюбивыхъ и властолюбивыхъ замысловъ бояръ, искорененія ихъ политическаго значенія и разрушенія ихъ козней противъ верховной власти. И, поскольку она дѣйствовала въ этомъ именно направленіи, оставалась въ рамкахъ этихъ спеціальныхъ задачъ, она имѣла свое основаніе и осуществляла государственную задачу. Боярство, дѣйствительно, заслуживало недовѣрія, и властолюбивыя стремленія его препятствовали проведенію государственнаго начала въ управленіи, завершенію процесса превращенія Россіи изъ вотчины московскихъ государей въ московское государство. Пока оставались эти бояре-княжата, удѣльные государи, „удѣльніи великіе русскіе князи“, которые, пользуясь въ своихъ бывшихъ удѣльныхъ княжествахъ прерогативами государственной власти по отношенію къ ихъ населенію, конкурировали съ московскимъ „великимъ государемъ“, послѣдній не могъ быть въ полномъ смыслѣ государемъ всея Руси, носителемъ верховной государственной власти, обнимающей всю территорію государства и распространяющейся на все населеніе въ полномъ объемѣ. Однимъ словомъ, въ интересахъ государственности сокрушеніе боярства было необходимо, и въ этомъ смыслѣ за опричниной, независимо конечно отъ ея крайностей, надо признать извѣстную заслугу.

Но опричнина вышла изъ своихъ рамокъ. Недовѣріе очень скоро съ бояръ распространилось на всю земщину, на все населеніе. Весь народъ былъ взятъ подъ подозрѣніе, и опричнинѣ предписано бороться не только съ боярской измѣной и крамолой, а вообще выводить всякую измѣну и крамолу и истреблять всѣхъ крамоль-

никовъ изъ земщины. Съ этого момента опричнина уже обратилась изъ спеціальнаго учрежденія съ временными цѣлями—въ учрежденіе общегосударственное съ постоянными цѣлями. Она стала между царемъ и народомъ и, содержась на счетъ народныхъ средствъ, должна была служить царю и его двору и оберегать интересы ихъ противъ народа. Сыскъ и выведеніе крамолы сдѣлались съ этого времени лишь частной функціей опричнины, тѣсно примыкавшей къ главнѣйшей задачѣ—служить царскому двору и дворовымъ интересамъ за счетъ народа и народныхъ интересовъ.

Въ этомъ смыслѣ опричнина являлась уже болѣе, чѣмъ учрежденіемъ: она означала цѣлую систему управленія, построенную на отдѣленіи верховной власти отъ народа и противоположеніи интересовъ населенія, цѣлую схему отношеній власти къ народу, основанную на недовѣріи. И значеніе, полученное опричниной въ нашей исторіи, надо искать именно въ послѣдней ея особенности.

Опричнина—учрежденіе, имѣвшее цѣлью истребленіе боярской крамолы, умерло вмѣстѣ со своимъ творцомъ. Опричнина же—система управленія, схема отношеній, оказалась безсмертной. Она пережила даже бури смутнаго времени и возродилась изъ развалинъ московскаго государства, подобно тому, какъ возрождается изъ пепла легендарный фениксъ, и дожила до нашихъ дней.

Къ чему привела такая система управленія, построенная на террорѣ и произволѣ, въ XVI вѣкѣ, хорошо извѣстно.

Итакъ, не народовластіе, хотя бы въ скромной формѣ пожеланій упоминавшихся раньше публицистовъ, сдѣлалось руководящимъ принципомъ управленія во вторую половину царствованія Ивана IV, а самодержавіе,—не

единеніе царя съ народомъ при помощи земскаго собора, а полное разъединеніе ихъ при посредствѣ опричнины. И теченіе государственной жизни, направляемое такимъ принципомъ, рѣзко повернуло отъ укрѣпленія силы закона и закономѣрнаго порядка, въ сторону ослабленія того и другого и водворенія самаго безудержнаго произвола, который расшаталъ въ конецъ всѣ государственные устои, довелъ государство до состоянія анархіи и привелъ страну на край гибели.

Пока существовала въ странѣ законная верховная власть, антагонизмъ между правительствомъ и населеніемъ и классовъ населенія между собой все-таки сдерживался ея властной рукой. Когда же этой власти не стало, то антагонизмъ перешелъ въ открытую борьбу населенія съ властями и между собой. Беззаконіе изъ частнаго явленія сдѣлалось общимъ, и формально-законный порядокъ уступилъ мѣсто фактическому беззаконію.

Сбылись мрачныя предчувствія нашихъ публицистовъ.

Мы говоримъ о той соціально-политической революціи на рубежѣ XVI и XVII вѣка, которая извѣстна въ нашей исторіи подъ именемъ „смутнаго времени“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Попытки ограниченія верховной власти въ цѣляхъ обезпеченія закономѣрнаго порядка въ началѣ XVII вѣка. „Запись", взятая при избраніи Шуйскаго. Договоръ 1610 года. Вопросъ о „записи" при избраніи М. Ѳ. Романова. Установленіе новыхъ отношеній между верховной властью и народомъ послѣ избранія М. Ѳ. и новый порядокъ управленія. Совмѣстная дѣятельность власти и земли въ въ дѣлѣ установленія закономѣрнаго порядка и выдающаяся роль земскихъ соборовъ. Практическіе результаты такой дѣятельности и виды на будущее. Возстановленіе разрушеннаго смутой самодержавно-приказнаго режима. Образованіе новаго правительственнаго круга около Романовыхъ. Составъ этого круга и взаимныя отношенія его членовъ и царя. Перемѣна правительственнаго курса въ связи съ появленіемъ „романовскаго" кружка. Прекращеніе созыва земскихъ соборовъ и переходъ власти къ новому правящему классу. Разница между составомъ правительства Романовыхъ первыхъ годовъ и послѣдующаго времени. Вліяніе перемѣны правительственнаго курса на ходъ управленія со стороны законности.

1.

Смута открыла возможность населенію перейти отъ пассивнаго осуществленія своихъ нуждъ и желаній, практиковавшихся до сихъ поръ въ формѣ челобитныхъ, къ активному и, не добившись отъ правительства того, что ему было нужно, взяться самому за дѣло.

Такъ какъ въ событіяхъ смутнаго времени приняли участіе различные классы населенія, то каждый изъ нихъ постарался осуществить свои завѣтныя желанія различнымъ образомъ. Оставляя въ сторонѣ способы осуществленія желаній чисто революціоннымъ путемъ, въ родѣ разграбленія помѣщичьихъ усадьбъ и избіенія помѣщиковъ и представителей власти, остановимся на желаніяхъ, облекшихся въ ту или иную форму государственнаго порядка и исходившихъ отъ сторонниковъ порядка.

Первымъ выступило боярство. Проведя на престолъ своего кандидата, въ лицѣ Василія Шуйскаго, оно взяло съ новаго царя „запись“, въ которой изложило свою такъ сказать политическую программу. Согласно „записи“, Шуйскій обязывался никого не наказывать, не осудя истиннымъ судомъ съ боярами, не распространять вины преступника на его родню и семейство и ихъ имущество, разъ они не участвовали въ преступленіи, не принимать доносовъ, всѣ дѣла рѣшать по суду и слѣдствію. Однимъ словомъ, „запись“ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ обезпечить личную и имущественную неприкосновенность. Это объясняется средой, изъ которой вышла „запись“. Посадивъ на престолъ своего царя, боярство прежде всего постаралось оградить себя отъ того, отъ чего оно больше всего страдало въ предшествующія царствованія—личной и имущественной необезпеченности.

Однако Шуйскій не выполнилъ принятыхъ на себя обязательствъ даже въ такихъ скромныхъ размѣрахъ, т. е. по отношенію къ избравшему его на царство боярству. По словамъ лѣтописца, „царь Василій вскорѣ по воцареніи своемъ, не помня своего обѣщанія, началъ мстити людемъ, которые ему грубиша: бояръ и думныхъ дьяковъ и стольниковъ и дворянъ многихъ разослали по городамъ по службамъ, а у иныхъ у многихъ помѣстья и вотчины поотнимали“.

Низложеніе Шуйскаго поставило снова вопросъ о замѣщеніи престола, и снова явилась мысль объ условіяхъ избранія. На этотъ разъ выступило дворянство и выставило кандидатуру польскаго королевича Владислава, съ которымъ былъ заключенъ извѣстный „договоръ“ 1610 года. „Договоръ“ 1610 года понимаетъ свою задачу значительно шире и носитъ болѣе демократическій характеръ, принимаетъ во вниманіе интересы всего на-

селенія, и, если бы онъ осуществился, то въ государственный строй Россіи были бы внесены существенныя перемѣны въ цѣляхъ обезпеченія закономѣрнаго порядка.

Кромѣ личной и имущественной неприкосновенности подданнымъ въ „договорѣ“ гарантируется—неприкосновенность православной вѣры, судъ по закону, возвышеніе по заслугамъ, а не по происхожденію, право выѣзда за границу въ христіанскія государства. Власть царя раздѣляется съ боярской думой и земскимъ соборомъ. Вмѣстѣ съ соборомъ царь устанавливаетъ новые и измѣняетъ старые законы, вмѣстѣ съ думой рѣшаетъ вопросы текущаго законодательства, установленіе налоговъ и т. д. Боярской думѣ принадлежитъ кромѣ того верховная судебная власть—рѣшеніе важнѣйшихъ судебныхъ дѣлъ.

Но Владиславъ не попалъ на московскій престолъ, и договоръ 1610 года остался лишь историческимъ памятникомъ желаній извѣстной части населенія о водвореніи въ странѣ законнаго порядка.

Только съ избраніемъ на престолъ Михаила Романова эти желанія получили форму юридическаго памятника—конституціи, какъ бы мы сказали теперь.

Объ этомъ чрезвычайно важномъ событіи существуетъ очень много извѣстій. Мы разскажемъ о немъ со словъ иностранца Фокеродта, заслуживающаго, по мнѣнію нашихъ изслѣдователей, наибольшаго довѣрія. Дѣло, въ передачѣ Фокеродта, произошло такимъ образомъ.

„Вельможи составили изъ себя родъ сената, который они назвали соборомъ и въ которомъ засѣдали и имѣли голосъ не только бояре, но также и всѣ другія лица, занимавшія высокія государственныя должности. Они приняли единодушное рѣшеніе—не выбирать въ цари никого, кто не обѣщаетъ имъ клятвенно предоставить полный ходъ правосудію по старымъ законамъ страны;

никого не судить и не осуждать высочайшей властью, безъ согласія собора не вводить никакихъ новыхъ законовъ, не отягчать подданныхъ новыми налогами и не принимать самомалѣйшихъ рѣшеній въ ратныхъ и земскихъ дѣлахъ. Чтобы крѣпче связать новаго царя этими условіями, они рѣшили не избирать своимъ властелиномъ никого, кто принадлежалъ бы къ вліятельной фамиліи и имѣлъ бы много приверженцевъ, съ помощью которыхъ могъ бы нарушить предписанные ему законы и вернуть себѣ снова верховную власть. Царь Михаилъ подписалъ эти условія безъ колебаній, и въ теченіе нѣкотораго времени правленіе велось предписаннымъ образомъ".

Къ сожалѣнію самая „запись" до насъ не дошла, и документальныхъ доказательствъ относительно ограниченія власти Михаила Ѳеодоровича Романова мы не имѣемъ. Благодаря этому, несмотря на обиліе извѣстій русскихъ и иностранныхъ о существованіи „записи", вопросъ о „записи" и объ ограниченіи власти царя Михаила до сихъ поръ еще не рѣшенъ окончательно въ нашей наукѣ. Одни ученые признаютъ фактъ существованія „записи" и заключающихся въ ней ограничительныхъ условій. Другіе, допуская существованіе „записи" или словеснаго обѣщанія со стороны царя, отвергаютъ смыслъ и значеніе ихъ, какъ ограниченія самодержавной власти. На этой точкѣ зрѣнія стоитъ проф. Маркевичъ, подвергшій тщательному анализу всѣ относящіяся сюда извѣстія. Въ условіяхъ, принятыхъ на себя Михаиломъ, Маркевичъ видитъ вполнѣ добровольное обѣщаніе царя править согласно желанію народа, безъ юридическаго обязательства, нарушеніе котораго могло бы привести къ лишенію престола.

Третьи совершенно отрицаютъ и „запись", и ограни-

чительный смыслъ ея. Къ числу такихъ принадлежитъ проф. Платоновъ, недавно еще разъ подвергшій пересмотру русскія извѣстія объ ограниченіи власти Михаила и самыя обстоятельства избранія на царство Михаила Ѳеодоровича. Первыя онъ признаетъ не заслуживающими никакого довѣрія (на иностранныхъ онъ совсѣмъ не останавливается), а во вторыхъ не находитъ основаній для взятія съ новаго царя „записи" и ограниченія его власти въ пользу бояръ, какъ это утверждаютъ русскіе источники.

Не имѣя въ своихъ рукахъ самой „записи", которая одна способна разрѣшить этотъ спорный вопросъ, трудно сказать, какая изъ приведенныхъ точекъ зрѣнія безусловно вѣрна. Но мы склонны къ положительному рѣшенію даннаго вопроса. Въ пользу такого рѣшенія говоритъ, во-первыхъ, многочисленность извѣстій о „записи" въ ограничительномъ смыслѣ, во-вторыхъ,—аналогія съ предшествующимъ. Очевидно, предъявленіе верховной власти требованій въ смыслѣ огражденія населенія отъ беззаконія и произвола, обезпеченіе народу правосудія было въ духѣ разсматриваемаго нами времени—вѣроятно, подъ вліяніемъ смуты. По крайней мѣрѣ, всякій разъ, какъ призывается къ власти новое правительство (избраніе Шуйскаго), или даже только поднимается вопросъ о такомъ правительствѣ (переговоры съ Владиславомъ или шведскимъ королевичемъ), такъ сейчасъ же является мысль о гарантіяхъ противъ произвола, требованіе суда при участіи представителей земли. Въ особенности полно и ярко обнаружилась эта тенденція времени въ „земскомъ приговорѣ" 1611 года, при избраніи „временнаго правительства" въ составѣ Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго. Достаточно сказать, что здѣсь русскій народъ дошелъ до мысли объ отвѣтственности представителей

верховной власти. Облекши названныхъ трехъ лицъ верховной властью и предъявивъ къ нимъ требованіе никого не отправлять въ ссылку и не предавать смертной казни безъ приговора земли и вообще радѣть о земскихъ дѣлахъ, народъ грозилъ имъ въ противномъ случаѣ лишеніемъ власти.

„А буде бояре, которыхъ выбрали нынѣ всею землею для всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ въ правительство,—говорится въ заключеніе въ „приговорѣ“,—о земскихъ дѣлахъ радѣти и расправы чинити не учнутъ, во всемъ вправду и по сему земскому приговору всякихъ земскихъ и ратныхъ дѣлъ дѣлати не станутъ и за ними всякія земскія дѣла остановятся... и намъ всею землею вольно бояръ и воеводъ перемѣнити и въ то мѣсто выбрать иныхъ, поговоря со всею землею, кто будетъ бою и земскому дѣлу пригодится“.

Что же удивительнаго послѣ этого, если мысль о гарантіяхъ отъ произвола и насилія со стороны власти явилась и въ моментъ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича. Это было такъ естественно, и потому естественно могла явиться и „запись“, и предъявленіе избраннику извѣстныхъ обязательныхъ для него условій.

Во всякомъ случаѣ, была ли „запись“ или не была, но одно изъ условій предполагаемой „записи“ оказалось на лицо послѣ избранія М. Ѳ. Романова. Мы говоримъ объ участіи народныхъ представителей въ законодательствѣ и управленіи при Михаилѣ, которое какъ бы на него ни смотрѣть (въ смыслѣ ли ограниченія или болѣе безобиднаго единенія царя съ народомъ), является извѣстнаго рода гарантіей отъ нарушенія народныхъ интересовъ, обезпеченіемъ закономѣрности и цѣлесообразности управленія. Какъ извѣстно, земскіе соборы въ первые годы царствованія М. Ѳ. были постоянно дѣйствующимъ

учрежденіемъ, и всѣ дѣла рѣшались по указу царя и приговору собора, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе современники и самые памятники законодательной и правительственной дѣятельности того времени.

Избраніе царя съ „записью“ было первой попыткой затронуть устои государственнаго строя Руси, подойти къ источнику всякой законности въ странѣ—верховной власти и измѣненіями въ ея организаціи гарантировать населенію законность.

Всѣ до сихъ поръ бывшія попытки проведенія начала законности въ управленіе, исходя отъ верховной власти, оставляли ее неприкосновенной и имѣли характеръ частичныхъ реформъ управленія и суда въ предѣлахъ существующаго государственнаго порядка. Теперь предложена коренная реформа самого государственнаго строя.

Реформаторы начала XVII вѣка, расходясь въ подробностяхъ своихъ политическихъ программъ, исходили въ сущности всѣ изъ одного и того же положенія, что верховная власть въ томъ видѣ, какъ она существовала до сихъ поръ въ Россіи, т.-е. какъ самодержавная, неограниченная, дѣйствія которой притомъ, какъ власти богоустановленной, непогрѣшимы и безотвѣтственны—не гарантируетъ странѣ законнаго порядка вещей. Особенно убѣдительно доказало это царствованіе царя Ивана IV. Всѣмъ было хорошо извѣстно и даже памятно, насколько была необезпечена тогда личность и имущество каждаго гражданина, и вообще насколько прихотлива и измѣнчива была воля этого самодержца. Мы знаемъ, что важане на свое челобитье о злоупотребленіяхъ намѣстниковъ и волостелей получили разрѣшеніе ввести у себя самоуправленіе. Псковичей же, подавшихъ подобную же просьбу, постигла совсѣмъ другая участь.

„Царь, по словамъ историка Соловьева, поступилъ съ ними такъ: обливалъ ихъ горячимъ виномъ, зажигалъ волосы, палилъ бороды, клалъ ихъ зачѣмъ-то голыми грудой на землю. Отъ смерти псковичи спаслись, лишь благодаря случайности: царя перепугало паденіе большого колокола, гдѣ-то въ Москвѣ, съ колокольни. Истязатель бросилъ мучениковъ и пустился въ Москву“.

Само собою разумѣется, при такихъ условіяхъ невозможно было разсчитывать на водвореніе въ странѣ законности. И дѣло тутъ не въ личности Грознаго царя, дѣйствительно исключительной по своей жестокости и неуравновѣшенности,—дѣло въ самомъ порядкѣ: положеніе верховной власти ничѣмъ не опредѣлено въ законѣ. Теорія и практика, идя рука объ руку въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній московскихъ государей, привели ихъ къ сознанію богоустановленности и неограниченности ихъ власти, замѣняющей на землѣ Бога для населенія, которое, по выраженію Грознаго, дано имъ въ работу, и поставили ихъ личную волю выше всякихъ велѣній. Выработавшись исторически въ такой типъ верховной власти съ личнымъ характеромъ, она не отлилась въ форму писанаго закона, а осталась явленіемъ обычая, обычнаго права. Въ концѣ концовъ, дѣло сводилось къ такому измѣнчивому регулятору общественныхъ отношеній, какъ воля одного лица, занимающаго въ данный моментъ престолъ.

„Записи“ XVII вѣка и хотѣли съ одной стороны ввести дѣйствія верховной власти въ рамки писанаго закона, съ другой стороны—дать участіе въ верховной власти народу, въ формѣ постоянно дѣйствующаго земскаго собора, который бы такимъ образомъ имѣлъ постоянное наблюденіе и контроль надъ управленіемъ.

2.

За неимѣніемъ въ своемъ распоряженіи „записи", данной на себя М. Ѳ. Романовымъ, мы лишены возможности точно, такъ сказать, документально, опредѣлить тотъ образъ правленія, который былъ въ ней начертанъ. Но на основаніи практики первыхъ лѣтъ царствованія Михаила, мы во всякомъ случаѣ въ правѣ заключить, что возстановленный послѣ смуты государственный порядокъ былъ не похожъ на предшествовавшій ему до смуты, воплотившійся ярче всего въ самодержавіи царя Ивана IV, и скорѣе соотвѣтствовалъ идеалу извѣстныхъ намъ оппонентовъ Грознаго и составителей „записей" XVII вѣка. Тогда какъ старый порядокъ Ивана IV исключалъ всякое участіе народа въ политической жизни, и взаимныя отношенія верховной власти и народа строились на обоюдномъ недовѣріи", „опричнинѣ",—новый порядокъ, наоборотъ, предполагалъ дѣятельное участіе представителей земли въ законодательствѣ и управленіи и опирался на взаимное довѣріе обѣихъ сторонъ—правительства и народа.

По крайней мѣрѣ, въ первые годы царствованія Михаила Ѳедоровича мы наблюдаемъ совмѣстную дѣятельность царя и народныхъ представителей. Земскій соборъ обратился въ постоянное учрежденіе, и царь ничего не предпринималъ помимо собора. Избранники земли и царь стоятъ все это время рядомъ во главѣ управленія, какъ равноправные представители верховной власти, и работаютъ вмѣстѣ надъ устроеніемъ расшатаннаго смутой государства. И за этой совмѣстной работой стоитъ взаимное довѣріе—довѣріе народа къ правительству, а правительства къ народу. Какъ извѣстно, Михаилъ Ѳедоровичъ согласился на свое избраніе подъ тѣмъ усло-

віемъ, чтобы народъ оказывалъ ему содѣйствіе, помогалъ въ трудномъ дѣлѣ возстановленія государства изъ развалинъ. Между нимъ и народомъ какъ бы состоялось соглашеніе, договоръ на этотъ счетъ, и вотъ теперь этотъ договоръ осуществлялся на дѣлѣ. Народъ черезъ своихъ представителей доводилъ до свѣдѣнія царя о непорядкахъ, о злоупотребленіяхъ властей. А царь, отзываясь на эти заявленія, просилъ у народа содѣйствія. Вотъ образчикъ такихъ взаимныхъ отношеній.

„Такъ вы бы,—читаемъ въ одномъ царской грамотѣ,—архимандриты, игумены и весь освященный чинъ, дворяне и дѣти боярскія, старосты и цѣловальники, посадскіе и уѣздные всякіе люди воеводамъ и приказнымъ людямъ посуловъ, поминковъ и кормовъ съ посадовъ и уѣздовъ не давали, лошадей, всякой животины и товаровъ, кромѣ съѣстного, имъ не продавали; а если станете воеводамъ посулы и поминки давать и про то сыщется, то всѣ убытки велимъ на васъ доправить вдвое, да вамъ же отъ насъ быть въ великой опалѣ". „Пишемъ мы къ вамъ,—прибавляла въ заключеніе грамота,—милосердуя о васъ, чтобы Божіею милостію и нашимъ милостивымъ призрѣніемъ, жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались, тѣсноты бы вамъ, продажи и никакихъ налоговъ не чинилось, и во всемъ бы на наше царское милосердіе были надежны".

И дѣло въ данномъ случаѣ не ограничивалось одними знаками взаимнаго довѣрія и вниманія правительства къ нуждамъ населенія, но имѣло практическіе результаты. Земскій соборъ 1619 года служитъ лучшимъ памятникомъ совмѣстной дѣятельности царя съ народными представителями, свидѣтельствомъ заботъ правительства о народѣ въ смыслѣ обезпеченія закономѣрнаго порядка.

На соборѣ этомъ благодаря выборнымъ земли были обнаружены страшныя злоупотребленія властей, и тутъ же при участіи тѣхъ же выборныхъ были выработаны мѣры къ искорененію зла—„какъ бы то исправить и землю устроить“. Спеціально для борьбы съ злоупотребленіями власти рѣшено было учредить особый приказъ, въ составѣ нѣскольких бояръ—„а про сильныхъ людей во всякихъ обидахъ сыскивать боярамъ: князю Ивану Борисовичу Черкасскому, да князю Данилу Ивановичу Мезецкому съ товарищи“—приказъ сыскныхъ дѣлъ. Хотя этотъ приказъ, по словамъ Гурлянда, теоретически призванный „бороться съ эгоистическими стремленіями сильныхъ людей“, на практикѣ „быстро превратился въ судебное учрежденіе, занимавшееся розыскомъ“, т.-е. сталъ вѣдать и другія дѣла, тѣмъ не менѣе начало, положенное имъ, осталось. „Но мысль,—говоритъ тотъ же Гурляндъ,—о необходимости борьбы съ сильными людьми не была оставлена. Она повела къ образованію приказа, „что на сильныхъ бьютъ челомъ“. По формѣ дѣйствій и по роду дѣлъ, разсматривавшихся въ немъ, это тотъ же приказъ сыскныхъ дѣлъ; но онъ не обремененъ обычными дѣлами, онъ дѣйствуетъ лишь въ особо важныхъ случаяхъ“.

У Михаила Ѳедоровича было даже предположеніе всюду отдать судъ и управленіе населенію, былъ изданъ даже соотвѣтствующій указъ о томъ, чтобы всѣ города и волости выбрали изъ своей среды судей и правителей, и только равнодушіе самого населенія помѣшало осуществленію мысли царя. По словамъ историка русскаго права, проф. Бѣляева, „большая часть городовъ просили государя прислать для управленія своихъ приказныхъ людей“. Въ этомъ случаѣ, какъ полагаетъ Бѣляевъ, сказалась „предшествовавшая опека администраціи“. А мо-

жетъ-быть, здѣсь сказалось довѣріе населенія къ новому правительству. Однимъ словомъ, царь не на словахъ только, а на самомъ дѣлѣ заботился о нуждахъ каждаго сословія, старался, чтобы дѣйствительно всѣ „жили въ покоѣ и тишинѣ, отъ великихъ бѣдъ и скорбей поразживались“, народъ же въ свою очередь въ виду заботъ царя о его нуждахъ относился къ нему съ довѣріемъ, былъ „надеженъ во всемъ... на царское милосердіе“.

Говоря это, мы далеки отъ того, чтобы идеализировать царствованіе Михаила и представлять себѣ государство въ его время благоустроеннымъ, обезпечивающимъ законность. Послѣ такого серьезнаго потрясенія, какъ смута, государство не могло быстро оправиться, и при Михаилѣ въ особенности еще чувствовались послѣдствія пережитой анархіи. Мы указываемъ лишь на условія, благопріятствовавшія установленію въ странѣ закономѣрнаго порядка. Такой порядокъ еще не установился, но теченіе государственной жизни пошло въ томъ именно направленіи, которое скорѣе и вѣрнѣе всего обѣщало его установленіе.

3.

Когда правительство и народъ идутъ рука объ руку, дѣйствуютъ согласно, то значитъ у нихъ одна цѣль, одни желанія, и они одинаково заинтересованы въ сустствующемъ порядкѣ. Въ такомъ случаѣ, не можетъ быть нарушенія закона, развѣ только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Законъ регулируетъ взаимныя отношенія правительства и населенія, опредѣляетъ форму государственной жизни, служитъ опорой государственнаго порядка. Но разъ обѣ стороны, правительство и народъ, заинтересованы въ сохраненіи существующаго порядка, сами его

создали, сами его поддерживають, то какой смыслъ нарушать обезпечивающіе его законы.

Россія начала XVII вѣка находилась какъ разъ въ такихъ рѣдкихъ, счастливыхъ условіяхъ. Обстоятельства, при которыхъ произошло возстановленіе государственнаго порядка послѣ смуты, привели правительство и народъ къ совмѣстной и солидарной дѣятельности.

Съ избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича и возстановленіемъ законнаго порядка, власть оказалась въ рукахъ царя и народныхъ представителей въ лицѣ земскаго собора, которые и составляли единственное правительство страны. Другого правительства помимо царя и собора не было, оно еще только подготовлялось. Но кто такой былъ царь, первый Романовъ? Онъ былъ избранникъ народа, выборный земли, т. е. имѣлъ источникъ своей власти въ избраніи народомъ, такъ же, какъ и его соправитель, земскій соборъ. Стало-быть, обѣ составныя части правительства были выборныя, и правительство въ своемъ цѣломъ являлось народнымъ не въ отвлеченномъ, а въ самомъ подлинномъ, реальномъ смыслѣ этого слова. Уже одного этого условія было достаточно, чтобы завязать связь между государственной властью и народомъ, установить между ними солидарность и взаимное довѣріе. Народная власть не можетъ не пользоваться довѣріемъ народа и не можетъ дѣйствовать не согласно съ народомъ.

Тутъ же оказались еще другія условія, способствовавшія укрѣпленію связи между правительствомъ и народомъ.

Царь былъ избранъ, по выраженію проф. Платонова, „не отъ королей и князей, а отъ бояръ". „Соборъ избралъ своего царя изъ такого рода, который въ серединѣ XVI вѣка боярами-князьями назывался иногда

„рабскимъ“, но который въ то же время почитался стариннымъ „великимъ“ московскимъ „родомъ“. Однимъ словомъ, выборъ палъ на представителя, хотя и древней, но не знатной фамиліи, принадлежавшей къ среднимъ слоямъ населенія, къ которымъ принадлежало большинство и представителей земскаго собора—избирательнаго и послѣдующихъ соборовъ XVII вѣка. Стало-быть, царь и соборы были, такъ сказать, одного соціальнаго происхожденія.

Наконецъ, они были также и одного политическаго происхожденія. Ихъ выдвинулъ одинъ и тотъ же политическій моментъ—смута, и обстоятельствами времени на нихъ была возложена одна и та же государственная задача—умиротвореніе и устроеніе земли послѣ смуты. Такое соціально-политическое родство двухъ представителей государственной власти, царя и земскаго собора, естественно вело къ дружной и солидарной ихъ правительственной дѣятельности, которая въ силу приведенныхъ выше соображеній не могла не встрѣтить себѣ отклика и поддержки также въ средѣ населенія.

„Созданная средними слоями населенія на ихъ земскомъ соборѣ и даже въ отсутствіе бояръ седьмочисленной думы, *) новая династія была тѣсно связана съ избравшею ее средою и дѣйствовала съ ея постоянною поддержкой. Царь и земскій соборъ составляли единое и вполнѣ согласное правительство, главною заботою котораго было поддержать и укрѣпить возстановленный государственный порядокъ. Обѣ силы дорожили одна другою: соборъ былъ единственною опорой власти, дѣйствовавшей въ разстроенномъ государствѣ, а царь

*) Временное правительство изъ семи бояръ, образовавшееся послѣ низложенія царя Василія Шуйскаго.

былъ внѣшнимъ символомъ народной независимости и порядка. Не соборъ стремился раздѣлить съ властью ея прерогативы, а царь желалъ раздѣлить съ соборомъ тяжелое бремя управленія и отвѣтственность за возможныя неудачи. Къ полной солидарности власть и ея совѣтъ приводились сознаніемъ общей пользы и взаимной зависимости. Поэтому политика правительства царя Михаила совпадала съ стремленіями земскаго собора, служившаго органомъ господствующихъ въ странѣ классовъ“ (Платоновъ).

Сохраненіе на болѣе или менѣе продолжительное время такихъ взаимныхъ отношеній между царемъ и соборомъ—и вообще между народомъ и государственною властью—обѣщало умиротвореніе страны и установленіе закономѣрнаго порядка, потребность въ которомъ такъ остро чувствовалась всѣми классами населенія. Во всякомъ случаѣ, для достиженія такого порядка было на лицо очень важное условіе—солидарность правительства и народа, общность ихъ интересовъ.

Къ сожалѣнію новая форма правленія просуществовала недолго. Она разрушилась раньше, чѣмъ выполнила возложенную на нее исторіей задачу.

Изъ цѣпи, соединявшей правительство съ народомъ, выпало главное звено—земскій соборъ,—и цѣпь порвалась.

Дѣло въ томъ, что постепенно поднялась затерявшаяся во время смуты „опричнина“ и окружила новаго царя плотнымъ кольцомъ. При Михаилѣ она еще не успѣла занять прочнаго положенія и пріобрѣсти большого вліянія на дѣла. Она еще только дѣлала попытки вернуть себѣ прежнюю власть. Но уже и въ это царствованіе видимъ около царя могущественнаго совѣтника и руководителя въ лицѣ патріарха Филарета, отца Михаила. Современники приписывали ему большое вліяніе

на сына и вмѣшательно въ политику. А вслѣдъ за современниками и изслѣдователи того времени говорятъ о вліяніи Филарета на ходъ внутренней политики въ смыслѣ возвращенія ея къ единодержавію и устраненію или, по крайней мѣрѣ, сокращенію участія народа въ управленіи. Такъ, перерывъ въ дѣятельности земскихъ соборовъ и какъ бы упадокъ земской соборной практики во вторую половину царствованія Михаила нѣкоторые историки склонны приписывать совѣтамъ Филарета, который какъ разъ къ этому времени вернулся изъ польскаго плѣна. Извѣстно также, что Филаретъ писался на царскихъ грамотахъ рядомъ съ сыномъ „государемъ", и на дѣлѣ такимъ образомъ вмѣсто монархіи было нѣчто въ родѣ дуархіи, какъ потомъ—при царѣ Алексѣѣ и патріархѣ Никонѣ одно время.

Насколько дѣйствительно Филаретъ повиненъ въ поворотѣ внутренней политики въ указанномъ направленіи, трудно рѣшить за неимѣніемъ прямыхъ указаній, но вліяніе его на дѣла, притомъ огромное, стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія. Внѣ сомнѣнія находится и фактъ упадка земскихъ соборовъ во вторую половину царствованія Михаила и при его преемникѣ. Государство, сдвинутое событіями смутнаго времени съ стараго основанія, заложеннаго московскими князьями-собирателями, начинало становиться опять на него, и въ царствованіе преемника Михаила, наконецъ, стало, съ тѣмъ, чтобы больше уже не сходить съ него вплоть до послѣдняго времени. Земскіе соборы прекратили свое существованіе, голосъ земли умолкъ, онъ доходилъ до престола въ видѣ исключенія и въ нарушеніе закона, такъ какъ Уложеніемъ царя Алексѣя была воспрещена подача народныхъ челобитенъ. Непосредственное общеніе верховной власти съ народомъ прекратилось. Между народомъ и царемъ поднялось

пресловутое средостѣніе, отнынѣ раздѣлившее ихъ на долгія времена.

Сѣмена, брошенныя царемъ Иваномъ IV, такимъ образомъ не вывѣтрились въ смутное время, дожили до болѣе спокойнаго времени и подъ шумокъ взошли обильнымъ всходомъ. Приказный строй, заложенный при Иванѣ IV и разрушенный смутой къ половинѣ XVII вѣка, не только былъ возстановленъ, но и достигъ своего наибольшаго развитія.

Для того, чтобы понять, какимъ образомъ это произошло, почему царь оказался не вмѣстѣ съ избранниками народа, съ которыми у него было такъ много точекъ соприкосновенія, а съ людьми изъ придворнаго, правительственнаго круга, надо нѣсколько ближе познакомиться съ послѣдними, узнать ихъ прошлое, настоящее и ихъ взаимныя отношенія съ царемъ.

4.

Правительственный кругъ около первыхъ Романовыхъ началъ складываться довольно рано, тотчасъ же послѣ избранія на царство Михаила, и къ пріѣзду Филарета изъ польскаго плѣна уже получилъ нѣкоторое значеніе. Въ составъ его вошло, такъ сказать, нѣсколько элементовъ.

Прежде всего царь Михаилъ, по словамъ проф. Платонова, „оставилъ у дѣлъ всѣхъ тѣхъ, кого застало на мѣстахъ его избраніе“, т. е. всѣхъ, засѣдавшихъ въ приказахъ, образовавшихся во время московской осады, въ лагерѣ и уцѣлѣвшихъ къ моменту избранія Михаила. Таковы были дьякъ Телепневъ, Шапиловъ, Третьяковъ, Сыдавный, Васильевъ, Иванъ Болотниковъ и др. Эти люди, сдѣлавшіе свою карьеру въ смутное время и благополучно пережившіе всѣ превратности бурной эпохи, и составили первый элементъ въ правительственномъ кругу

новаго царя. Вторымъ элементомъ были „близкіе люди" царя, „довѣренные дѣльцы", на которыхъ царь могъ положиться, какъ на людей хорошо ему извѣстныхъ, связанныхъ съ нимъ давними симпатіями. Сюда относятся, напримѣръ, кн. Лобановъ-Ростовскій, Михалковъ, Траханіотовъ и др. Затѣмъ идетъ уже родня Михаила,—различные „зятья", „племянники", „шурья" — крупная и мелкая: Шереметевъ, кн. Лыковъ, Оболенскій, кн. Черкасскій, Троекуровъ, кн. Котыревъ-Ростовскій, Сицкіе, Головины, Салтыковы, Морозовы и др.

Какъ видимъ, составъ круга былъ довольно разнообразенъ. Но почти у всѣхъ у нихъ было общее прошлое, которое и объединяло ихъ въ одно цѣлое. Это—связь съ Тушиномъ. *) Ядро романовскаго круга составляли „тушинцы", т. е. люди, служившіе „вору", второму самозванцу, и они сообщали одинъ, такъ сказать, колоритъ всей этой компаніи, собравшейся около первыхъ Романовыхъ.

Такъ какъ съ воцареніемъ Романовыхъ „тушинцы" получили правительственное значеніе, то намъ слѣдуетъ остановиться нѣсколько долѣе на этомъ своеобразномъ типѣ политическихъ дѣятелей начала XVII вѣка. Политическую и нравственную физіономію „тушинцевъ" очень хорошо и мѣтко опредѣлили еще современники, назвавъ ихъ „перелетами". Дѣйствительно, эти люди легко перелетали съ мѣста на мѣсто, быстро мѣняли своихъ „господъ", измѣняли однимъ и шли къ другимъ. Они измѣнили Шуйскому ради „вора", „вору" ради Сигизмунда, а когда провалилась кандидатура польскаго королевича Владислава, они пришли въ Москву и стали служить Ро-

*) Подмосковное село, гдѣ засѣлъ второй самозванецъ, „воръ", какъ его называли тогда, и откуда дѣйствовалъ противъ Москвы.

мановымъ. Въ видѣ примѣра можно привести знаменитыхъ дьяковъ того времени Третьякова и Грамотина.

„Оба они, по словамъ Платонова, повидимому, выдавались своими способностями и своимъ умѣньемъ мѣнять господъ“. Въ частности Третьяковъ „служилъ еще первому самозванцу и при Шуйскомъ, какъ указалъ Н. П. Лихачевъ, былъ разжалованъ изъ дьяковъ въ подъячіе. Отъ Шуйскаго онъ первымъ подъячимъ Посольскаго приказа перебѣжалъ въ Тушино и тамъ сталъ думнымъ дьякомъ. Вора онъ оставилъ поздно, въ 1610 году, и тѣмъ не менѣе во временномъ правительствѣ 1612—1613 годовъ умѣлъ стать первымъ дьякомъ, хотя и потерялъ тамъ титулъ „думнаго“. Вторично онъ его получилъ 12 іюля 1613 года отъ царя Михаила“. Свое высокое и вліятельное положеніе Третьяковъ сохранилъ до самой смерти.

Иванъ Грамотинъ, по словамъ Платонова, „пріобрѣлъ еще большую извѣстность, чѣмъ Третьяковъ“. Онъ началъ подъячимъ Посольскаго приказа въ концѣ XVI вѣка. „Первый самозванецъ сдѣлалъ его думнымъ дьякомъ, а Шуйскій сослалъ его дьякомъ въ Псковъ, откуда Грамотинъ началъ свои похожденія, уйдя въ Тушино. Изъ Тушина явился къ Сигизмунду, отъ Сигизмунда пріѣхалъ дьякомъ въ Посольскій приказъ въ Москву, изъ Москвы во́-время выѣхалъ опять къ королю, у котораго и оставался въ первое время власти Романовыхъ“. „А въ 1618 году онъ уже вѣдаетъ Посольскій приказъ въ Москвѣ“.

Такимъ образомъ, въ составъ разсматриваемаго нами правительственнаго круга вошли люди близкіе дому Романовыхъ или по крови, по родству, или по прежнимъ дѣловымъ и дружественнымъ связямъ. Приближеніе ко двору родственниковъ и возложеніе на нихъ правитель-

ственныхъ обязанностей не нуждается въ особыхъ объясненіяхъ, оно понятно само по себѣ. Но почему такая же честь и вниманіе были оказапы не родственникамъ, притомъ людямъ съ такой завѣдомо плохой репутаціей, какъ „тушинцы"? Что это за прежнія связи Романовыхъ съ этими людьми, обязывавшія къ приближенію ихъ къ себѣ? Этотъ вопросъ приводитъ насъ къ весьма любопытному паблюденію надъ самими Романовыми. Оказывается, Романовы сами были очень близки къ Тушину.

„Если бы младшій братъ Филарета Ив. Н. Романовъ,—говоритъ проф. Платоновъ,—не сидѣлъ все это время (смуты) въ Москвѣ съ царемъ Василіемъ, мы рѣшились бы сказать, что Романовы вообще всѣ склонились къ Вору, волею или неволею оставивъ Шуйскаго". Въ Тушинѣ они заняли видныя мѣста и образовали сплоченный кружокъ съ „патріахомъ" Филаретомъ во главѣ. Они же первые выдвинули кандидатуру Владислава. Эта близость Романовыхъ къ Тушину и заставила ихъ снисходительно относиться къ эластичности убѣжденій тушинцевъ.

Итакъ, Романовы еще до воцаренія были связаны тѣсными узами родства или давней дружбы, дѣловыми отношеніями и общими політическими воспоминаніями съ тѣми людьми, которые потомъ вошли въ составъ правительства, и составляли съ ними одинъ общій интимный кружокъ. Само собою разумѣется, что съ воцареніемъ Романовыхъ значеніе кружка должно было подняться, а отдѣльные члены его должны были получить вліятельное положеніе. Счастье, въ видѣ избранія на царство, выпавшее на долю одного изъ членовъ кружка, понятно, не могло не распространиться и на остальныхъ его членовъ. Занявъ россійскій престолъ, Михаилъ Ѳе-

доровичъ долженъ былъ дать участіе въ благахъ, соединенныхъ съ этимъ высокимъ положеніемъ, и прочимъ членамъ своего кружка. Въ дѣйствительности онъ такъ именно и поступилъ.

Большинство членовъ романовскаго кружка по своему соціальному и экономическому положенію стояли довольно низко. Это все были такъ называемые „обычные людишки“. Со вступленіемъ же на престолъ Михаила, ихъ соціально-экономическое положеніе сразу мѣняется. Они вытѣсняютъ изъ правительственныхъ сферъ представителей „княженецкихъ родовъ“, княжескаго боярства и пріобрѣтаютъ совершенно исключительное служебное и матеріальное положеніе, вообще дѣлаютъ блестящую карьеру и изъ „обычныхъ людишекъ“ уже превращаются въ „сильныхъ людей“. Связь членовъ кружка съ Тушиномъ и плохая репутація, установившаяся за „тушинцами“, въ данномъ случаѣ не только не помѣшала имъ, но наоборотъ, благодаря близости Романовыхъ къ Тушину, даже помогла. По словамъ Платонова, „новая московская власть не только не брезговала услугами бывшихъ „воровъ“, но охотно двигала ихъ въ первые ряды своихъ сотрудниковъ по управленію какъ внутренними дѣлами, такъ и внѣшнею политикою государства“.

Въ то же время увеличилось и матеріальное благополучіе членовъ кружка.

„Эта новая знать, —говоритъ проф. Платоновъ,—овладѣваетъ не только дѣловымъ вліяніемъ и преимуществами служебной карьеры, но и большимъ матеріальнымъ достаткомъ. За время Михаила Ѳедоровича представители новаго правящаго класса успѣли стяжать себѣ крупныя состоянія и по количеству своихъ земельныхъ владѣній опередили княженецкіе роды“ (т. е. роды прежнихъ бояръ). „Первыя мѣста по земельному богатству въ се-

рединѣ XVII столѣтія принадлежали Н. И. Романову, Морозовымъ, кн. Черкасскому, Шереметевымъ, кн. Одоевскимъ, Салтыковымъ, Стрѣшневымъ, кн. Львовымъ,— словомъ, тѣмъ семьямъ, которыя прежде были или вновь стали близкими къ царю Михаилу и его роду". Родовитая, старая знать тутъ едва замѣтна, она разлагалась. „Зато начали формироваться земельныя богатства такихъ „обычныхъ людишекъ", какими ранѣе были дьяки: въ росписи 7155 года между крупнѣйшими собственниками наравнѣ съ княжатами значатся дьяки И. Гавриловъ, М. Даниловъ, Ѳ. Елизаровъ, Н. Чистой и другіе подобные. Повидимому, названнымъ дьякамъ не только не уступали въ богатствѣ, но еще превосходили ихъ знакомые намъ дьяки Т. Луговской, Ѳ. Лихачевъ, И. Грамотинъ и Е. Телепневъ: изъ одного разметнаго (окладного) списка 7141 года видно, что въ свое время они были богатѣйшими въ своемъ чину".

Такое исключительное служебно-матеріальное положеніе, доставленное членамъ кружка царемъ, еще туже и крѣпче затягивало ихъ взаимныя связи, не только въ настоящемъ, но и въ будущемъ. Обязанные всѣмъ своимъ благополучіемъ царю и завися всецѣло отъ его милости, расположенія, они по необходимости искали себѣ опоры и защиты въ царѣ. Царь же въ свою очередь въ этихъ близкихъ, облагодѣтельствованныхъ имъ людяхъ получалъ естественную для себя и своей династіи поддержку, опору своего престола,—не потому, чтобы люди, вышедшіе изъ Тушина, способны были къ признательности и исполненію нравственнаго долга, а именно изъ соображеній выгоды, общности интересовъ у нихъ и у царя новой династіи.

Дружественный союзъ, заключенный въ Тушинѣ, теперь получилъ самую прочную опору—служебно-ма-

теріальную, и отнынѣ судьбы династіи и его вѣрныхъ слугъ, представителей правящаго класса, выросшаго изъ небольшого вначалѣ романовскаго кружка, сопряжены вмѣстѣ, составили одно неразрывное цѣлое.

Вотъ какой правительственный кругъ образовался около первыхъ Романовыхъ. Въ его лицѣ на сцену выступила новая политическая сила и стала оспаривать у народныхъ представителей вліяніе на ходъ управленія и стремиться къ занятію того мѣста, которое занимали избранники народа около царя, къ захвату власти, въ качествѣ правительства, самодовлѣющаго правительственнаго класса. И волею судебъ царь оказался, такъ сказать, между двумя конкурирующими силами: этой придворной, приказной и другой—народной, представленной земскими соборами, изъ которыхъ ему надо было сдѣлать выборъ или какъ-либо комбинировать ихъ. Но чѣмъ руководствоваться въ рѣшеніи такой трудной задачи?

На сторонѣ одной силы,—первой была традиція холопской службы, рабской преданности царю и его интересамъ, идущая отъ опричнины Грознаго, духовной родоначальницы новаго правительственнаго круга, солидарность интересовъ ея и династіи, общая выгода и отсюда естественная опора для престола, для династіи. На сторонѣ другой—народной,—традиція раздѣленія власти, совсѣмъ еще недавнія поползновенія ограничить царскую власть, служеніе народнымъ интересамъ предпочтительно предъ другими, чувствующееся уже разобщеніе и противоположность интересовъ, опора скорѣе государственной власти, чѣмъ данной династіи.

Судьба земскихъ соборовъ показала, куда склонились Романовы, въ чью пользу они рѣшили споръ между народомъ и новообразовавшейся бюрократіей и по какимъ соображеніямъ.

5.

Прямыхъ указаній на то, что земскіе соборы прекратили свое существованіе по винѣ новаго правящаго класса нѣтъ, но тѣмъ не менѣе сомнѣваться въ этомъ не приходится.

Прекращеніе соборной дѣятельности логически, съ внутренней необходимостью, вытекало изъ факта возникновенія около Романовыхъ извѣстнаго уже намъ кружка. Кромѣ того, нѣкоторыя данныя указываютъ на иниціативу прекращенія созыва соборовъ, исходившую отъ членовъ этого кружка.

Земскіе соборы держались союзомъ, тѣсной связью представителей народа и царя, обусловливавшейся общностью интересовъ и государственныхъ задачъ первыхъ и второго. Но такая политическая комбинація могла существовать до тѣхъ поръ, пока не было другого правительства кромѣ соборовъ и царя, избранниковъ народа, т.-е. не было отдѣльнаго отъ народа, не народнаго правительства. Появленіе подобнаго правительства непремѣнно должно было разстроить описанную комбинацію. Такъ именно и случилось.

Въ лицѣ романовскаго кружка на русскомъ политическомъ горизонтѣ явилось новое правительство, не только не народное, но даже противонародное.

Земскіе соборы были несомнѣнно народнымъ учрежденіемъ. Хотя господствующее положеніе на соборахъ занимали представители среднихъ классовъ, но, во-первыхъ, средніе классы охватывали собой широкіе слои населенія, во-вторыхъ, въ составъ соборовъ входили представители всѣхъ классовъ, и наконецъ, въ цѣломъ они преслѣдовали общенародные интересы. И, входя въ составъ правительства, земскіе соборы такимъ образомъ

вносили въ него народный элементъ, дѣлали его близкимъ народу, народнымъ.

Романовскій кружокъ состоялъ изъ представителей новой знати, „знати дворца и приказа“, людей, совершенно оторванныхъ отъ народа и замкнувшихся въ кругъ своихъ, такъ сказать, корпоративныхъ, классовыхъ интересовъ. Здѣсь, правда, были и представители среднихъ классовъ, „обычные людишки“, но они въ разсматриваемое время находились на верху общественной лѣстницы, обладали вліятельнымъ служебнымъ положеніемъ и располагали крупнымъ матеріальнымъ достаткомъ. Они порвали съ своимъ прошлымъ, были чужды и низу и срединѣ общества и тянули вмѣстѣ съ остальными людьми своего круга. Новая знать всѣмъ была обязана царю, его милости и естественно тянула въ сторону интересовъ двора, династіи, а не народа.

Получивъ правительственное значеніе, романовскій кружокъ, естественно, перенесъ корпоративный духъ, свои чуждые народу интересы и въ эту сферу и тѣмъ самымъ провелъ рѣзкую грань между интересами народа и правительства, сдѣлалъ ихъ противоположными. Какъ далеко шла противоположность между интересами народа и новаго правительства, это видно хотя бы изъ тѣхъ заявленій, жалобъ, которыя раздавались на земскихъ соборахъ половины XVII вѣка.

„Твои государевы дьяки и подьячіе, — заявляли народные представители царю, — пожалованы твоимъ государевымъ денежнымъ жалованьемъ и помѣстьями и вотчинами и, будучи безпрестанно у твоихъ государевыхъ дѣлъ и обогатѣвъ многимъ богатствомъ, неправеднымъ своимъ мздоимствомъ, и покупили многія вотчины и домы свои состроили многіе, палаты каменныя такія, что неудобъ сказаемыя: блаженныя памяти при прежнихъ государяхъ

и у великородныхъ людей такихъ домовъ не бывало, кому было достойно въ такихъ домахъ жити".

Такимъ образомъ, достаточно было одного возникновенія кружка близкихъ къ царю людей и полученія ими правительственнаго значенія, чтобы разрушить союзъ царя съ народными представителями и подкопать почву подъ земскими соборами. Но „романовцы" кромѣ того сдѣлали и спеціальные шаги къ прекращенію созыва соборовъ, такъ какъ это учрежденіе служило оплотомъ порядка, несогласнаго съ интересами правящаго класса, конкурировало съ нимъ во вліяніи на политику.

Рѣшающимъ факторомъ для разрушенія союза царя и соборовъ послужили событія 1648—50 годовъ, т. е. народные мятежи, вызванные правительственными пріемами новаго правительства. По словамъ проф. Платонова, „смутное время 1648—1650 годовъ развело до тѣхъ поръ дружныя политическія силы, т. е. власть и соборы, и заставило власть искать дальнѣйшей опоры не въ соборахъ, а въ собственныхъ исполнительныхъ органахъ: началась бюрократизація управленія и на мѣсто соборнаго начала выдвинуто было приказное".

Ближайшимъ же поводомъ къ открытію, такъ сказать, кампаніи противъ земскихъ соборовъ, оказался соборъ 1648 года, созванный для составленія новаго Уложенія. Соборъ этотъ вообще обнаружилъ демократическую тенденцію, не отвѣчавшую интересамъ правящаго класса. Онъ хотѣлъ провести начало равенства предъ закономъ и властью и включилъ дѣйствительно въ Уложеніе требованіе, „чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ отъ большого и до меньшаго чина судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ *всѣмъ равна*". Кромѣ того, онъ провелъ рядъ мѣръ, направленныхъ противъ злоупотребленій властей и противъ привилегій крупнаго

землевладѣнія, т. е. посягнулъ на наиболѣе чувствительные и близкіе интересы правящаго класса.

Соборомъ былъ недоволенъ и низъ общества. Въ частности, напримѣръ, „закладники“ *) были недовольны запрещеніемъ закладничества и грозили открытымъ возстаніемъ. Но насъ въ настоящую минуту интересуетъ отношеніе къ собору верха, а не низа общества.

Само собою разумѣется, такія постановленія собора должны были вызвать цѣлую бурю негодованія въ правящихъ кругахъ и привести къ рѣшительнымъ шагамъ съ ихъ стороны для уничтоженія столь вреднаго для нихъ учрежденія.

Выразителемъ такого недовольства, негодованія правящаго класса явился патріархъ Никонъ. Въ немъ заговорилъ не только интересъ церкви, представителемъ которой онъ былъ, но и интересъ свѣтской власти, на которую Никонъ претендовалъ и которой, какъ извѣстно, добился, ставъ рядомъ съ царемъ Алексѣемъ. Этотъ временщикъ въ рясѣ XVII вѣка ополчился и противъ Уложенія и противъ собора.

Въ извѣстномъ письмѣ къ восточнымъ патріархамъ Никонъ далъ самый суровый отзывъ объ Уложеніи.

„Написана книга (Уложеніе),—писалъ онъ,—св. Евангелію, правиламъ св. Апостолъ, св. Отецъ и законамъ греческихъ царей во всемъ противная, почитаютъ ее больше Евангелія; въ ней-то въ 13 главѣ уложено о

---

*) Такъ назывались экономически и юридически слабые люди, которые, будучи не въ состояніи вести самостоятельной борьбы за существованіе, становились подъ защиту людей экономически и юридически сильныхъ, или, какъ тогда говорили, „закладывались“ за нихъ. Уложеніе царя Алексѣя отняло у населенія право закладничества, потому что „закладники“, укрывшись за спину своихъ покровителей, не несли никакихъ государственныхъ повинностей и тѣмъ самымъ причиняли ущербъ государству.

Монастырскомъ Приказѣ (главный предметъ ненависти и раздраженія патріарха); другихъ беззаконій, написанныхъ въ этой книгѣ, не могу описать—такъ ихъ много! Много разъ я говорилъ царскому величеству объ этой проклятой книгѣ, чтобъ ее искоренить, но кромѣ уничиженія ничего не получилъ“.

„Въ большой запискѣ онъ доказывалъ, что первоначальныя намѣренія государя заключались въ томъ, чтобы просто собрать старые законы „ни въ чемъ же отмѣнно“ и преподать ихъ свѣтскому обществу, а не патріарху и не церковнымъ людямъ. Обманомъ же „ложнаго законодавца“ Одоевскаго (предсѣдателя законодательной коммиссии по выработкѣ новаго Уложенія) и междоусобіемъ отъ всѣхъ черныхъ людей вышелъ „указъ тотъ же патріарху со стрѣльцомъ и съ мужикомъ“ и были допущены вопіющія нарушенія имущественныхъ и судебныхъ льготъ духовенства въ новыхъ законахъ, испрошенныхъ земскими людьми“. (Платоновъ).

По мнѣнію Никона, самое составленіе Уложенія было не добровольнымъ актомъ царя, а вынужденнымъ: царь уступилъ требованіямъ черни. „И то всѣмъ вѣдомо,—говорилъ онъ,—что соборъ (для составленія Уложенія) былъ не по воли, боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей, а не истинныя правды ради“.

„Такъ, съ ясностью обнаруживается, что созванный для усмиренія соборъ 1648 г. повелъ къ разладу и неудовольствіямъ въ московскомъ обществѣ. Достигшіе своей цѣли, соборные представители провинціальнаго общества возстановили противъ себя сильныхъ людей и крѣпостную массу. Если послѣдняя, не мирясь съ прикрѣпленіемъ къ тяглу и къ помѣщику, стала протестовать „гилемъ“ (т. е. безпорядками) и выходомъ на Донъ, подготовляя

тамъ Разиновщину, то общественная вершина избрала легальный путь дѣйствій и привела правительство къ полному прекращенію земскихъ соборовъ“ (Платоновъ).

Проф. Платоновъ находитъ возможнымъ указать даже опредѣленнаго виновника прекращенія созыва соборовъ, именно патріарха Никона.

„Временщикъ и іерархъ въ одно и то же время, Никонъ не только пасъ церковь, но вѣдалъ и все государство. При его то власти пришелъ конецъ земскимъ соборамъ“.

Намъ однако представляется безразличнымъ для существа дѣла, кто именно далъ послѣдній совѣтъ царю не созывать земскихъ соборовъ или, пользуясь своимъ вліяніемъ, наложилъ на нихъ руку—Никонъ или кто-либо другой. Важно, что въ гибели этого учрежденія принималъ дѣятельное участіе правящій классъ и что царь, когда ходъ событій поставилъ передъ нимъ ребромъ вопросъ, быть или не быть соборамъ, дѣлить ли ему власть съ своимъ кругомъ или народными представителями, рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу правящаго класса, а не представителей земли. Интересы правящаго класса оказались для царя ближе и предпочтительнѣй интересовъ народа, и онъ, поддаваясь совѣтамъ своихъ соправителей, склонился на ихъ сторону.

На этотъ разъ, впрочемъ, старанія правящаго класса не увѣнчались успѣхомъ. Мѣры, предложенныя соборомъ 1648 года, вошли въ Уложеніе и стали закономъ. Но судьба земскихъ соборовъ были уже рѣшена. Созванные три раза послѣ 1648 года они прекратили затѣмъ свое существованіе.

Что царь въ этомъ случаѣ руководился не народными интересами, это лучше всего показываетъ одинъ фактъ, имѣвшій мѣсто лѣтъ десять спустя послѣ послѣдняго земскаго собора.

Въ 1662 году правительство запросило московскихъ торговыхъ людей о причинахъ наступившей тогда дороговизны. Торговые люди на это отвѣтили:

„А о семъ великаго государя милости просимъ, чтобы великій государь изволилъ взять сказки у городовыхъ земскихъ людей, что то дѣло всего его великаго государства“, т. е. чтобы былъ созванъ земскій соборъ, такъ какъ вопросъ, предложенный на ихъ разсмотрѣніе, касается всего государства и потому находится внѣ ихъ компетенціи.

Однако великій государь не смилостивился и не созвалъ земскаго собора.

Иными словами, царь поступилъ вопреки общественному мнѣнію и интересамъ народа, поскольку о томъ и другомъ можно судить по отвѣту торговыхъ людей. Представители народа находили для рѣшенія вопросовъ, касающихся всего государства, безусловно необходимымъ созывъ собора. Царь же этого не думалъ, былъ другого мнѣнія. Такъ далеко разошлись эти когда-то близкія другъ другу и солидарныя между собой политическія силы, такъ измѣнились времена.

Отсюда ясно, что прекращеніе созыва земскихъ соборовъ означало рѣшительный разрывъ царя съ народомъ и переходъ его на сторону новаго, правящаго класса. Посмотримъ теперь, какъ использовалъ свое вліятельное положеніе правящій классъ и какъ перемѣна правительственнаго курса отразилась на интересахъ народа, со стороны законности.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Практика приказного управленія. Дѣятельность представителей правящаго класса въ центрѣ. Временщики XVII вѣка (Милославскіе, Морозовъ, Никонъ). Проектъ ограниченія самодержавія 1682 года. Приказное дѣлопроизводство и нѣкоторыя бытовыя черты его. Дьяки: Третьяковъ, Грамотинъ и Плещеевъ. Областное управленіе Воеводы и характеристика воеводскаго управленія. Состояніе Россіи XVII вѣка со стороны законности. Народные мятежи и народная эмиграція. Политическіе мотивы мятежей и эмиграціи. Борьба съ приказными людьми, какъ цѣль мятежей. Мятежи 1648 года и мятежъ Стеньки Разина, какъ типичные примѣры такой борьбы. Перемѣна во взаимныхъ отношеніяхъ царя и народа послѣ перехода власти къ правящему классу. Царь и народъ во время мятежей 1648 и 1662 годовъ. Политическій кризисъ вслѣдствіе разстройства взаимныхъ отношеній между властью и народомъ. Земскій соборъ 1648 года и составленіе Уложенія въ цѣляхъ разрѣшенія названнаго кризиса и установленія закономѣрнаго порядка. Недостатки Уложенія, обусловившіе неспособность его провести начало законности въ управленіе. Соціально-политическія условія жизни русскаго народа XVII в., какъ главное препятствіе къ установленію закономѣрнаго порядка. Характеристика приказной системы управленія съ точки зрѣнія законности. Несостоятельность этой системы въ дѣлѣ обезпеченія законности. Крѣпостное состояніе народа, какъ условіе, неблагопріятное для законности. Отношеніе Уложенія къ соціально-политическимъ условіямъ жизни русскаго народа въ XVII вѣкѣ. Характеристика этого законодательнаго памятника. Заключеніе.

1.

Сферу своей дѣятельности представители новаго правительственнаго класса распредѣлили между центромъ и провинціей. Въ центрѣ они засѣли по приказамъ, кто начальникомъ приказа, кто дьякомъ или подъячимъ, а въ провинціи устроились въ качествѣ воеводъ — должности, получившей къ этому времени повсемѣстное распространеніе.

Наиболѣе видные изъ представителей правящаго класса, впрочемъ, получили вліяніе на ходъ управленія помимо всякихъ учрежденій, благодаря исключительно своей близости къ царю. Тѣснымъ и мрачнымъ помѣщеніямъ московскихъ приказовъ они предпочитали болѣе просторныя и свѣтлыя дворцовыя палаты. И здѣсь около царя они забрали такую силу, что царь передъ ними отступилъ на задній планъ. Это чувствовалось уже при Михаилѣ Ѳедоровичѣ. По словамъ одного современника, этому „благочестивому и праведному царю, смиренія его ради, не безъ мятежа сотворилъ державу дьяволъ, опять возвысивъ владущихъ“ (такъ онъ называетъ представителей правящаго класса), т. е. царствованіе Михаила вслѣдствіе возвышенія „сильныхъ“ людей не обошлось безъ осложненій, безъ волненій. „Опять стали они („владущіе“),—продолжаетъ тотъ же современникъ,—насиловать православныхъ, беря ихъ въ работу себѣ“. Далѣе онъ разъясняетъ, въ чемъ состояли эти насилія: „люди, оставшіеся въ живыхъ (послѣ смуты), начали собираться къ городамъ, выходя изъ плѣна литовскаго; но эти окаянные, какъ волки, забирали ихъ къ себѣ, позабывши прежнее свое наказаніе, какъ отъ своихъ рабовъ разорены были (во время смуты), опять на тоже устремились, а царя ни во что вмѣнили и не боялись его, потому что былъ молодъ“. То же впечатлѣніе осталось и у сторонняго наблюдателя московскихъ порядковъ, иностранца Массы, который въ своемъ дѣловомъ письмѣ на родину отмѣчаетъ своеволіе „сильныхъ людей“ и совершенную пассивность царя. „Его Величество,—писалъ Масса,—не только терпѣлъ хладнокровно, что дѣлалось въ разныхъ областяхъ государства, но смотрѣлъ сквозь пальцы и на дѣйствія придворныхъ и прочихъ служителей съ великою кротостью до возвращенія родителя своего,

которому онъ намѣренъ былъ ввѣрить управленіе цѣлымъ государствомъ, какъ мужу, который одинъ былъ въ состояніи поддержать достоинство великокняжеское". Пріѣхавшій изъ плѣна Филаретъ дѣйствительно наложилъ узду на расходившихся представителей власти и между прочимъ отправилъ въ ссылку извѣстнаго дьяка Грамотина. Но, унявъ другихъ, онъ самъ подчинилъ себѣ всецѣло сына и, принявъ титулъ „государя", захватилъ въ свои руки всю власть, сдѣлался едва ли не единственнымъ распорядителемъ судебъ Россіи. При сынѣ же Михаила, Алексѣѣ Михайловичѣ придворная камарилья XVII вѣка получила еще большее вліяніе. Если Алексѣй Михайловичъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Никону счелъ нужнымъ сообщить, что „слово мое теперь во дворцѣ добре страшно и дѣлается безъ замедленья", то, стало-быть, до сего времени его „слово" мало значило и вообще престижъ его власти стоялъ низко. И дѣйствительно, въ это царствованіе одни временщики смѣняютъ другихъ. Назовемъ всѣмъ извѣстныя имена Милославскихъ, Морозова, Никона. Вольно это было или невольно, но во всякомъ случаѣ, царь совершенно отдалъ въ ихъ распоряженіе русское государство.

„Государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго,—говорили въ народѣ про царя Алексѣя,—они всѣмъ владѣютъ, и самъ государь все это знаетъ, да молчитъ".

Не встрѣчая со стороны царя препятствій, представители правящаго класса въ своихъ властолюбивыхъ и честолюбивыхъ стремленіяхъ зашли такъ далеко, какъ трудно было даже предполагать. Въ ихъ средѣ возникла гордая мысль раздѣлить юридически съ царемъ власть, и они представили сыну царя Алексѣя, Ѳедору Алексѣевичу въ 1682 году соотвѣтствующій планъ государствен-

наго преобразованія. Планъ этотъ заключался въ раздѣленіи Россіи на „подчиненныя единой власти“ „государства и царства“—Новгородское, Казанское, Астраханское, Сибирское и др., въ которыхъ „быти царскимъ намѣстникомъ великороднымъ боярамъ вѣчно (т. е. наслѣдственно) и титлы имъ тѣхъ царствъ, кто гдѣ будетъ, имѣти и писатися во всякихъ письмахъ „бояринъ и намѣстникъ, князь, имя рекъ, всего царства Казанскаго или всего державства Сибирскаго и прочее“.

Такимъ образомъ, по мысли этихъ „верховниковъ“ XVII вѣка, Россія, собранная и объединенная съ такимъ трудомъ и съ такими жертвами, должна была распасться на свои составныя части, своего рода удѣлы съ полномочными управителями, на подобіе падишаховъ или сатраповъ. Выполненіе этого плана грозило вмѣстѣ и цѣлости Россіи и цѣлости самодержавія, единству страны и единству верховной власти. Послѣднее въ особенности бросалось въ глаза. И плохо затаенная мысль „палатскихъ бояръ“, какъ называетъ источникъ составителей этого плана, объ узурпаціи въ свою пользу верховной власти, была разгадана патріархомъ Іоакимомъ. Патріархъ указалъ царю на всю ту опасность, которую представляетъ замыселъ бояръ, и благодаря ему провалился этотъ своеобразный проектъ ограниченія самодержавія.

Въ немъ мы имѣемъ наглядный памятникъ боярско-приказнаго властолюбія, политическихъ притязаній „сильныхъ людей“ XVII вѣка.

Что касается собственно приказнаго управленія, дѣятельности московскихъ приказовъ, то первою особенностью ихъ было господство здѣсь дьяковъ, этой аристократіи пера въ XVII вѣкѣ. Прямые начальники московскихъ приказовъ мало интересовались подвѣдомственными имъ учрежденіями и мало посѣщали ихъ. По словамъ одной

дѣловой частной отписки, приводимой проф. Платоновымъ, бояринъ кн. А. М. Львовъ при просителѣ, (авторѣ отписки), по крайней мѣрѣ „въ приказѣ не бывалъ не единожды“. О другомъ начальникѣ приказа подобная же отписка сообщаетъ, что „окольничій мало ѣздитъ въ приказъ“. И это было не исключеніемъ, а самымъ обычнымъ явленіемъ. Отсюда естественно, вслѣдствіе отсутствія въ приказахъ бояръ-начальниковъ, все веденіе дѣлъ переходило къ дьякамъ, которые и становились фактическими начальниками приказовъ, исключительными господами положенія и безконтрольными вершителями дѣлъ. Какъ же они вершили эти дѣла?

2.

По словамъ современника, извѣстнаго подьячаго Котошихина, по закону „указано въ приказахъ“ судить „въ правду по святой евангельской заповѣди Христовой, не стыдяся лицъ сильныхъ“, „другу не дружить, а недругу не мстить ни для чего и по посуламъ и по поминкамъ не дѣлать“ подъ страхомъ жестокаго наказанья. Но на дѣлѣ было иначе. „Хоть,—говоритъ тотъ же Котошихинъ,—на такое дѣло положено наказаніе и чинятъ о тѣхъ посулахъ крестное цѣлованіе съ жестокимъ проклинательствомъ, что посуловъ не имать и дѣлать въ правду по царскому указу и по Уложенію,—ни во что имъ вѣра и клятва и наказанія не страшатся, не могутъ отъ искушенія очей своихъ и мысли удержать и руки свои ко взятію скоро допускаютъ“. Они, правда, дѣлаютъ не сами, не лично, но „по задней лѣстницѣ чрезъ жену или дочь, или чрезъ сына и брата и человѣка“ и не считаютъ это за взятки, дѣлаютъ видъ, „будто про то и не вѣдаютъ“. Пользуясь невозмож-

ностью „простымъ людямъ“ „близко приходить къ царю“, они „взявъ посулы, облыгаютъ другихъ людей“.

Нѣкоторые изъ приказныхъ дьяковъ пріобрѣли въ населеніи не меньшую извѣстность, чѣмъ упоминавшіеся раньше временщики, и по ней лучше всего можно судить, какъ о степени ихъ вліянія на дѣла, такъ и о своебразныхъ правительственныхъ пріемахъ. Таковы, напримѣръ, дьяки Третьяковъ, Грамотинъ и Плещеевъ.

Третьяковъ, дьякъ Посольскаго приказа, дѣйствовалъ при Михаилѣ Ѳедоровичѣ, но оставилъ по себѣ память и въ слѣдующемъ царствованіи. По крайней мѣрѣ, московскіе торговые люди вспомнили о немъ въ 1646 году и помянули недобрымъ словомъ. Подавая царю Алексѣю жалобу на притѣсненія со стороны англійскихъ купцовъ, они указывали на дьяка Третьякова, какъ на главнаго виновника этихъ притѣсненій. По ихъ словамъ, когда англичане при Михаилѣ Ѳедоровичѣ домогались себѣ торговыхъ льготъ, то имъ помогъ подкупъ—„подкупя думнаго дьяка Петра Третьякова многими посулы“, они взяли изъ Посольскаго приказа соотвѣтствующую грамоту на право свободной торговли. „А намъ было, холопямъ и сиротамъ твоимъ,—заключали свою слезницу московскіе торговые люди,—въ то время челобитья ихъ встрѣтить и грамоту остановить некому, потому что всѣ были разорены до конца и отъ разоренья, бродя скитались по инымъ городамъ“, т.-е. за отсутствіемъ матеріальныхъ средствъ не могли съ своей стороны подкупить того же дьяка бо̀льшей суммой. За Третьяковымъ кромѣ того установилась репутація „измѣнника“. Лѣтописецъ, напримѣръ, объясняетъ неудачу посольства 1615 года подъ Смоленскъ и переговоровъ съ литовскими послами какими-то кознями Петра Третьякова, руководившаго этимъ дѣломъ изъ Москвы въ качествѣ дьяка По-

сольскаго приказа... „Всему же тому доброму дѣлу и нарушенье посольству отъ дьяка отъ Петра Третьякова“. Тотъ же лѣтописецъ обвиняетъ Третьякова еще въ сношеніяхъ съ нѣмцами по новгородскому дѣлу—ходатайству новгородцевъ защитить ихъ отъ нѣмцевъ и предать забвенію ихъ невольную измѣну въ смутное время.

Дьякъ Грамотинъ тоже, по словамъ проф. Платонова, въ 1615 году на офиціальномъ московскомъ языкѣ именовался „измѣнникомъ“ и „совѣтникомъ Гонсѣвскаго“.

Но, кажется, самую неизгладимую память по себѣ оставилъ и заслужилъ неувядаемую славу дьякъ Плещеевъ. Достаточно сказать, что его имя получило для XVII вѣка такое же символическое значеніе, какъ впослѣдствіи для XVIII вѣка имя Бирона.

„Плещеевщина“ была такимъ же словечкомъ, какимъ вѣкъ спустя „бироновщина“. Она означала опредѣленную манеру административнаго хищника, которая современниками опредѣлялась очень точно, именно какъ „во всякихъ разбойныхъ и татиныхъ дѣлахъ по его Левонтьеву (т.-е. Плещеева) наученью отъ воровскихъ людей напрасные оговоры“. Олеарій *) поясняетъ намъ, какъ дѣлались эти „оговоры“. Плещеевъ „нанималъ негодяевъ для того, чтобы ложно доносили на честныхъ людей—и выжималъ изъ оговоренныхъ послѣдніе соки“. (Платоновъ).

Недаромъ онъ и кончилъ знаменито—былъ растерзанъ толпой во время мятежа.

Посулами и поминками не брезговали люди даже очень большого служебнаго ранга, близкіе и родствен-

*) Извѣстный иностранецъ, бывшій въ Россіи въ царствованіе Михаила Өеодоровича и оставившій описаніе Московскаго государства.

ники царя. Котошихинъ *) разсказываетъ по поводу извѣстнаго дѣла о поддѣлкѣ монеты при царѣ Алексѣѣ, что многіе изъ поддѣлывателей, богатые люди „отъ своихъ бѣдъ откупались, давали на Москвѣ посулы большіе боярину, царскому тестю Ильѣ Даниловичу Мстиславскому, да думпому дворянину Матюшкину, за которымъ была прежняго царя царицына родная сестра“. О прочихъ приказныхъ людяхъ и говорить нечего. Они тянулись другъ за другомъ—за дьяками подьячіе, за подьячими ихъ помощники и т. д. до самой мелкой приказной сошки, такъ что приказное управленіе сверху до низу представляло стройную въ этомъ смыслѣ и гармоничную систему, ладно собранную машину, движущей пружиной которой служила взятка, посулъ. И русскіе люди XVII вѣка такъ уже и знали, что для машины этой нужна смазка, иначе дѣло будетъ валяться въ приказахъ безъ движенія и принимали соотвѣтствующія мѣры къ тому, чтобы заставить машину дѣйствовать въ свою пользу. Къ какимъ въ такомъ случаѣ надо было прибѣгать мѣрамъ, какіе употреблять для этого пріемы, можно судить по одной своего рода инструкціи, приводимой историкомъ Соловьевымъ, которую давалъ одипъ стольникъ своему слугѣ, отправляя его въ приказы. Инструкція настолько любопытна въ бытовомъ отношеніи и такъ живо рисуетъ приказные нравы того времени, что мы приведемъ ее цѣликомъ.

„Сходить бы тебѣ къ Петру Ильичу,—наказывалъ стольникъ слугѣ,—и если Петръ Ильичъ скажетъ, то итти тебѣ къ дьяку Василью Сытину; пришедши ко дьяку, въ хоромы не входи, прежде развѣдай, веселъ ли

*) Упомянутый подьячій Посольскаго приказа, эмигрировавшій за границу и написавшій тамъ сочиненіе „О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича“.

дьякъ, и тогда войди, побей челомъ крѣпко и грамоты отдай; приметъ дьякъ грамоту прилежно, то дай ему три рубля, да обѣщай еще, а куръ, пива и ветчины самому дьяку не отдавай, а стряпухѣ. За Прошкинымъ дѣломъ сходи къ подьячему Степкѣ Ремезову и попроси его, чтобъ сдѣлалъ, а къ Кирилѣ Семенычу не ходи; тотъ проклятый Степка все себѣ въ лапы забралъ; отъ моего имени Степки не проси: я его, подлаго вора, чествовать не хочу; понеси ему три алтына денегъ, рыбы сушеной да вина, а Степка жадущая рожа и пьяная“.

Просители и вообще ходатаи по своимъ или чужимъ дѣламъ нерѣдко проживали мѣсяцы и даже годы въ Москвѣ въ ожиданіи рѣшенія дѣла, должны были отыскивать знакомыхъ или вліятельныхъ родственниковъ, чаще же всего пускать въ ходъ денежныя и натуральныя подачки, такъ называемыя „почести“. Напримѣръ, нѣкій Иванъ Бѣлинъ, стряпчій Суздальскаго монастыря, жилъ въ Москвѣ по монастырскимъ дѣламъ въ теченіе 1673—74 годовъ, и ему все время присылались изъ монастыря деньги и различные продукты на „почести“ дьякамъ и подьячимъ. Монастырское дѣло находилось въ рукахъ подьячаго Василія Калинина, котораго и приходилось Бѣлину задаривать. Сначала монастырь послалъ деньги и телѣгу и обѣщался выслать по зимнему пути припасы. Но подьячій, повидимому, мало давалъ цѣны обѣщаніямъ, выражалъ нетерпѣніе, и монастырю пришлось выслать снова денегъ и поручить своему стряпчему подтвердить обѣщаніе на счетъ припасовъ—„побить ему (подьячему) челомъ, чтобы онъ въ монастырскихъ дѣлахъ поберегъ, а въ запасѣ упрошай у него сроку до зимняго пути“. Прежде чѣмъ однако настала зима и пришли запасы въ видѣ пяти ведеръ вина и нѣсколькихъ четвертей муки и крупы, подьячій еще не разъ

получалъ и денегъ и продуктовъ. И несмотря на такія щедрыя подачки, все же тянулъ дѣло, прижималъ стряпчаго и дѣлалъ наговоры на него думному дьяку, съ цѣлью вызвать монастырь на новыя, болѣе крупныя подачки. Если такимъ образомъ даже при обильныхъ „почестяхъ“ дѣло двигалось медленно, то безъ „почестей“ оно, конечно, совсѣмъ лежало безъ движенія.

Наряду съ „почестями“ большую роль въ приказномъ дѣлопроизводствѣ играло знакомство, ходатайство вліятельнаго человѣка, то, что мы называемъ „рукой“, а тогда называли „заступой“. „За кого заступы большія, тѣмъ и дѣла чинятся“,—писалъ одинъ монастырскій слуга братіи. За кого же не было „заступъ“, тѣмъ не только ничего не дѣлали, не давали ходу ихъ дѣламъ, но прямо челобитья ихъ рвали, а самихъ просителей „съ суда“ приказывали „выбить взашей“.

3.

Тѣми же особенностями, что центральное, отличалось и областное управленіе. Здѣсь, послѣ совмѣстнаго существованія земскаго, выборнаго и приказнаго элементовъ, послѣдній вытѣснилъ первый, и въ началѣ XVII вѣка почти повсюду въ городахъ сидятъ воеводы. Для характеристики воеводскаго управленія имѣется очень много свѣдѣній, и всѣ они рисуютъ намъ картину самаго необузданнаго произвола и ненасытнаго корыстолюбія. Въ томъ и другомъ воеводы достигли изумительной виртуозности, обнаружили необыкновенную изобрѣтательность. Они не только выжимали всѣ соки изъ населенія и попирали его права, но оскорбляли его честь, глумились надъ его личностью, какъ бы желая показать все его ничтожество въ сравненіи съ собственнымъ ве-

личіемъ, поразить его мощью своей власти. Въ особенности въ этомъ отношеніи стяжали себѣ извѣстность сибирскіе воеводы. Пользуясь, вѣроятно, отдаленностью отъ Москвы, они давали полный просторъ своимъ властолюбивымъ и корыстолюбивымъ аппетитамъ. До какихъ невѣроятныхъ размѣровъ въ такихъ случаяхъ доходили воеводскія злоупотребленія, и какія причудливыя формы они принимали, можно судить по мангазскому воеводѣ, Кокореву, о дѣйствіяхъ котораго донесъ въ Москву его же товарищъ, Палицынъ.

„Пріѣдутъ самоѣды съ ясакомъ,—писалъ Палицынъ,— воевода и жена его посылаютъ къ нимъ съ заповѣдными товарами, съ виномъ; несчастные дикари пропиваются до нага, ясакъ, который они привезли, соболи и бобры, переходятъ къ воеводѣ, а самоѣды должны платить ясакъ кожами оленьими,—иные съ себя и съ женъ своихъ снимаютъ платье изъ оленьихъ кожъ и отдаютъ за ясакъ, потому что всѣ перепились и переграблены. Который торговый или промышленный человѣкъ не придетъ къ воеводѣ, къ женѣ его и сыну съ большимъ припасомъ, такого воевода кидаетъ въ тюрьму; да не только его самого, но и собакъ его посадитъ въ тюрьму, да и беретъ потомъ выкупъ и съ самого и съ собакъ. Когда у воеводы бываютъ пиры на торговыхъ и промышленныхъ людей, если кто къ нему или къ женѣ его или къ сыну принесетъ мало, тому приносъ бросаютъ въ глаза и до воротъ провожаютъ въ шею. Люди воеводины берутъ у торговыхъ людей на гостиномъ дворѣ товары безъ платы; къ сыну воеводы промышленные люди ходятъ ежедневно продажное вино пить: кто принесетъ гривну, тому даетъ чарку, кто принесетъ двѣ гривны, тому даетъ двѣ чарки, и такъ дальше по расчету, и какъ эти люди напившись, пойдутъ отъ него со двора, то люди его

кресты, перстни и пояса съ нихъ оберутъ, а съ иныхъ и все платье поснимаютъ въ закладъ".

Свои выходы въ городъ или церковь Кокоревъ обставлялъ особымъ церемоніаломъ. Въ это время „носятъ передъ нимъ мечъ обѣручный,—какъ передъ Разстригою, а люди его всѣ передъ нимъ съ пищалями, саблями и со всякимъ оружіемъ, какъ передъ курфюрстомъ нѣмецкимъ, ходятъ; чины у него учреждены большіе: холопей своихъ зоветъ—иного дворецкимъ, другого казначеемъ, иныхъ стольниками".

Однимъ словомъ Кокоревъ, держалъ себя совершенно царемъ и каждую минуту, при всякомъ удобномъ случаѣ, давалъ понять населенію, что онъ имѣетъ надъ нимъ право жизни и смерти.

Но и поближе къ Москвѣ попадались подобные же экземпляры. Вотъ, напримѣръ, старицкій воевода. Данныя слѣдствія, наряженнаго надъ нимъ по челобитью архіепископа и всѣхъ жителей города, изображаютъ его тоже въ видѣ какого-то падишаха XVII вѣка или сатрапа. По словамъ допрошенныхъ, воевода не ѣздитъ въ приказную избу, ругается, бьетъ, беретъ взятки „для своей бездѣльной корысти", чинитъ налоги и обиды, сажаетъ въ тюрьму на цѣпь, не ходитъ въ церковь, не присутствуетъ на царскихъ молебнахъ и крестныхъ ходахъ, имѣетъ дурака, котораго посылаетъ ходить по городу и бить палашемъ всѣхъ „духовнаго чина людей", блудитъ съ дѣвкой подъ большіе праздники и т. п. Любопытно, что показанія всѣхъ, начиная архіепископомъ и кончая крестьяниномъ, совершенно тождественны.

Жалобы на злоупотребленія воеводъ шли со всѣхъ сторонъ. Населеніе положительно засыпало царя челобитьями, въ которыхъ въ одинъ голосъ указывало на свое „конечное разоренье" отъ воеводскихъ „налоговъ и

обидъ“ и молило царя заступиться за своихъ холопей, сиротъ и богомольцевъ, избавить ихъ отъ „воеводскаго задержанія“. Правительство и само отлично сознавало недостатки воеводскаго управленія, не скрывало отъ себя вопіющихъ злоупотребленій воеводъ, наоборотъ открыто заявляло о нихъ, какъ это видно, напримѣръ, изъ одной царской грамоты, гдѣ говорится, что „воеводы и приказные люди наши всякія дѣла дѣлаютъ не по нашему указу, всякимъ людямъ чинятъ насильство, убытки и продажи великія, посулы, поминки и кормы берутъ многіе“. Накопецъ, оно принимало противъ воеводъ различныя мѣры—до смѣны и преданія суду включительно. Но что можно было сдѣлать съ людьми, для которыхъ предписанія центральнаго правительства являлись пустымъ звукомъ. Они не только игнорировали требованія, исходившія отъ царя, но, по тогдашнему выраженію, „чинились сильные“ имъ, т. е. противодѣйствовали имъ силой. Такъ, напримѣръ, поступилъ ржевскій воевода. Узнавъ, что его рѣшено смѣнить и что уже на смѣну ему ѣдетъ замѣститель, онъ послалъ навстрѣчу ѣхавшему отрядъ вооруженныхъ людей. Послѣдніе схватили будущаго воеводу, отняли государеву грамоту, а самого его избитаго и скованнаго бросили въ тюрьму. И только черезъ два года удалось смѣнить пусторжевскаго воеводу. Но даже и смѣна и отдача подъ судъ мало помогали дѣлу—на смѣну уволеннымъ являлись воеводы съ тѣми же правительственными пріемами и привычками, и злоупотребленія продолжались. Неудивительно, что правительство, исчерпавъ собственныя средства противъ воеводъ, предоставило борьбу съ ними самому населенію. Оно рѣшилось на совершенно экстраординарную мѣру—стало требовать отъ населенія отказывать въ повиновеніи воеводамъ, злоупотребляющимъ своею властью.

„А буде который воевода,—сказано на этотъ счетъ въ государевой грамотѣ,—учнетъ что дѣлать чрезъ тѣ ему данныя статьи (т. е. вопреки наказу), и имъ земскимъ всякаго чина жителямъ его въ томъ не слушать, а посылать на того воеводу за своими руками челобитья".

Едва ли надо доказывать, что такая чисто революціонная мѣра, свидѣтельствующая о полномъ безсиліи правительства въ борьбѣ съ злоупотребленіями собственныхъ органовъ власти, могла достигать совершенно противоположныхъ результатовъ. Населеніе, видя кругомъ себя беззаконіе и санкцію внѣзаконныхъ дѣйствій правительствомъ, деморализуется, утрачиваетъ чувство законности, перестаетъ видѣть разницу между законнымъ и беззаконнымъ поступкомъ.

Вотъ какъ новый правящій классъ использовалъ свое вліятельное положеніе и какое употребленіе сдѣлалъ изъ предоставленной ему власти надъ населеніемъ.

4.

Довольно даже тѣхъ немногихъ свѣдѣній и примѣровъ изъ практики приказнаго дѣлопроизводства и воеводскаго управленія, которыя мы привели, чтобы заранѣе рѣшить, могло ли правительство Романовыхъ, порвавъ съ народными представителями, отказавшись отъ ихъ содѣйствія и обратившись къ услугамъ собственныхъ вѣрныхъ слугъ, дать странѣ, еще не оправившейся отъ смуты, прочный закономѣрный порядокъ, обезпечивающій внутренній миръ, въ которомъ она такъ нуждалась.

И дѣйствительно, внѣшняго умиротворенія страны правительство, пожалуй, достигло, къ половинѣ XVII вѣка. Поляки были изгнаны изъ предѣловъ государства, казачьи шайки истреблены, народъ возвращался къ своимъ

обычнымъ мирнымъ занятіямъ. Что же касается внутренняго умиротворенія, созданія прочнаго правопорядка, то по нѣкоторымъ признакамъ можно было заключить о полномъ отсутствіи такого порядка.

Въ теченіе всего XVII вѣка безпрестанно вспыхиваютъ народные мятежи. Особенно богато мятежами царствованіе „тишайшаго“ царя Алексѣя Михайловича. Въ 1648 году было сильное возмущеніе противъ боярина Морозова и дьяковъ Плещеева и Траханіотова, кончившееся убійствомъ двухъ послѣднихъ. Въ томъ же и слѣдующемъ годахъ разразились извѣстные народные бунты въ Новгородѣ и Псковѣ. Наконецъ, въ послѣдніе годы царствованія произошли бунты изъ-за введенія мѣдныхъ денегъ (въ 1662 году) и страшный, небывалый по своимъ размѣрамъ бунтъ Стеньки Разина.

Мы назвали болѣе извѣстные случаи мятежей—менѣе извѣстные происходили, можно сказать безъ опасенія ошибиться, ежегодно.

Кромѣ того, замѣчалось еще другое зловѣщее явленіе въ народной жизни. Это—массовая эмиграція, лучше сказать, бѣгство населенія изъ предѣловъ государства или зачисленіе въ разрядъ „гулящихъ“ людей, стоявшихъ внѣ государства на подобіе современныхъ босяковъ.

„Бѣгутъ... дворы брошены пусты“...—вопили мірскіе люди и помѣщики. „Бѣгутъ, дворы запустѣли“... доносили приказные люди царю. Въ 1670 году такихъ эмигрантовъ съ Тотьмы, Устюга и другихъ сѣверныхъ городовъ было зарегистрировано 2,051 человѣкъ, въ 1672 заоцкіе помѣщики жаловались царю о бѣжавшихъ отъ нихъ крестьянахъ, число которыхъ вмѣстѣ съ бѣглыми драгунами простиралось до 5000 человѣкъ. О незарегистрированныхъ и говорить нечего.

Какъ мятежи, такъ и эмиграція служатъ несомнѣнными признаками неустройства государственной жизни. Это обычныя для народа формы активнаго и пассивнаго протеста противъ существующаго порядка. И, если народъ обращается къ такимъ крайнимъ и явно беззаконнымъ средствамъ, чтобы обратить на себя вниманіе правительства или даже самому раздѣлаться со своими притѣснителями и угнетателями, то значитъ законныхъ путей для этого недостаточно, или они всѣ исчерпаны безъ всякаго результата. Иными словами, существующій въ странѣ государственный порядокъ не ограждаетъ населеніе отъ беззаконія и нарушенія его правъ и интересовъ и не даетъ ему средствъ для защиты послѣднихъ. Изученіе мятежей и эмиграціи вполнѣ подтверждаетъ такое заключеніе.

Народъ, дѣйствительно, поднимался послѣ того, какъ ему не удавалось законнымъ путемъ добиться избавленія отъ своихъ угнетателей или, по крайней мѣрѣ, соотвѣтствующей кары ихъ. Возьмемъ, напримѣръ, московскій мятежъ 1648 года и посмотримъ, какимъ образомъ онъ возникъ.

Въ день мятежа происходилъ обычный каждогодный крестный ходъ изъ Кремля въ Срѣтенскій монастырь. „Случаемъ этимъ, по словамъ одного иностранца, очевидца событія, воспользовался народъ, чтобы подать его царскому величеству нѣкія прошенія по поводу невыносимо громадныхъ податей и налоговъ, которыми въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ былъ обремененъ, вслѣдствіе чего народъ съ женами и дѣтьми впалъ въ разореніе; кромѣ того, въ этихъ челобитныхъ говорилось о большихъ притѣсненіяхъ, ежедневно производимыхъ боярами надъ народомъ, а также и о томъ, что люди не въ силахъ долѣе выносить этого и что они, равно какъ и

жены ихъ и дѣти согласны скорѣе немедленно умереть, чѣмъ оставаться долѣе подъ гнетомъ столь чрезмѣрнаго притѣсненія“. Но просьбу народа постигла совершенно неожиданная участь. „Бояре, окружавшіе его царское величество, приняли эти прошенія и не только разорвали ихъ на клочки, но еще бросили эти клочки въ лицо просителямъ, надъ которыми издѣвались и которыхъ холопы или рабы ихъ жестоко избили и весьма многихъ посадили въ заключеніе“.

Это и послужило сигналомъ къ мятежу. Ничего другого кромѣ возстанія не оставалось народу, послѣ того, какъ законный путь для него оказался отрѣзаннымъ, и онъ получилъ на свое ходатайство передъ царемъ отпоръ въ самой грубой и вызывающей формѣ.

При подобныхъ же обстоятельствахъ, т. е. послѣ неудачи мирной попытки, произошелъ и другой московскій мятежъ 1662 года. Онъ возникъ въ связи съ дѣломъ о фабрикаціи фальшивыхъ монетъ. Обвиняемые по этому дѣлу на пыткѣ сказали, „что со многихъ людей, воровъ, тесть его царскій бояринъ, да думный дворянинъ, и дьяки и подьячіе имали посулы большіе и отъ бѣдъ и отъ смертей избавливали, и потому надѣясь и они воровали, и въ винѣ ихъ воленъ государь“. Допросъ дьяковъ и подьячихъ подтвердилъ этотъ оговоръ. Они сознались въ своей винѣ, но въ свою очередь тоже указали на царскаго тестя и думнаго дворянина, какъ главныхъ виновниковъ. Казалось, съ послѣднихъ и надо было начать расправу. Между тѣмъ царь поступилъ наоборотъ. Дьяки, подьячіе и прочія мелкія сошки были преданы казни—кому отрубили руки, кому ноги, кому то и другое, пальцы на рукахъ и ногахъ, отправили въ ссылку. Тестя же царь подвергъ лишь опалѣ—„на того боярина, по словамъ Котошихина, царь былъ долгое

время гнѣвенъ". А думный дворянинъ отдѣлался лишеніемъ мѣста—былъ отправленъ „прочь отъ приказу".

Такимъ образомъ, мелкія сошки, второстепенные виновники и даже люди совсѣмъ невинные пострадали, а главные виновники не понесли, въ сущности, никакого наказанія, несмотря на то, что народъ просилъ царя произвести новое разслѣдованіе дѣла. Это явное мирволенье со стороны царя своимъ родственникамъ и близкимъ людямъ, вопіющее нарушеніе правды, и вызвало мятежъ.

Если въ Москвѣ, резиденціи царя, народу трудно было добиться огражденія своихъ правъ и наказанія своихъ угнетателей, обратить на себя вниманіе царя, то, конечно, еще труднѣе было достигнуть этого за предѣлами Москвы. „Въ городахъ, ближайшихъ къ Москвѣ, по словамъ историка Соловьева, воеводы и подьячіе кормились умѣреннѣе; челобитныя мірскихъ людей были доходнѣе до царя. Но въ городахъ дальнихъ, гдѣ именно было „до Бога высоко, до царя далеко", кормленщики разнуздывались, и этою разнузданностью вызывали самоуправство мірскихъ людей, которымъ также представлялось, что „до Бога высоко, до царя далеко". Къ тому же еще правительство въ половинѣ XVII вѣка стало стѣснять исконное древнерусское „право петицій". Оно стало требовать, чтобы народъ не обращался непосредственно къ царю, минуя приказы. Но какой результатъ могла имѣть жалоба въ приказѣ, на приказныхъ же, гдѣ господствовало правило „рука руку моетъ". И потому здѣсь, въ отдаленныхъ мѣстахъ, народные мятежи, какъ послѣдній доводъ, какъ послѣднее напоминаніе правительству о невыносимомъ положеніи народа, принимали такой бурный характеръ, какъ, напримѣръ, бунтъ подъ предводительствомъ Стеньки Разина, и разливались такою

широкою волною по Руси, какъ это народное движеніе второй половины XVII вѣка.

5.

Будучи не въ состояніи бороться съ самимъ порядкомъ, отъ котораго онъ страдалъ, измѣнять его при помощи, напримѣръ, законодательства, такъ какъ въ половинѣ XVII вѣка земскіе соборы умирали, а затѣмъ и совсѣмъ прекратили свое существованіе, народъ боролся съ тѣми, которыми держался этотъ порядокъ и которые, получивъ въ свои руки власть и вліяніе, угнетали и разоряли его. Поэтому всѣ извѣстные мятежи направлены противъ представителей центральнаго и областнаго управленія, близкихъ царю людей, его сотрудниковъ, родственниковъ или мелкихъ сошекъ приказнаго и мірского управленія, наконецъ, вообще противъ представителей правящаго и эксплоатирующаго класса—прямыхъ и косвенныхъ виновниковъ угнетенія и разоренія народа.

Возьмемъ тотъ же московскій мятежъ 1648 года. Вся его обстановка, весь его ходъ и общая картина показываютъ, что народъ при помощи мятежей борется противъ представителей приказнаго управленія, „сильныхъ людей". Ихъ именно онъ избиваетъ и ихъ имущество подвергаетъ разгрому.

Раздраженная толпа прежде всего бросилась къ дому ненавистнаго временщика, боярина Б. И. Морозова и моментально разнесла его. „Домъ этотъ,—по словамъ очевидца иностранца,—былъ ими въ конецъ ограбленъ: всѣ найденныя ими драгоцѣнныя вещи были разбиты на куски топорами и дубинами; золотыя и серебряныя чаши и блюда были обезображены; жемчугъ и другіе драгоцѣнные каменья были превращены въ порошокъ: они попирали ихъ ногами, бросали за окна и препятствовали

всякой попыткѣ вынести что-либо, неистово крича при этомъ: „то кровь наша!“ Хозяинъ дома успѣлъ скрыться. Тогда толпа направилась къ дому дьяка Чистого и убила его, затѣмъ пошла къ домамъ Плещеева и Траханіотова, которые однако успѣли бѣжать „къ его царскому величеству“. На другой день бунтъ продолжался, такъ какъ главные виновники народныхъ страданій, знаменитые временщики—Морозовъ и дьяки Плещеевъ и Траханіотовъ остались цѣлы и нашли убѣжище у царя. Народъ приступилъ къ дворцу и требовалъ выдачи скрывшихся. Народъ требовалъ „также и его царское величество“ къ себѣ. „Тогда царь немедленно выдалъ имъ Плещева съ приказаніемъ отрубить ему голову“. Но народъ тутъ же учинилъ надъ нимъ самосудъ—разорвалъ его въ клочья.

Однако выдача Плещеева не удовлетворила народъ, онъ продолжалъ настаивать на выдачѣ Морозова и Траханіотова. „Тогда царь самъ вышелъ къ народу и, видя, что ничто кромѣ выдачи этихъ не удовлетворитъ народа, убѣдительно просилъ его не лишать ихъ жизни въ продолженіе еще двухъ только дней, дабы этимъ дать и ему возможность лучше обсудить дѣло, послѣ чего онъ исполнитъ и удовлетворитъ ихъ требованіе“. Народъ согласился и мятежъ готовъ былъ стихнуть. Но въ тотъ же день начался пожаръ, который подлилъ масла въ огонь. По словамъ другого очевидца, русскаго, „Борисъ Морозовъ и Петръ Траханіотовъ наученіемъ дьявольскимъ разослали людей своихъ по всей Москвѣ, велѣли всю Москву выжечь“. Фактъ поджога подтвердило послѣ и слѣдствіе. Мятежъ вспыхнулъ съ новой силой, началось избіеніе поджигателей, и опять было предъявлено требованіе выдать Морозова и Траханіотова. Узнавъ, что они предусмотрительно высланы царемъ

изъ Москвы, толпа потребовала возвращенія ихъ въ Москву и выдачи ей. Царь уступилъ требованію народа на половину. Траханіотова онъ вернулъ и велѣлъ казнить, Морозова же упросилъ оставить въ живыхъ и заточить въ Кирилловъ монастырь.

Ненависть народа къ всему приказному во время этого мятежа сказалась даже въ мелочахъ. По словамъ одного очевидца мятежа, „воры мятежники", разграбивъ домъ разряднаго дьяка Ларіонова, „и письма всякія (очевидно заемныя) взяли, и иныя передрали и перемочили и у государевыхъ грамотъ печати оборвали и перепортили". Повидимому, здѣсь кромѣ ненависти ко всему приказному было желаніе также уничтожить юридическія основы своего закабаленія.

Мятежъ 1662 года былъ прямо направленъ противъ бояръ, причастныхъ къ поддѣлкѣ монетъ, въ томъ числѣ царскаго тестя Милославскаго, которыхъ толпа и требовала выдать ей „головою на убіеніе". Во время новгородскаго мятежа 1650 года фигурируетъ воевода, окольничій князь Хилковъ и митрополитъ Никонъ, какъ главные виновники народныхъ бѣдствій, по мнѣнію народа. Про Хилкова въ народѣ говорили, что „это измѣнникъ, хочетъ Новгородъ сдати нѣмцамъ по приказу Морозова"... „надобно у него новгородскую печать и казенные ключи взять". Никона тоже называли измѣнникомъ и говорили, что онъ „неистовства и смуту чинитъ въ міру великую и отъ той его смуты ставится въ міру смятеніе". На этихъ главныхъ представителей власти въ Новгородѣ и обрушился народный гнѣвъ. Никона, по его же собственнымъ словамъ, „ухватили со всякимъ безчиніемъ, ослопьемъ въ грудь ударили и грудь расшибли, по бокамъ били кулаками и камнями". Воевода же успѣлъ скрыться.

Но всего ярче и шире развернулись политическіе мотивы мятежей XVII вѣка,—ненависть народа къ правящему классу и желаніе истребить все имѣющее къ нему то или иное отношеніе—во время бунта Стеньки Разина. Самъ Разинъ въ своихъ прокламаціяхъ къ народу такъ и заявлялъ о своемъ намѣреніи „вывести воеводъ на Руси и бояръ на Москвѣ“, или, по выраженію другой прокламаціи, всѣхъ „мірскихъ кровопивцевъ“, т. е. представителей вообще правящаго класса. Къ осуществленію именно этой цѣли Разинъ приглашалъ народъ и осуществлялъ ее, дѣйствительно, въ такой широкой и безусловной формѣ. Это было въ полномъ смыслѣ слова всероссійское поголовное истребленіе воеводъ и помѣщиковъ. Казаки подавали сигналъ, а народъ, принимавшій ихъ съ распростертыми объятіями, набрасывался на своихъ угнетателей и предавалъ ихъ „потоку и разграбленію“. „Бунтъ запылалъ на всемъ пространствѣ между Окою и Волгою,—разсказываетъ историкъ Соловьевъ,—повторилось то, что мы уже видѣли въ смутное время здѣсь же на восточной Украйнѣ, и во время возстанія Хмѣльницкаго на Западной: въ селахъ крестьяне начали истреблять помѣщиковъ и приказчиковъ ихъ и толпами поднялись въ казаки. Заслышавъ приближеніе этихъ воровскихъ шаекъ, въ городахъ чернь бросалась на воеводъ и на приказныхъ людей, впускала въ городъ казаковъ, принимала атамана вмѣсто воеводы, вводила казацкое устройство; воеводы и приказные люди, облихованные міромъ, на которыхъ было много жалобъ, истреблялись, одобренныхъ не трогали“.

На ряду съ приказными людьми и ихъ имуществомъ не менѣе жестоко истреблялось бунтовщиками приказное дѣлопроизводство, всякаго рода дѣловыя бумаги. Въ Астрахани, напримѣръ, Разинъ велѣлъ сжечь всѣ бумаги

и хвалился, что сожжетъ всѣ дѣла и въ Москвѣ, въ верху, т. е. во дворцѣ государевомъ“.

Расправа съ своими угнетателями, собственноручное наказаніе ихъ и было главнѣйшей цѣлью народныхъ мятежей XVII вѣка. Если иногда и замѣчается во время мятежей желаніе погулять, пожить на чужой счетъ, то оно должно быть скорѣе отнесено на счетъ казацкаго элемента, присоединявшагося къ народнымъ движеніямъ XVII вѣка. Казаки обыкновенно шли на Русь добывать себѣ зипуновъ, „по чисту полю красно походить, сладко попить, да поѣсть, на добрыхъ конѣхъ поѣздить“, какъ выражается одна „призывная грамота“ Булавина. Даже во время разинскаго мятежа народъ иногда обнаруживалъ явное несочувствіе грабительскимъ наклонностямъ атамана и его казаковъ и оставлялъ ихъ ряды. А въ Псковѣ, когда политическія побужденія мятежа были признаны исчерпанными, мятежъ долженъ былъ прекратиться, народъ принялъ спеціальныя мѣры противъ грабежа. „По всѣмъ улицамъ поставили сторожей отъ гилевщиковъ, чтобъ ничьихъ дворовъ больше не грабили“, „жалѣли, что и въ первый день (мятежа) позволили грабить дворы“; впрочемъ, грабежомъ запимались отбросы народа—„а грабили ихъ ярыжки и кабацкіе голыши и стрѣльцы, которые голые же люди“.

Однимъ словомъ, въ мятежахъ XVII вѣка передъ нами не толпа „гилевщиковъ“, бунтовщиковъ или погромщиковъ, въ обычномъ смыслѣ этихъ словъ, а „вся земля“, „міръ“,—какъ выражается не разъ уже цитированный нами очевидецъ-русскій, мятежъ 1648 года,—народъ, поднявшійся противъ власти для возстановленія своихъ правъ и вообще правды, безъ которой не можетъ существовать государство, не мыслимъ законный государственный порядокъ.

Названный очевидецъ событій 1648 года стоитъ на такой именно своеобразной точкѣ зрѣнія, очень далекой отъ обычнаго взгляда на этого рода общественныя явленія. Разсказывая о мятежѣ 1648 года, онъ ни разу не называетъ возставшихъ „гилевщиками“ или „бунтовщиками“, какъ другіе источники. Онъ называетъ все время поднявшійся народъ „міромъ“, „всею землею“, т. е. какъ бы признаетъ за нимъ право возстанія, считаетъ мятежниковъ правыми и разсматриваетъ ихъ дѣло не какъ дѣло кучки людей, бунтовщиковъ, а какъ дѣло цѣлаго народа, всей земли.

Разъ народу закрытъ мирный и законный способъ защиты своихъ правъ: челобитья его разорвали,—то что же ему остается, какъ не мятежъ, это его право,—какъ бы говоритъ нашъ повѣствователь.

Повидимому, и въ народѣ существовало представленіе о самосудѣ, какъ о дозволенномъ актѣ. Какой-то Сенька Колтовской въ письмѣ своему дядюшкѣ въ 1648 году, разсказывая о московскихъ событіяхъ этого года, прибавлялъ:... „и ныньче государь милостивъ, сильныхъ изъ царства выводитъ, сильныхъ побиваютъ ослопьемъ да каменьемъ“. Стенька Разинъ тоже въ одной изъ своихъ прокламацій зоветъ къ себѣ всѣхъ—„кто хочетъ Богу да государю послужить“, т. е. считаетъ затѣянное имъ дѣло угоднымъ и Богу и царю,—а его казаки прямо говорили высланнымъ противъ нихъ стрѣльцамъ: „Вы бьетесь за измѣнниковъ (т. е. приказныхъ), а не за государя, а мы бьемся за государя“.

Что касается причинъ эмиграціи населенія, о которой мы упоминали раньше, то о нихъ можно судить хотя бы по слѣдующему краснорѣчивому отвѣту устюжанъ, которыхъ спросили въ Москвѣ, отчего у нихъ бѣгутъ крестьяне.

„Крестьяне бѣгутъ отъ большихъ податей, отъ воеводскихъ налоговъ и посуловъ и отъ солдатскихъ выборовъ (наборовъ)“... т. е. въ эмиграціи мы встрѣчаемся съ тѣми же соціально-политическими мотивами, какъ и въ мятежахъ. Оставлять предѣлы государства заставляли народъ тѣ же причины, что и поднимать бунты. Испробовавъ обычный путь улучшенія своего положенія—челобитья къ царю и убѣдившись въ ихъ безплодности, народъ снимался съ насиженныхъ мѣстъ и уходилъ въ степь, въ казачество. Въ особенности такъ поступали жители отдаленныхъ мѣстъ. „Ближайшіе къ Москвѣ города,—говоритъ Соловьевъ,—при столкновеніи съ воеводами и губными старостами, могли обращаться къ царю, но изъ областей отдаленныхъ, изъ Сибири, челобитья не скоро могли достигать Москвы, и жители этихъ отдаленныхъ областей употребляли средство, которое употребляли и жители ближайшихъ городовъ, но не всею массою, брели розно“.

6.

Надо было кореннымъ образомъ измѣниться взаимнымъ отношеніямъ царя и народа, чтобы народъ для огражденія своихъ правъ и интересовъ—вмѣсто обычнаго въ такихъ случаяхъ обращенія къ царю — поднималъ возстаніе и дѣйствовалъ помимо царя, въ иныхъ же случаяхъ даже противъ царя. Напримѣръ, во время псковскаго мятежа раздраженная толпа прямо заявляла: „государь объ насъ не радѣетъ“ или „государь жалуетъ на свой ангелъ, изъ тюремъ виноватыхъ людей распускаетъ“.

И дѣйствительно, нѣкоторыя подробности московскихъ мятежей, во время которыхъ народъ приходилъ въ непосредственное столкновеніе съ царемъ, показываютъ,

какъ далеко разошлись обѣ стороны, какая глубокая пропасть легла между ними послѣ перехода власти къ правящему классу. Народъ уже не вѣрилъ царю и не полагался на него—не былъ „надеженъ во всемъ на царское милосердіе“, какъ того желалъ когда-то Михаилъ Ѳедоровичъ, а царь въ свою очередь не довѣрялъ народу и игнорировалъ его интересы.

Когда въ 1662 году народъ явился къ царю просить вновь разслѣдовать дѣло о поддѣлкѣ денегъ и требовалъ выдачи ему виновныхъ бояръ „на убіеніе“, то царь сталъ уговаривать народъ „тихимъ обычаемъ“ и обѣщалъ пріѣхать въ Москву, чтобы самому разслѣдовать дѣло. Но народъ отнесся съ недовѣріемъ къ словамъ царя. „И тѣ люди,—разсказываетъ Котошихинъ,—говорили царю и держали его за платье за пуговицы—„чему де вѣрить“?—Царю пришлось „обѣщаться Богомъ“ и въ знакъ вѣрности своего слова бить по рукамъ—„одинъ человѣкъ изъ тѣхъ людей съ царемъ билъ по рукамъ“. Однако царь не сдержалъ своего слова—самъ не поѣхалъ въ Москву, послалъ ближняго боярина Хованскаго. Но народъ не сталъ съ нимъ даже разговаривать, и новая толпа явилась къ царю съ тѣми же требованіями, въ еще болѣе рѣшительной и грубой формѣ: „Почали у царя просить для убійства бояръ“ и на вторичное обѣщаніе царя ѣхать для сыска въ Москву „учали царю говорить сердито и невѣжливо, съ угрозой: „буде онъ добромъ имъ тѣхъ бояръ не отдастъ, они у него учнутъ имать сами, по своему обычаю“.

Такія сцены между царемъ и народомъ сами за себя говорятъ.

Если въ 1662 году обнаружилось недовѣрчивое и грубое отношеніе народа къ царю, то во время мятежа 1648 года обнаружилось такое же отношеніе царя

къ народу, даже въ еще болѣе рѣзкой и недопустимой формѣ.

Когда слѣдишь за ходомъ московскихъ событій 1648 года, то все время чувствуешь неискренность царя Алексѣя. Онъ ведетъ какую-то двойную игру, совершенно недостойную человѣка въ его положеніи. Прежде всего царь уступилъ лишь силѣ, но, уступивъ, вмѣсто того, чтобы предать виновниковъ суду, выдалъ ихъ на растерзаніе толпы. При этомъ, выдавъ одного, не выдалъ другихъ. Особенно горячо отстаивалъ царь Морозова, даже послѣ пожара и послѣ слѣдствія, удостовѣрившаго фактъ поджога и соучастіе Морозова. Царь очевидно дорожилъ Морозовымъ больше, чѣмъ благомъ и интересами народа, свои личныя симпатіи и отношенія онъ ставилъ выше государственныхъ и народныхъ выгодъ. Когда же онъ согласился на удаленіе Морозова въ ссылку, то изъ опасенія, какъ бы его не убили дорогой, далъ ему усиленную охрану. Морозовъ былъ отправленъ въ ссылку „въ сопровожденіи 150 дѣтей боярскихъ или придворныхъ дворянъ, 150 стрѣльцовъ или тѣлохранителей и 100 сотниковъ, изъ которыхъ каждый стоитъ во главѣ сотни“. Царь продолжалъ свои заботы о своемъ любимцѣ и послѣ ссылки его въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. До насъ дошла царская грамота къ игумену монастыря, въ которой царь писалъ: „Вѣдомо намъ учинилось, что у васъ въ Кирилловѣ монастырѣ о Успеньевѣ дни Пресвятыя Богородицы бываетъ съѣздъ большой изо многихъ городовъ всякимъ людямъ, и по нашему указу нынѣ у васъ въ Кирилловѣ бояринъ нашъ Борисъ Ивановичъ... а однолично бы вамъ боярина нашего Бориса Ивановича *оберечь отъ всякаго дурна*, а будетъ надъ нимъ какое дурно учинитца, и вамъ за то быть отъ насъ въ великой опалѣ“... Наконецъ,

царь воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы амнистировать Морозова. 22 октября того же 1648 года у царя родился сынъ Дмитрій. „И для тое радости,— разсказываетъ современникъ русскій, очевидецъ мятежа,— государь пожаловалъ дятку своего Бориса Морозова опять къ Москвѣ“. Между тѣмъ царь далъ народу торжественное обѣщаніе и цѣловалъ крестъ не возвращать Морозова.

„А впредь ему Борису на Москвѣ не бывать и всѣмъ роду ево Морозовымъ нигдѣ въ приказѣхъ у государевыхъ дѣлъ, ни на воеводствахъ не бывать и владѣть ничѣмъ не велѣть. На томъ міромъ и всею землею государю царю челомъ ударили и въ томъ во всемъ договорилися“. Такъ повѣствуетъ названный очевидецъ бунта. Стало-быть, между царемъ и народомъ состоялся договоръ, и царь первый нарушилъ этотъ договоръ, совершилъ вѣроломство.

Руководимый интересами близкихъ себѣ людей, царь пошелъ по этому пути еще дальше. Изъ разсказа того же очевидца видно, что мятежъ разрѣшился взаимнымъ договоромъ царя съ народомъ. Хотя народъ здѣсь выступилъ и въ нелегальной формѣ, „гилемъ“, однако царь, повидимому, счелъ возможнымъ вступить съ толпой въ переговоры и кончить дѣло „рядомъ“. По крайней мѣрѣ, упомянутый очевидецъ, сообщая о прекращеніи мятежа въ первой стадіи до пожара и о рѣшеніи царя сослать Морозова и Траханіотова, прибавляетъ: „И на томъ государь царь къ Спасову образу прикладывался, и міромъ и всею землею положили на ево государьскую волю“. То же самое было и вторично, послѣ пожара, когда Траханіотовъ, былъ казненъ, а Морозова царь „у міра упросилъ“ не казнить и обѣщался сослать его.

Казалось бы, при такихъ условіяхъ вопросъ надо

было признать исчерпаннымъ, дѣло о мятежѣ рѣшеннымъ. Царь и народъ, какъ равноправныя и правомочныя стороны, договорились, уладились—и конецъ дѣлу. Между тѣмъ, послѣ прекращенія мятежа начались розыски и дознанія о виновникахъ мятежа и вѣчные спутники древне-русскаго судопроизводства: пытки, ссылки, казни. За мятежъ народу пришлось „очищаться“ „кровью своею“. Точно также и мятежъ 1662 года кончился жестокими казнями „гилевщиковъ“, а бояре, выдачи которыхъ требовалъ народъ и которыхъ царь обѣщалъ судить, оставались на свободѣ и на своихъ мѣстахъ.

Слѣдовательно, когда народъ поднялся, сдѣлался страшенъ власти, она его признала равноправнымъ себѣ, уступила ему и вошла съ нимъ въ переговоры. Когда же онъ успокоился, сталъ безопасенъ, власть сочла себя свободной отъ принятыхъ на себя обязательствъ и поступила съ нимъ не какъ съ равнымъ, а какъ съ подвластнымъ, какъ поступаетъ побѣдитель съ побѣжденнымъ врагомъ. Старая, но вѣчно юная и хорошо знакомая русскому человѣку исторія.

Какая разница между началомъ и концомъ XVII вѣка. Тамъ царь и народъ — двѣ дружественныя между собой стороны, находящіяся въ мирномъ сотрудничествѣ, идущія къ одной цѣли, работающія надъ одной общей задачей. Здѣсь это враждующія между собой стороны, недовѣряющія одна другой и живущія вмѣстѣ только потому, что судьба поставила ихъ рядомъ и связала ихъ до времени желѣзной необходимостью такого сожительства.

Тамъ царь и земскій соборъ, рѣшающіе дѣла въ дворцовой палатѣ. Здѣсь царь и мятежная толпа, заключающіе „рядъ“ на московской площади.

7.

Само собой разумѣется, государство не могло долго оставаться при такомъ положеніи вещей, которое создалось вслѣдствіе устраненія отъ государственныхъ дѣлъ земства и передачи всего управленія приказнымъ людямъ и которое мы только что описали. Нельзя было оставлять при такихъ обостренныхъ взаимныхъ отношеніяхъ управляющихъ и управляемыхъ, приносить послѣднихъ въ жертву первымъ, отдавать народъ буквально на расхищеніе и растерзаніе разнаго ранга „сильнымъ людямъ". Иначе, отдѣльные мятежи могли разростись до размѣровъ всеобщаго всероссійскаго мятежа, и только что возстановленный государственный порядокъ могъ снова рухнуть и страна впасть снова въ состояніе анархіи. Атмосфера общественная была напряжена до крайности, и событія 1648—50 гг., когда мятежи слѣдовали одинъ за другимъ, служили грознымъ предостереженіемъ.

Однимъ словомъ, все указывало на необходимость установленія между управляемыми и управляющими извѣстнаго modus vivendi, урегулированія ихъ взаимныхъ отношеній такъ, чтобы они служили опорой государственнаго порядка, а не причиной его разрушенія, и чтобы жизнь государственная текла въ спокойномъ руслѣ закономѣрности, а не потрясалась бурными потоками мятежей, при помощи которыхъ народъ хотѣлъ возстановить свои права и дать торжество правосудію. Это сознавали обѣ стороны—и верховная власть и народъ—и пришли наконецъ къ обоюдному соглашенію относительно установленія нормальнаго modus vivendi между властью и населеніемъ.

Народъ первый указалъ выходъ изъ создавшагося ненормальнаго положенія вещей. По мнѣнію народа, вы-

сказанному имъ въ челобитныхъ, подававшихся царю, все дѣло заключалось въ отсутствіи необходимыхъ законовъ, и потому онъ просилъ царя о „всѣхъ его нуждахъ“ „учинить указъ“, т.-е. составить новое уложеніе законовъ. Челобитья шли къ царю отовсюду. Повторилось мирное народное движеніе, подобное движенію половины XVI вѣка передъ земской реформой царя Ивана IV, въ результатѣ котораго былъ созванъ земскій соборъ 1648 года и составлено новое Уложеніе.

Что иниціатива въ данномъ случаѣ исходила именно отъ населенія, это призпавало даже само правительство. По словамъ одного акта, относящагося къ созыву собора 1648 года, рѣшеніе правительства „на всякія расправныя дѣла написать судебникъ и уложенную книгу, чтобъ впредь по той уложенной книгѣ всякія дѣла дѣлать и вершить безо всякого переводу и безволокитно“, состоялось „по челобитью стольниковъ и стряпчихъ и дворянъ московскихъ и жильцовъ, дворянъ и дѣтей боярскихъ всѣхъ городовъ и иноземцевъ и всякихъ чиновъ торговыхъ людей“, т. е. всего населенія московскаго государства.

Такимъ образомъ, для обезпеченія законнаго порядка въ странѣ обратились къ установленію нормъ не рядомъ съ верховной властью (какъ въ смутное время), дѣйствующихъ независимо отъ нея и даже регулирующихъ ее, но нормъ, исходящихъ отъ верховной власти, дѣйствующихъ ея именемъ и не регулирующихъ ее. Это былъ новый путь, на который ступило правительство, оставивъ прежній, выработанный смутнымъ временемъ.

Опыты кодификацій были и раньше—при Иванѣ III и при Иванѣ IV были составлены такъ называемые судебники. *) Но оба эти судебника обнимали далеко не

*) Между прочимъ царскій Судебникъ вполнѣ опредѣленно и совершенно категорически ставилъ себѣ задачу установленія въ

всѣ сферы государственной, общественной и частной жизни и служили скорѣе практическимъ цѣлямъ судопроизводства, чѣмъ нормированію отношеній. При составленіи Уложенія была поставлена болѣе широкая задача: во-первыхъ, обезпечить всѣмъ правосудіе—„и тѣ бъ статьи по тому же написати и изложити, по его государеву указу, общимъ совѣтомъ, чтобы московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большого и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлахъ равна", и во-вторыхъ, поставить весь государственный порядокъ на прочное основаніе закона—„чтобы его государево царственное и земское дѣло съ тѣми всѣми выборными людьми (земскимъ сборомъ) утвердити и на мѣрѣ поставить, чтобы тѣ всѣ великія дѣла, по нынѣшнему его государеву указу и соборному уложенію, впредь были ничѣмъ нерушимы".

Къ сожалѣнію, на дѣлѣ широкая цѣль свелась къ узкой процессуальной, которой служили и названные нами судебники, и, вопреки желанію Уложенія „поставить на мѣрѣ" все „государево и земское дѣло", государственный порядокъ какъ разъ остался неопредѣленнымъ въ законѣ. Въ Уложеніи есть, напримѣръ, наказанія за государственныя преступленія, но ничего не говорится объ органахъ верховной власти, о компетенціи верховной власти, равнымъ образомъ не опредѣляется компетенція низшихъ органовъ власти, хотя говорится о наказаніяхъ за посулы и взятки—однимъ словомъ, въ Уло-

---

странѣ правосудія. Это можно заключить изъ слѣдующихъ словъ царя, сказанныхъ имъ при представленіи Судебника Стоглавому собору. „И по вашему благословленію Судебникъ исправилъ,—сказалъ царь,—и великія заповѣди написалъ, чтобы то было прямо и брежно, судъ бы былъ праведенъ и безпосуленъ во всякихъ дѣлахъ".

женіи нѣтъ того, что мы называемъ теперь „основными законами“.

Неудивительно послѣ этого, что управленіе, недостаточно регулируемое закономъ, какъ въ центрѣ, такъ и на мѣстахъ продолжало оставаться тѣмъ же послѣ Уложенія, чѣмъ было и до составленія его.

Однако, было бы ошибкою приписывать все зло недостаткамъ Уложенія. Уложеніе само по себѣ, даже независимо отъ перечисленныхъ нами изъяновъ, не могло создать правового порядка.

Дѣло было не въ недостаткѣ законовъ, тѣмъ менѣе въ недостаткѣ регламентаціи, а въ той системѣ управленія, какая существовала въ московскомъ государствѣ, и въ томъ соціально-политическомъ состояніи, въ которомъ находился русскій народъ въ XVII вѣкѣ.

Мы разумѣемъ приказную систему управленія и закрѣпощеніе всего народа на службѣ государству.

8.

Мы уже знакомы съ практикой приказнаго управленія, съ правительственною дѣятельностью приказныхъ людей въ центрѣ и въ области. Многія изъ злоупотребленій ихъ можно объяснить личными особенностями этихъ людей и нравами того времени. Но центръ тяжести административныхъ и судебныхъ злоупотребленій и отсутствія закономѣрности въ русской жизни XVII вѣка лежалъ какъ и всегда не въ людяхъ—и тогда при приказномъ управленіи возможны были такіе истинно-государственные люди, какъ, напримѣръ, А. Л. Ординъ-Нащокинъ—а въ самой системѣ управленія.

Первое, что обращаетъ на себя вниманіе изслѣдователя приказной системы управленія и, такъ сказать,

изобличаетъ ея происхожденіе, это—связь учрежденія съ лицомъ. Московскій приказъ составляло въ сущности одно лицо, бояринъ, которому царь „приказывалъ“, поручалъ данную отрасль управленія. При этомъ связь между лицомъ и учрежденіемъ въ данномъ случаѣ была настолько велика, что значеніе учрежденія опредѣлялось значеніемъ лица, а не наоборотъ. „Личное значеніе первоприсутствующаго боярина могло дать одному приказу совершенный перевѣсъ надъ всѣми остальными, сдѣлать его главнымъ или важнѣе другихъ. Въ 1692 году, когда Посольскимъ приказомъ управлялъ знаменитый князь Василій Васильевичъ Голицынъ, этотъ приказъ взялъ верхъ надъ Разрядомъ *) (до тѣхъ поръ занимавшимъ первенствующее мѣсто между приказами) просто на томъ основаніи, что былъ канцеляріею перваго человѣка въ государствѣ“ (Дмитріевъ). Благодаря этому, въ управленіи приходилось считаться не съ учрежденіемъ, а съ лицомъ. Распространенію такого взгляда на учрежденіе способствовало само же правительство. Оно настолько придавало большое значеніе личному началу въ управленіи и настолько относилось къ нему съ довѣріемъ, что даже для борьбы съ злоупотребленіями властей, съ „сильными людьми“ прибѣгало къ посредству „сильныхъ же людей“. Такъ, напримѣръ, въ коммиссію „что на сильныхъ бьютъ челомъ“, учрежденную въ 1619 году для искорененія злоупотребленій, для защиты слабыхъ отъ сильныхъ, были назначены наиболѣе видные и вліятельные бояре. И потому-то въ приказномъ управленіи на передній планъ выступали лица, а учрежденія отодвигались на задній планъ, и считаться приходилось съ первыми, а не съ послѣдними. Передъ верховной властью, такимъ образомъ, стояла не

*) Разрядный приказъ, вѣдавшій военное дѣло.

система учрежденій, іерархически связанныхъ между собой, а скорѣе лѣстница лицъ, принадлежащихъ къ служилому сословію.

Эта тѣсная связь учрежденія съ лицомъ до полнаго, такъ сказать, покрытія учрежденія личностью, авторитета учрежденія авторитетомъ личности, была первой наиболѣе выдающейся особенностью приказнаго управленія и она же была первой помѣхой для проведенія въ жизнь начала закономѣрности. На пути развитія, прогресса во внутреннемъ управленіи, такъ же какъ и въ военномъ дѣлѣ, стояло прежде всего начало родовитости, чести, отлившееся въ форму мѣстничества. И въ частности оно, напримѣръ, не допускало установленія контроля, отчетности, отвѣтственности и т. д. въ управленіи. Всякая попытка въ этомъ направленіи грозила порухой чести и ущербомъ частнаго интереса. Между тѣмъ, игнорировать то и другое, при тѣсной связи управленія съ служилымъ сословіемъ, верховная власть не могла, и волей неволей государственный порядокъ до разрыва связи лица съ учрежденіемъ, уничтоженія господства личности въ управленіи, былъ обреченъ на застой.

Другую наиболѣе типичную черту приказнаго управленія составлялъ особый взглядъ на государственную службу, усвоенный должностными лицами. Они, какъ и въ XVI вѣкѣ, продолжали видѣть въ своихъ обязанностяхъ удовлетвореніе своихъ частныхъ интересовъ, а не осуществленіе государственной пользы. Насколько въ этомъ случаѣ жива была еще связь московскаго государства съ вотчинымъ управленіемъ, и насколько московскому правительству трудно было порвать эту связь, лучше всего показываетъ институтъ воеводъ.

Учреждая эту должность, правительство въ теоріи дѣлало рѣшительный шагъ въ сторону развитія государ-

ственныхъ началъ въ управленіи; хотѣло построить мѣстное управленіе на совершенно новомъ принципѣ. Воевода по идеѣ долженъ былъ проводить въ управленіи государственный интересъ. Въ этомъ состояло его отличіе отъ своего предшественника, т. е. намѣстника. „Намѣстникъ, по словамъ Чичерина, завѣдывалъ дѣлами на себя, воевода на царя. Намѣстникъ былъ кормленщикъ, воевода—правитель“. Но старое начало вступило въ борьбу съ новымъ въ лицѣ воеводы, и на дѣлѣ воевода не столько являлся проводникомъ новаго, государственнаго начала, сколько продолжателемъ стараго—частно-правового, оказался такимъ же кормленщикомъ, какъ и намѣстникъ.

Тѣ сборы служилаго человѣка на воеводство, которые въ шутливой формѣ описываетъ историкъ Соловьевъ, та всеобщая радость, которая охватываетъ самого служилаго человѣка и всю его семью („радъ дворянинъ собираться въ городъ на воеводство—и честь большая и кормъ сытый“, рада жена, дѣти, даже домашній юродивый), очень близки къ дѣйствительности. Просившіеся на воеводство прямо указывали правительству на необходимость имъ „покормиться“, поправить свои средства. А правительство, вмѣсто того, чтобы противиться такому желанію служилыхъ людей, просившихся на воеводство, шло ему навстрѣчу и еще болѣе укрѣпляло ихъ во взглядѣ на должность воеводы, какъ на доходную статью. Извѣстный историкъ Татищевъ, напримѣръ, разсказываетъ о слѣдующемъ случаѣ.

„Нѣкто дворянинъ просилъ царя Алексѣя Михайловича о воеводствѣ и сказалъ у себя два сына годныхъ на службу и третій малолѣтенъ. Государь послалъ въ Разрядъ спросить, есть ли городъ свободный, чтобы 500 или 600 рублевъ нажить, и донесли—Кострома,

куда его и пожаловали, сказавъ, чтобъ онъ, наживъ, деревню купилъ. Оный возвратясь, благодарилъ государя за милость и донесъ, что нажилъ, не болѣе 400 рублевъ. Государь послалъ тайно спросить того города дворянъ о его маломъ нажиткѣ и увѣдавъ, что онъ бралъ кто что принесетъ, а никого не грабилъ,—велѣлъ его на другой лучшій отпустить".

Въ концѣ концовъ даже вошло въ систему назначать на воеводство только инвалидовъ, разстроившихъ свое здоровье и состояніе на военной службѣ и уже негодныхъ къ послѣдней. Военная служба считалась выше и важнѣй гражданской. Насколько подобная точка зрѣнія на государственную службу, усвоенная воеводами и поддерживаемая правительствомъ, можетъ препятствовать закономѣрности управленія, едва ли надо доказывать. Это ясно само по себѣ.

Наконецъ, въ техническомъ отношеніи приказная система управленія отличалась крайней запутанностью и смѣшеніемъ функцій. Отдѣльные органы управленія (положимъ приказы), возникая по мѣрѣ потребности, не исчезали съ минованіемъ ея и громоздились одинъ на другой безъ всякой системы, безъ всякаго порядка, часто даже безъ всякой надобности. Соединеніе судебныхъ функцій съ административными и подчиненіе суда администраціи при этомъ было общимъ правиломъ.

Укажемъ еще на одинъ крупный пробѣлъ въ системѣ приказнаго управленія, точно также невыгодно отразившійся на интересахъ законности. Это—отсутствіе начала контроля и надзора, безусловно необходимаго въ дѣлѣ управленія. По словамъ одного изслѣдователя приказныхъ учрежденій, „контроль и надзоръ за администраціей были весьма несовершенны, потому что проявлялись почти всегда не систематически, не въ видѣ постоянной функ-

ціи высшихъ учрежденій, а въ формѣ разсмотрѣнія жалобъ со стороны потерпѣвшихъ“ (Рожковъ). Было одно учрежденіе, вызванное къ жизни цѣлями контроля и надзора, но оно какъ и всѣ приказныя учрежденія, отличалось смѣшеніемъ функцій и компетенціи и не получило развитія, вѣрнѣе получило иное назначеніе. Мы говоримъ о Тайномъ приказѣ.

Тайный приказъ возникъ изъ потребности верховной власти въ непосредственномъ управленіи, въ установленіи самодержавія въ подлинномъ смыслѣ этого слова, т. е., чтобы царская воля не встрѣчала на своемъ пути никакихъ преградъ, не опредѣлялась никакими формами, не преломлялась въ посредствующихъ инстанціяхъ, а осуществлялась непосредственно. Тенденція эта явилась подъ вліяніемъ того факта, что естественный ходъ вещей привелъ къ перемѣщенію центра тяжести управленія въ учрежденія (приказы) и къ значительной самостоятельности ихъ, господству ихъ въ ущербъ царской власти. Иными словами, самодержавіе съ развитіемъ политической жизни очень скоро пришло, какъ форма, къ самоотрицанію, вырожденію, вполнѣ конечно естественному, и представители верховной власти вздумали вернуть его къ первоначальной формѣ. Первую попытку въ этомъ направленіи сдѣлалъ еще Филаретъ, требуя отъ приказовъ непосредственныхъ докладовъ. Царь Алексѣй продолжалъ начатое Филаретомъ и сталъ осуществлять непосредственное управленіе при помощи Тайнаго приказа. Существующій порядокъ послѣ учрежденія Тайнаго приказа остался нетронутымъ, всѣ учрежденія остались на своихъ мѣстахъ и при своихъ функціяхъ. Прибавилось лишь новое учрежденіе, ставшее рядомъ съ прежними. Но это новое учрежденіе, Тайный приказъ, „существуя только рядомъ со всѣмъ механизмомъ управленія, поми-

нутно врѣзался въ дѣла и отношенія“ и „постепенно превратился въ такой механизмъ, который дѣйствовалъ въ предѣлахъ другого механизма, иногда въ помощь послѣднему, иногда въ видѣ корректива, но иногда и не считаясь съ нимъ“. При такой тенденціи Тайнаго приказа, онъ вмѣсто упорядоченія управленія могъ лишь вносить сюда еще большую путаницу и, будучи самъ не связанъ никакими предписаніями закона, скорѣе подрывалъ уваженіе къ закону, чѣмъ укрѣплялъ его силу.

Кромѣ того—зачѣмъ въ сущности понадобилось царю непосредственное управленіе, не считающееся ни съ существующими учрежденіями, ни съ закономъ?

Однимъ изъ мотивовъ къ учрежденію Тайнаго приказа, дѣйствительно, было желаніе царя личнымъ вмѣшательствомъ въ любой моментъ пресѣкать злоупотребленія властей, такъ сказать, въ самомъ корнѣ и тѣмъ самымъ оказывать народу услугу. Но это побужденіе не было исключительнымъ. На ряду съ нимъ дѣйствовало другое—чувство личнаго самосохраненія. На ординарныя учрежденія, при занятомъ ими самостоятельномъ положеніи и при крайней разнузданности приказныхъ людей, царь не могъ положиться. Между тѣмъ, въ народѣ все возрастало недовольство правительствомъ, въ частности даже самимъ царемъ, и принимало очень грозные размѣры и формы.

И вотъ, чтобы оградить себя, имѣть возможность во-время предупреждать всякія козни или разыскивать причастныхъ къ нимъ, царь и обратился къ такому экстраординарному учрежденію, какъ Тайный приказъ. Эта послѣдняя цѣль учрежденія приказа, какъ болѣе близкая царю въ концѣ концовъ взяла верхъ надъ первой, и онъ обратился въ органъ сыска и суда по государственнымъ, вѣрнѣе государевымъ преступленіямъ. Нѣ-

которые изслѣдователи только эту задачу и оставляютъ Тайному приказу.

9.

Правовое положеніе народа также скорѣе благопріятствовало расцвѣту произвола и игнорированію интересовъ народа, чѣмъ гарантировало его отъ того и другого. Народъ, какъ извѣстно, былъ весь сверху до низу закрѣпощенъ. На каждое сословіе было положено тягло, и всѣ сословія были обязаны вѣчной безвыходной службой государству, были, такъ сказать, закрѣпощены государству. Эта служба держала народъ какъ бы въ тискахъ, какъ прессъ выжимала изъ него всѣ соки, отнимала средства, время, силы и не оставляла никакого мѣста для частныхъ и общественныхъ интересовъ, для осуществленія своихъ законныхъ гражданскихъ и политическихъ правъ. И правительство, заинтересованное болѣе всего въ исправномъ отбываніи населеніемъ государственной службы, не столько заботилось объ обезпеченіи правъ населенія и защитѣ его интересовъ, сколько слѣдило за тѣмъ, чтобы никто не уклонялся отъ исполненія возложенныхъ на него обязанностей. „Нѣтъ никого, кто бы былъ помилованъ,—какъ говоритъ Никонъ,—нищіе, слѣпые, хромые, вдовы, чернецы и черницы—всѣ данями обложены тяжкими, вездѣ плачъ и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, нѣтъ никого веселящагося во дни сіи“.

Недостатокъ заботливости, вниманія со стороны правительства къ правамъ и интересамъ населенія можетъ возмѣщаться дѣятельностью въ этомъ направленіи органовъ общественнаго управленія. Однако, русская дѣйствительность XVII вѣка не благопріятствовала и въ этомъ отношеніи. Населеніе было раздѣлено на отдѣль-

ныя сословія, между которыми не было связи. Наоборотъ господствовала полная рознь. Подневольная государственная служба только и объединяла сословія. Внѣ этой общей повинности они стояли другъ противъ друга, какъ чужія, не только разрозненныя, но даже прямо враждебныя другъ другу. При такихъ условіяхъ, не могло быть общественной жизни въ смыслѣ преслѣдованія общихъ цѣлей и обезпеченія за всѣмъ населеніемъ правъ и охраны его интересовъ. И дѣйствительно, земская жизнь совершенно замерла во второй половинѣ XVII вѣка. О ней напоминали только губные старосты, да немногіе, кое-гдѣ уцѣлѣвшіе такъ называемые „земскіе судейки“, выборные судьи.

Еще менѣе можно говорить о какомъ-либо участіи народа въ государственномъ управленіи въ это время, послѣ прекращенія созыва земскихъ соборовъ и стѣсненія даже исконной формы пассивнаго участія, подачи коллективныхъ челобитенъ. Поэтому русскій человѣкъ XVII вѣка не былъ обезпеченъ въ своихъ правахъ и интересахъ ни со стороны государства, ни со стороны общества, былъ одинокъ и безпомощенъ въ самомъ ужасномъ смыслѣ этихъ словъ.

Едва ли послѣ всего сказаннаго надо добавлять, съ какимъ трудомъ могла проникать въ русскую жизнь XVII вѣка законность, сколько она должна была встрѣчать на своемъ пути препятствій, и какъ ничтожны должны были быть ея завоеванія, при описанныхъ соціально-политическихъ условіяхъ жизни русскаго народа въ XVII вѣкѣ.

На крѣпостной характеръ московскаго государства, вслѣдствіе всемогущества государственной власти и отсутствія у народа права самоопредѣленія, какъ первопричину всѣхъ бѣдъ русскаго народа, указалъ тогда же извѣстный славянинъ Юрій Крижаничъ, посѣтившій Россію въ царствованіе Алексѣя Михайловича.

„Великое наше родное несчастіе,—говоритъ онъ о славянахъ вообще и въ частности о русскихъ въ своихъ „Политическихъ думахъ“,—это неумѣренность во власти; не умѣютъ наши люди ни въ чемъ мѣры держать, не могутъ среднимъ путемъ ходить, но все по окраинамъ и пропастямъ блуждаютъ. То у насъ правительство въ конецъ распущено, господствуетъ своеволіе, безнарядье, то уже черезчуръ твердо, строго и свирѣпо. Во всемъ свѣтѣ нѣтъ такого безнаряднаго и распутнаго государства, какъ польское, и нѣтъ такого крутого правительства, какъ въ Россіи. Расплодились въ русскомъ народѣ премерзкіе нравы, такъ что предъ другими народами русскіе являются обманчивыми, невѣрными, склонными къ воровству, убійству, неучтивыми въ бесѣдѣ, нечистоплотными. А отчего все это происходитъ? Оттого... что люди отовсюду и вездѣ связаны, ничего не могутъ свободно дѣлать, трудомъ рукъ своихъ не могутъ свободно пользоваться“.

Въ этихъ немногихъ словахъ, можно сказать, заключается вся философія московскихъ порядковъ. Трудно болѣе мѣтко и кратко выразить мысль о политическомъ деспотизмѣ русскаго государства и безправіи русскаго народа, какъ основной причинѣ всѣхъ его бѣдъ.

10.

Несомнѣнно, въ интересахъ законности надо было разрушить тѣ соціально-политическія условія, при которыхъ жилъ русскій народъ въ XVII вѣкѣ. Между тѣмъ Уложеніе не только не сдѣлало этого, но наоборотъ закрѣпило санкціей закона созданныя жизнью и отдѣльными правительственными распоряженіями эти условія. Будучи памятникомъ законодательства старой, московской Руси, Уложеніе, такъ сказать, сказало послѣднее слово. Отрицательная работа не входила въ планы законода-

теля, да и не могла входить, поскольку само Уложеніе является продуктомъ московской Руси и поскольку оно ставило себѣ созидательную, а не разрушительную задачу.

Со страницъ Уложенія такъ и смотритъ на насъ старая московская Русь, ничѣмъ не прикрашенная,—самодержавная, приказная, грубая, жестокая, лицемѣрная. Уложеніе признаетъ только одну власть по уполномочію царя, земской власти для него не существуетъ. Государство оно отождествляетъ съ личностью царя, для него государево и государственное одно и то же. Въ наказаніи нарушителей законовъ и правъ оно видитъ только цѣль устрашенія—„чтобы другимъ неповадно было“. Исправительная цѣль наказанія еще недоступна его пониманію. Отсюда такая широкая практика пытокъ, смертныхъ казней, вообще жестокость наказаній. Убилъ человѣкъ—и его убиваютъ; сжегъ человѣкъ—и его сжигаютъ; поддѣлалъ монету—заливаютъ горло металломъ и т. д.

„Учинить жестокое наказаніе“, „бить нещадно кнутомъ, безъ милосердія“, „пытать съ пристрастіемъ, накрѣпко“ и т. п.—вотъ обычныя выраженія этого законодательнаго памятника. И наряду съ этимъ благочестивая заботливость о святости и нерушимости обычаевъ и требованій православной церкви—формальныхъ, въ родѣ посѣщенія церкви, соблюденія постовъ. Совсѣмъ въ стилѣ древне-русскаго формальнаго благочестія, по которому почиталось грѣховнымъ пить молоко по пятницамъ и не считалось грѣхомъ обмануть человѣка или полагалось подходить къ причастію въ чистомъ платьѣ, а грязная душа, запятнанная совѣсть не служили для этого препятствіемъ.

„Въ немъ, по словамъ изслѣдователя, всѣ казни,

самыя грозныя, самыя мучительныя, собраны строгимъ воображеніемъ, и систематически расположены холоднымъ умомъ законовѣдца. Филантропъ изумляется, читая Уложеніе, и едва вѣритъ, что когда-то сіи казни существовали дѣйствительно, были точно исполняемы, и спрашиваетъ въ недоумѣніи: неужели сіе Уложеніе издано царемъ, который предъ лицомъ Вселенскихъ патріарховъ всенародно сказалъ, что онъ рожденъ и воспитанъ въ благочестіи?“

Но надо быть справедливымъ и не требовать отъ XVII вѣка того, что оказалось не подъ силу даже XVIII вѣку и явилось только въ XIX вѣкѣ. Уложеніе же, какъ мы уже сказали, подвело итоги прошлому, старому, резюмировало и формулировало русскую государственную и соціальную жизнь XVII вѣка. Въ этомъ его сила и въ этомъ же его слабость, во всякомъ случаѣ извиняемая временемъ.

Не надо еще забывать, что Уложеніе составлено послѣ смутнаго времени, времени беззаконія, полнаго распада государственной власти и утраты чувства законности населеніемъ. Съ этой стороны, Уложеніе явилось своего рода реакціей смутѣ въ видѣ сильной, твердой и безпощадной власти, вооруженной жестокими законами. Въ такомъ случаѣ понятно поражающее насъ отсутствіе въ Уложеніи земскаго элемента. Памятникъ, подводящій итоги древней московской Руси, резюмирующій ея начала, тѣмъ не менѣе не отвелъ никакого мѣста земскому началу, совершенно игнорировалъ его, какъ будто его не было. Это на первый взглядъ странное упущеніе объясняется именно реакціей и рабскимъ, крѣпостнымъ характеромъ строя жизни. Въ несвободной, тяглой Руси не мѣсто свободному земскому началу, и законодатель игнорировалъ его.

Итакъ, ни XVI, ни XVII вѣку не дано было разрѣшить поставленную передъ ними жизнью проблему законности, водворить въ странѣ закономѣрный порядокъ. Эта капитальная задача оказалась имъ не подъ силу. Недостатка въ усиліяхъ въ этомъ направленіи, какъ видно изъ всего вышеизложеннаго, не было ни со стороны народа, ни со стороны также правительства. Правительство принимало все время тѣ или иныя мѣры къ водворенію въ странѣ законности. Оно то дѣйствовало съ этой цѣлью при помощи собственныхъ органовъ, приказныхъ людей, то обращалось къ содѣйствію населенія, передавало земскимъ выборнымъ функціи государственной власти, издавало законы, регламентировало управленіе. Но все оказывалось тщетнымъ. Былъ моментъ, когда установленіе закономѣрнаго порядка казалось возможнымъ и близкимъ. Это—время послѣ избранія на царство М. Ѳ. Романова. Но наступившая въ правительственныхъ сферахъ реакція и возстановленіе разрушеннаго смутой самодержавія помѣшали этому.

Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, при каждой отдѣльной попыткѣ водворить законность, были свои частныя причины неудачи, какъ, напримѣръ, при земской реформѣ Ивана IV или при учрежденіи должности воеводы. Были причины и болѣе общаго характера, въ родѣ приказной системы управленія или крѣпостного состоянія народа. Но главной, коренной причиной была молодость, незрѣлость въ политическомъ отношеніи русскаго государства.

Московское государство произошло изъ вотчины московскаго князя и, хотя прошли вѣка, въ теченіе которыхъ владѣнія московскаго князя расширились до предѣловъ государства, а самъ онъ сталъ царемъ и великимъ князем всея Руси, тѣмъ не менѣе слѣды его

происхожденія еще сохранились. И даже въ половинѣ XVII вѣка, не говоря уже о XVI в., московское государство отличается крайнею примитивностью и элементарностью въ политическомъ отношеніи. Московское правительство еще только нащупываетъ настоящій путь, которымъ должна итти государственная власть въ дѣлѣ устроенія государства, удовлетворенія народныхъ потребностей и выполненія своихъ обязанностей по отношенію къ народу. Не выяснены даже самыя обязанности, не поставлены опредѣленно задачи государственнаго управленія, не найдены средства. Отсюда колебанія, переходъ отъ одной системы управленія къ другой, одновременное существованіе нѣсколькихъ формъ для удовлетворенія одной потребности, спутанность компетенціи властей, отсутствіе необходимыхъ функцій у представителей власти и т. д. Въ результатѣ же—несостоятельность управленія въ дѣлѣ установленія въ странѣ закономѣрнаго порядка. Дальше приказной системы московское правительство не пошло. Но насколько эта система была въ состояніи обезпечить закономѣрность управленія, мы уже видѣли.

Такая медленность перехода московскаго государства отъ вотчинныхъ отношеній къ государственнымъ находитъ себѣ объясненіе во внѣшнемъ положеніи государства, на которое намъ уже приходилось указывать раньше. Судьба возложила на Россію XVI и XVII вѣка разрѣшеніе двухъ чрезвычайно важныхъ задачъ: создать государственный порядокъ, ограждающій интересы населенія внутри и защитить государство извнѣ. При другихъ обстоятельствахъ одновременное разрѣшеніе этихъ задачъ не представляло бы большого затрудненія,—онѣ лежатъ, собственно говоря, на каждомъ государствѣ и во всякое время. Но Россія должна была отстаивать свое существованіе въ качествѣ государства прежде, чѣмъ

послѣднее вполнѣ сложилось и была выработана достаточно удовлетворительная система внутренняго управленія и внѣшней обороны. Вслѣдствіе этого потребность во внѣшней оборонѣ, въ виду постоянной напряженной опасности извнѣ, какъ наиболѣе неотложная, независимая отъ государственной власти, подчинила себѣ потребность въ улучшеніи, усовершенствованіи внутренняго управленія, и задача укрѣпленія границъ задержала внутренній ростъ государства, оставила его на низкомъ уровнѣ. Обращеніе къ Западной Европѣ въ концѣ XVII вѣка усилило рессурсы государства и внесло усовершенствованія въ дѣло внутренняго управленія, но взаимное отношеніе обѣихъ задачъ осталось безъ измѣненія, доминирующая роль осталась за внѣшней обороной, и успѣхи внутренняго управленія волей неволей задерживались.

Въ концѣ концовъ, Россія избавилась отъ тяжелой заботы самосохраненія, отстаиванія своего существованія и, спокойная за завтрашній день, могла приняться за усовершенствованіе внутренняго управленія, приспособленіе его не къ нуждамъ внѣшней обороны, по преимуществу, какъ это было до сихъ поръ, а къ нуждамъ самаго народа.

Но это произошло значительно позже—во второй половинѣ XIX вѣка, когда было снято съ народа ярмо крѣпостной зависимости и положено первое начало правовому строю,—въ XVII же вѣкѣ, тѣмъ болѣе въ XVI, внѣшняя опасность стояла передъ государственной властью во всей своей грозной силѣ, и потому въ жертву ей оказались принесенными самыя насущныя нужды населенія, и государственный порядокъ принялъ форму (самодержавно-приказную), приспособленную къ служенію не столько интересамъ народа, сколько стоявшей надъ нимъ государственной власти.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Шведская литература.

Т. Гедбергъ.

№ 75-76. **Іуда.** Повѣсть. Переводъ и предисловіе *В. Спасской.*

С. Лагерлёфъ.

№ 65. **Легенда одной усадьбы.** Повѣсть. Пер. *М. Благовѣщенской.*

№ 105. **Деньги господина Арне.** Разсказъ. Переводъ *М. Благовѣщенской.*

Я. Седербергъ.

№ 119. **Гертруда.** Драма въ 3 дѣйствіяхъ. Пер. *Ю. Балтрушайтиса.*

А. Стриндбергъ.

№ 61. **Отецъ.** Драма въ 3 дѣйств. Переводъ *Ю. Балтрушайтиса.*

№ 74. **Товарищи.** Комедія въ 4 дѣйств. Переводъ *Л. Б. Хавкиной.*

№ 79. **Графиня Юлія.** Реалистическая трагедія съ предисловіемъ автора. Перев. *Л. Б. Хавкиной.*

№ 88. **Пепелище.** Драма. Переводъ *Ю. Балтрушайтиса.*

Англійская литература.

О. Уайльдъ.

№ 21. **Саломея.** Драма въ 1 д. Авторизованный пер. *М. Ликіардопуло.* Съ предисловіемъ переводчика и *Р. Росса.* Второе изданіе.

№ 41. **Вѣеръ леди Уиндермеръ.** Пьеса въ 4 дѣйств. Авторизованный переводъ *М. Ликіардопуло.*

Б. Шоу.

№ 56. **Промыселъ госпожи Варренъ.** Др. въ 4 д. Пер. *В. А. Готвальтъ.*

№ 63. **Фарисеи.** Комедія въ 3 дѣйств. Переводъ *В. А. Готвальтъ.*

Голландская литература.

Г. Гейермансъ.

№ 23. **Всѣхъ Скорбящихъ.** Драма въ 3 дѣйст. Перев. *А. Израильсона.*

Нѣмецкая литература.

Л. Анценгруберъ.

№ 115. **Нашла коса на камень.** Драма въ 3 д. Пер. *Л. и П. Тепловыхъ.*

М. Бетхеръ.

№ 38. **Шквалъ.** Драма въ 4 дѣйств. Переводъ *В. А. Готвальтъ.*

М. Гальбе.

№ 108. **Юность.** Драма въ 3 дѣйств. Переводъ *Л. и П. Тепловыхъ.*

Г. Гауптманъ.

№ 9. **Передъ восходомъ солнца.** Соціальная драма. Пер. *Л. и П. Тепловыхъ.*

№ 14. **Роза Берндъ.** Драма въ 5 дѣйств. Перев. *Р. Левіашъ.*

№ 15. **Эльга.** Драма. Переводъ *С. Гарденина.*

№ 22. **Извозчикъ Геншель.** Драма въ 5 д. Переводъ *Г. Вилліамъ.*

№ 25. **Одинокіе люди.** Драма въ 5 дѣйств. Перев. *Л. и П. Тепловыхъ.*

№ 37. **Михаэль Крамеръ.** Драма въ 5 д. Переводъ *Л. М. Василевскаго.*

№ 49-50. **Потонувшій колоколъ.** Драма-сказка. Переводъ въ стихахъ *В. И. Дунаева.*

№ 51. **Праздникъ мира.** Пьеса въ 3 д. Переводъ *Л. М. Василевскаго.*

Ф. Геббель.

№ 57. **Юдиѳь.** Трагедія въ 5 дѣйств. Переводъ *Виктора Гофмана.*

П. Гейзе.

№ 35. **Марія изъ Магдалы.** Драма въ 5 акт. Перев. *Н. Бронштейна.*

Г. Гофмансталь.

№ 28. **Свадьба Зобеиды.** Драматич. эскизъ въ 3 картин. Переводъ въ стихахъ *О. Н. Чюминой.*

№ 29. **Смерть Тиціана. Вчера.** Драматич. этюды въ стихахъ. Переводъ *О. Чюминой и Л. Василевскаго.*

№ 68. **Женщина въ окнѣ. Глупецъ и смерть.** Драматич. этюды въ стихахъ. Переводъ *Л. Василевскаго и Г. Галиной.*

№ 90. **Эдипъ и Сфинксъ.** Трагедія въ 3 д. въ стихахъ. Пер. *О. Н. Чюминой.*

М. Делла Граціэ.

№ 30. **Катастрофа.** Драма изъ жизни углекоповъ. Пер. *Л. и П. Тепловыхъ.*

М. Дрейеръ.

№ 67. **Семнадцатилѣтніе (Молодежь).** Драма въ 4 дѣйств. Переводъ *Р. М. Маркович*ъ.

Г. Зудерманъ.

№ 77. **Іоаннъ.** Траг. въ 5 д. съ пролог. Переводъ *П. Д. Городецкой* подъ редакціей *Л. М. Василевскаго.*

Г. Манъ.

№ 114. **Флейты и кинжалы.** Новеллы. Пер. *Виктора Гофмана.*

К. Фибихъ.

№ 26 27. **Бабья деревня.** Романъ. Переводъ *Н. И. Бронштейна.*

№ 89. **Борьба за мужчину.** Тетралогія. Переводъ *Л. М. Василевскаго.*

И. Фрапанъ.

№ 81. **Спасители нравственности.** Драма въ 3 д. съ пролог. Разрѣшен. авторомъ переводъ *В. Величкиной.*

А. Шницлеръ.

№ 10. **Зеленый попугай.** Картинка въ 1 д. Переводъ ***В. Дунаева.***

№ 16. **Сказка.** Драма въ 3 д. Переводъ *З. Мейерович*ъ. Второе изданіе.

№ 39. **Сумеречныя души.** Новеллы. Переводъ *С. М. Антикъ.*

№ 46. **Поручикъ Густль.** Новелла. Переводъ *В. А. Восходова.*

№ 70. **Смерть.** Новелла. Переводъ *Н. И. Бронштейна.*

№ 91-92. **Фрау Берта Гарланъ.** Новелла. Переводъ *С. М. Антикъ.*

№ 95. **Часы жизни.** Тетралогія. Переводъ *А. Гретманъ и Е. Ю-ге.*

№ 97. **Жена мудреца.** Маленькія новеллы. Переводъ *В. А. Восходова.*

№ 98. **Забава.** Драма въ 3 дѣйств. Переводъ *Л. Тепловой.*

№ 102. **Безъ запрета.** Драма въ 5 д. Переводъ *Л. Тепловой.*

№ 106. **Маріонетки.** Трилогія. Переводъ *Н. И. Бронштейна.*

№ 109. **Интермеццо.** Комедія въ 3 дѣйств. Переводъ *С. М. Антикъ.*

№ 116-117. **Покрывало Беатриче.** Драма въ 5 дѣйств. Пер. въ стихахъ *Л. М. Василевскаго.*

М. Яничекъ.

№ 85. **Женщина.** Эскизы. Переводъ *Л. Горбуновой.*

Французская литература.

П. Аданъ.

№ 83. **Византія.** Драма. Переводъ *А. Воротникова.*

Э. Верхарнъ.

№ 60. **Монастырь.** Драма въ стихахъ. Переводъ *Эллиса* съ предисловіемъ *Андрея Бѣлаго.*

№ 69. **Зори.** Драма. Переводъ *А. Воротникова и С. Шамбинаго.*

Ф. Коппе.

№ 42. **Северо Торелли.** Драма въ 5 д. въ стихахъ. Пер. *О. Н. Чюминой.*

Ф. де-Кюрэль.

№ 31. **Новый кумиръ.** Переводъ *Ан. Чеботаревской.*

К. Лемонье.

№ 36. **Мертвецъ. Руки. Глаза, которые видѣли.** Пьесы съ предисловіемъ автора. Переводъ *Н. Соболевскаго.*

Леконтъ де-Лиль.

№ 40. **Эринніи.** Античная траг. въ 2 ч. въ стих. Пер. *О. Н. Чюминой.*

П. Меримэ.

№ 86. **Карменъ.** Повѣсть. Переводъ *Г. А. Рачинскаго.*

№ 93-94. **Жакерія.** Драма. Переводъ и предисловіе *З. Венгеровой.*

М. Метерлинкъ.

№ 11. **Монна Ванна.** Пьеса въ 3 д. Пер. *Анс. Чеботаревской.* Второе изд.
№ 19. **Сестра Беатриса. Смерть Тентажиля.** Пьесы. Пер. *М. В. Пичета.* Второе изданіе.
№ 47. **Чудо Св. Антонія. Аріана и Синяя борода.** Пер. *А. Воротникова.*
№ 62. **Слѣпые. Тамъ внутри. Непрошеная.** Пьесы. Пер. *Н. Соболевскаго.*
№ 82. **Пелеасъ и Мелизанда.** Пьеса въ 5 д. Пер. *Анс. Чеботаревской.*
№ 104. **Аглавена и Селизетта.** Пьеса въ 5 дѣйств. Перев. *Н. Эфроса.*

Ж. Роденбахъ.

№ 118. **Мертвый Брюгге.** Романъ. Переводъ *А. Мирэ.*

Жеромъ и Жанъ Таро.

№ 96. **Слава Дингли.** Романъ. Пер. и предислов. *Ал. Чеботаревской.*

Г. Флоберъ.

№ 84. **Иродіада. Сказаніе о св. Юліанѣ Милостивомъ. Простая душа.** Разсказы. Перев. *Н. Соболевскаго.*

А. Франсъ.

№ 71-72. **Источникъ Святой Клары.** Новеллы. Перев. *Е. Т. и М. Н. Коваленскихъ.*

Испанская литература.

Х. Эчегарай.

№ 107. **Великій Галеотто.** Драма въ 3 дѣйств. съ прологомъ. Переводъ и предисловіе *Л. Б. Хавкиной.*

Итальянская литература.

Э. д'Амичисъ.

№ 20. **Учительница рабочихъ.** Повѣсть. Переводъ *Н. И. Бронштейна.*

Г. д'Аннунціо.

№ 17. **Дочь Іоріо.** Пастушеская траг. Пер. *Н. И. Бронштейна.* Втор. изд.
№ 48. **Сильнѣе любви.** Современная трагедія. Пер. *Н. И. Бронштейна.*
№ 58-59. **Корабль.** Трагедія. Переводъ *Н. И. Бронштейна.*

Польская литература.

С. Жеромскій (Зыхъ).

№ 18. **Лѣсные отголоски и др. разсказы.** Перев. *Е. и И. Леонтьевыхъ.*

Э. Ожешко (редакція и предисловіе).

№ 32-33. **Изъ одного русла.** Сборникъ разск. Пер. *Е. и И. Леонтьевыхъ.*

С. Пшибышевскій.

№ 12. **Снѣгъ.** Драма въ 5 д. Пер. *Е. и И. Леонтьевыхъ.* Второе изд.
№ 24. **Вѣчная сказка** Драмат. поэма. Пер. *Е и И. Леонтьевыхъ.* Втор. изд.
№ 45. **Ради счастія. Мать.** Драмы. Пер. *Е. и И. Леонтьевыхъ.* Втор. изд.
№ 73. **Пляска любви и смерти. I. Золотое руно. II. Гости.** Драмы. Перев. *Е. и И. Леонтьевыхъ.*
№ 103. **Обрученіе.** Драма въ 3 д. Съ приложен. статьи „О драмѣ и сценѣ". Авториз. переводъ *В. Высоцкаго.*
№ 112-113. **Сыны земли.** Романъ. Переводъ *Е. и И. Леонтьевыхъ.*

К. Тетмайеръ.

№ 78. **Бездна.** Психологическая фантазія. Переводъ *В. Высоцкаго.*

Русское Товарищество, Москва.

